

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н44

Серия основана в 1995 году

Эта книга от начала и до конца придумана автором. Конечно, в ней использованы некоторые подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако события, место действия и персонажи, безусловно, вымышлены. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Все права защищены, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «Издательство АСТ».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.03.05.
Формат 84Х108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 20 000 экз. Заказ 1011.

15ВІМ 5-17-030384-Х (ООО «Издательство АСТ»)
151Ш 5-7390-1644-4 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)
18ВЫ 985-13-3642-4 (Харвест)

© СоруцЫІ Ьу Рне.ЛнсН Ыегапхку, Сеппаны, 2005
© ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2005
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2005

Пролог

КРОВАВАЯ РАЗВЯЗКА

Ночь была наполнена слабым шорохом листвы, неясными голосами и редким хрустом тяжелых ботинок на гравийных дорожках. Полная луна цвета спелого абрикоса стояла над Кавказским хребтом. Охранники бродили вокруг беседки, в которой за столом сидели хозяин и его поздний гость. Стены беседки, как в абхазской пацхе, были сплетены из прутьев. Свет от яркой лампы, висевшей в ней, пробивался сквозь плетение и серебряной мишурой украшал листья абрикосовых деревьев.

Но разговор за столом шел, очевидно, тяжкий. Говорил, медленно и веско роняя слова, хозяин — спортивного вида молодой человек в олимпийской тренировочной форме и в кожаной безрукавке — кацавейке, какие носят на юге пожилые люди. У него была бритая голова, приплюснутый нос на плоском лице и волевой квадратный подбородок. Он чем-то напоминал собаку-боксера, приготовившегося к броску и напряженно ожидавшего команду «фас!».

А гость, ровесник хозяина, но явно выше его ростом, внешность имел не спортивную, а скорее артистическую. Он и одет был словно на выход в свет — в дорогом костюме и при галстукe. Не обращая внимания на то, что говорил хозяин, он внимательно читал

разложенные на столе документы и время от времени хмыкал, иронически покачивая головой. Видимо, его мимика бесила хозяина.

Наконец гость перевернул последнюю страничку, негромко хлопнул ладонью по пухлой кипе бумаг перед собой и сказал:

— Все это — чистой воды липа. Все твои обещания — не более чем способ элементарно оттянуть время. Выждать, ободряя людей весьма призрачной надеждой, а потом в удобный тебе момент нанести решающий удар. Я понял твою тактику. И прошедшее собрание — лишнее тому доказательство.

— Я готов выслушать твои условия, — с откровенной насмешкой пробурчал хозяин и плотнее запахнул безрукавку — становилось прохладно, а руки засунул в ее карманы.

— Ты их уже слышал. Аннулировать решение собрания. Выслушать всех. После чего переголосовать заново. Савельева на съедение тебе народ не отдаст.

— А если я не соглашусь? — повысил голос хозяин.

— Куда ты денешься? Все эти материалы мы немедленно передаем в прокуратуру. Плюс кое-что еще, вокруг чего ты определенно не хотел бы поднимать шума.

— Не угрожать ли мне собираетесь?

— Ни в коем случае. Мы лишь требуем соблюдения законности. Тебе придется умерить свой волчий аппетит.

— Это мы еще посмотрим, — теперь уже с угрозой процедил сквозь зубы хозяин и снова зябко повел широкими плечами.

— Ну, все, баста. Если ты не желаешь принимать наши условия, я иду за людьми. Тебе придется выслушать не только мое мнение.

Гость поднялся, сгреб бумаги одной рукой и ногой отодвинул табурет, на котором сидел.

— Сядь! — хрипло прорычал хозяин. — Никуда ты не пойдешь, пока я все не скажу.

— А вот ты мне, кажется, действительно угрожаешь! — натянуто засмеялся гость и отмахнулся от него рукой с зажатыми в них документами. — Не стой на дороге!

Он сделал шаг, и в это же мгновение сухо треснул выстрел.

Мужчина резко вздрогнул и, медленно разворачиваясь к хозяину, тяжело осел на утоптаный пол беседки. Он попытался приподняться, рассыпав вокруг себя бумаги. Однако следом ударили еще два выстрела подряд — хозяин дергающейся рукой выстрелил в упавшего человека.

В беседку прыжком ворвался рослый, широкоплечий парень в армейской камуфляжной форме, вмиг оценил ситуацию и, вырвав пистолет из руки хозяина, спокойно навел его на гостя и выстрелил тому в голову. Мужчина дернулся в последний раз и затих.

— Вот так это делается, — с презрением кинул он хозяину, застывшему с обезумевшим от ярости лицом. — Шум-то тебе на хрена? Не умеешь, не берись!.. А с теми теперь что прикажешь делать?

Он сунул пистолет обратно в руку хозяина.

— Убрать! Всех убрать к... матери! — зарычал хозяин, размахивая оружием. — С глаз долой, чтоб и следов не осталось! Игнат, ты меня понял?! — Он схватил охранника за отвороты куртки и бешено затряс. — Всех, твою мать!..

На асфальтовой дороге, ведущей от ворот к трехэтажному дому, слева от которого в абрикосовом саду стояла беседка, слышались крики и топот многих ног. Охранник метнулся из беседки в темноту сада.

Возле ворот, перед опущенным шлагбаумом, за которым прохаживались двое вооруженных автоматами охранников в голубом милицеском камуфляже, стоял «рафик» с шестью мужчинами в салоне. Они

ждали, когда их позовут на переговоры, которые пока вел старший в их компании.

Выстрелы они слышали все сразу и, откатив в сторону дверцу автомобиля, вывалились наружу.

— Это там! — кричал один из них, показывая на темную аллею к освещенному фонарями и луной дому.

И они ринулись туда, расшвыряв по сторонам обоих охранников, попытавшихся преградить им путь.

— Стой! Стрелять буду! — завопил охранник, поднимаясь с земли.

— Не смейте, мерзавцы! — кричал тот, кто бежал позади других.

Но охранник дал короткую очередь над головами бегущих, однако это их не остановило. А вот отставший на миг притормозил, выхватил из кармана пистолет и сделал несколько выстрелов вперед, крича при этом, чтобы охранники немедленно прекратили стрельбу.

И сейчас же с обеих сторон темной аллеи по бегущим людям ударили короткие автоматные очереди. Меньше чем через минуту все было кончено. Еще шесть трупов лежали на подстриженном газоне и черном асфальте дороги.

В беседку вошли Игнат и один из охранников. Его «Калашников» с опустевшим рожком болтался за спиной.

— Женя, — обратился хозяин к охраннику, не поднимая на него глаз, — что вы там натворили?

— Они первыми начали. — Охранник пожал плечами и взглянул на Игната.

— Наделали делов... — мрачно процедил хозяин, глядя в пол. — А отвечать теперь кто будет?

— Там один козел, — вступил в разговор Игнат, — спровоцировал охрану. Он начал стрелять. А наши палили в небо, чтоб предупредить. Да вот так получилось.

— Сколько раз тебе повторять?! — рявкнул в крайнем уже раздражении «боксер».

— Извини, хозяин... Извините, Юрий Петрович. А с трупками чего делать будем?

— Убрать! И подальше, чтоб...

— Понятно. Давай, Жека, зови своих, пусть этого унесут. А утром прибраться надо, и там — тоже. Пару рожков они начисто расстреляли, Юрий Петрович. А им отчитываться.

— Завтра прикажу, наполнят им рожки. Стреляные гильзы собрать не забудьте...

Юрий Петрович постоял над убитым, поджав губы, покачал головой, сказал про себя: «Ну вот и все, ты сам так захотел», будто сожалея о чем-то, а потом нагнулся и собрал с глиняного пола разбросанные документы с темными кровавыми пятнами на некоторых листах. Еще раз взглянул на убитого и молча ушел в дом.

-

Спустя полчаса охранник Женя поднял шлагбаум, и из погруженной во тьму усадьбы неслышно выехали большой черный джип и «рафик». Достигнув федерального шоссе, водители выставили на крыши своих машин синие милицейские «мигалки» и понеслись прочь от города, в сторону гор, черная зубчатая гряда которых, подсвеченная луной, четко проступала на темно-лиловом небосклоне, усыпанном по-осеннему крупными звездами.

За рулем каждого автомобиля сидели охранники в милицейской форме. Микроавтобус был, что называется, «под завязку» забит большими, продолговатыми мешками, в которых санитарные машины обычно перевозят трупы.

Автомобили направлялись к заброшенным известняковым выработкам, расположенным недалеко, в полусотне километров южнее отрогов Кавказского хребта.

Глава первая

СОБСТВЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

1

Его ночь была заполнена кошмарами.

Он куда-то полз, волоча за Собой ненужный автомат с двумя стянутыми изолентой, пустыми рожками, а по нему безостановочно стреляли то спереди, то сзади, и пули выбивали справа и слева от его лица снежные фонтанчики, которые больно кололи щеки и глаза своими острыми ледяными брызгами. Предательски светила огромная луна, что медленно катилась по лезвию горного хребта, и сил у него уже не оставалось. Но он знал, что надо ползти, ведь только а этом изматывающем движении было его спасение.

Узкая, протоптанная каким-то зверем, снежная тропа, по которой он полз из последних сил, вдруг резко оборвалась. Далеко внизу засветились осторожные, словно волчьи глаза, огни... Внизу, на дне пропасти, куда спуститься не было уже никакой возможности... Только разбиться, сорвавшись со скользкого склона...

И тут бывший сержант Кваснюк проснулся. Обнаженная грудь его была мокрой от пота. Прямо в глаза ему светила висевшая за окном огромная пол-

ная луна неприятного оранжевого цвета. Ну да, конечно, снова полнолуние. И опять все повторяется...

Пять лет прошло, а память таким вот образом, и обязательно в полнолуние, по-прежнему возвращает его в Чечню, в сопки Аргунского ущелья под Дуба-Юртом, где рота разведчиков, в которой служил сержант-контрактник Игорь Кваснюк, угодила в засаду. Разведчиков стали методично расстреливать предупрежденные кем-то боевики. И если бы не нашлись офицеры-танкисты, которые нарушили приказ начальства и кинули свои танки на Дуба-Юрт, на выручку погибающим разведчикам, не выжили бы ни Игорь Кваснюк, ни два десятка его израненных товарищей — все, кто остались от почти полутора сотен бойцов.

Тогда тоже было полнолуние, и отлично вооруженные, одетые в новенькую «натовскую» форму бандиты видели их как на ладони.

С тех пор каждое полнолуние превращалось для Игоря в кошмар...

Он сел на кровати, выпил кислого яблочного кваса, локтем вытер лоб. Потом приподнялся, чтобы дотянуться до занавески и отгородиться от лунного потока, лившегося в комнату. И замер. Думал, послышалось. Но, напрягшись, понял, что слух его не обманывал — где-то не очень далеко действительно стреляли.

Игорь толчком распахнул створки окна и лег грудью на подоконник. И уже явственно донеслись до него сухие пистолетные выстрелы и короткие, злые автоматные очереди.

«Калаш» бьет, и не один, а, как минимум, пара, — без труда определил он. — Где ж это? — снова подумал Игорь, сжимая обеими ладонями виски, в которых ощутил вдруг такую боль, будто стреляли в него. — Похоже, в направлении станицы Васютинской, в трех верстах к востоку, но только гораздо ближе. А слышно так хорошо потому, что водохрани-

лище рядом. И ночь совсем спокойная, ни ветерка. Звуки над водой далеко разносятся».

Стрельба оборвалась так же резко, как и началась. Игорь задумался. Между городской окраиной и станицей был только один коттеджный поселок «Белый лебедь». Его выстроила известная в городе фирма «Кубаньцемент», где проживали богатенькие «бурагины». Дома для себя на самом берегу водохранилища они возвели удивительной красоты. Если посмотреть на этот поселок с самолета, то он и в самом деле кажется стаей белоснежных лебедей, отдыхающей среди кучерявой зелени на берегу небесно-голубого бескрайнего водоема. Вот, значит, где стреляли? И это — явно не чье-то баловство. Уж сотрудник частного охранного предприятия «Сокол» Игорь Николаевич Кваснюк, знакомый, что называется, не понаслышке с боевыми действиями, понимал в подобных вещах толк.

Он дотянулся до своего сотового телефона, выданного ему на службе, и позвонил в милицию. Пришлось подождать, пока откликнется дежурный. Тот неразборчиво буркнул в трубку свое звание и фамилию и сонным голосом спросил, чего надо.

Игорь машинально взглянул на будильник и удивился. Ему казалось, что на дворе давно глубокая ночь, а времени было всего лишь половина двенадцатого. Странно, что дежурный уже спит. Или сильно притомился за день? Чем же он занимался, бедолага, что его так рано в сон потянуло? Сам же бывший сержант нарочно лег пораньше, чтобы успеть до ухода на работу сделать кое-что по хозяйству. А на службу надо поспеть к семи, на другой конец города. С дисциплиной у них было строго, никто ему поблажки не давал. На работу уволенных из армии по ранению брали неохотно, поэтому приходилось за свое место держаться обеими руками.

Стараясь говорить бодрым голосом, хотя голова просто раскалывалась, Игорь рассказал дежурному

про стрельбу, которую только что слышал своими ушами.

Дежурный, естественно, усомнился: ну кто среди ночи станет устраивать чуть ли не боевые действия, как утверждает этот, наверняка полоумный либо мучающийся похмельем мужик? Может, ему почудилось с больной-то головы? А это всего лишь мальчишки петарды в парке рвут. Дежурный дал понять звонившему, что ему лучше спать спокойно, не волноваться и занятому человеку голову не морочить.

Но когда разозленный не на шутку тупым равнодушием должностного лица Кваснюк потребовал, чтобы дежурный разборчиво произнес свою фамилию и звание, тот, конечно, был вынужден ответить и даже записать сообщение в книгу происшествий во время дежурства. Но, в свою очередь, выяснил и фамилию настырного «звонаря», мысленно обещая при случае показать ему «козью морду».

Игорь отключил свой телефон, совершенно не подозревая, какую неповоротливую машину он привел в действие, и не представляя себе способностей этой машины переломать, перемолоть человека в пыль, лишь бы сохранить в конечном счете свое равнодушное спокойствие.

Дежурному Правобережного ОВД старшему лейтенанту милиции Шкодину ничего не оставалось, как отправить наряд для проверки принятой им информации. Но пока он раздумывал, пока наряд в составе лейтенанта милиции Замошкина и водителя — сержанта Круглова, чертыхаясь, готовился выехать в сторону «Белого лебедя», чтобы проверить совершенно абсурдное сообщение о каких-то «боевых действиях», время шло.

Опять же, если вдуматься, то вполне могла произойти и очередная разборка между вечно враждующими преступными группировками, коих в крае хва-

тало и которые, по агентурной информации, никогда, видно, не закончат с переделом не принадлежащей им собственности. Но ехать куда-то, чтобы убедиться в этом, посреди ночи вряд ли следовало бы. Ну, постреляли. Ну положили там, в конце концов, своих и чужих. Так ведь и трупов наверняка не оставили, чего же искать там в темноте? А может, действительно мальчишки шалят...

Но Шкодин приказал, пришлось ехать.

По дороге несколько раз останавливались, заведя поздних прохожих. Расспрашивали, не слышал ли кто выстрелов. Оказалось, что, в самом деле, многие выстрелы слышали, даже направление указывали примерно одно и то же — в сторону Васютинской. Вот только что это было, никто объяснить не мог. Да, видно, и не собирался. Стреляют — и стреляют! Некоторые припозднившиеся прохожие так и полагали, что это мальчишки в парке культуры и отдыха на окраине города взрывают китайские петарды. Здесь это никого не удивляло, ребята постоянно возятся с этими «хлопушками», особенно по праздникам. Но сегодня был обычный день...

В парке никого не оказалось — ночи в октябре прохладные. А сторожа, пожилые мужчина и женщина, кутившие у входа под большой бетонной аркой, стрельбу тоже слышали. Они уточнили, что стреляли, по их мнению, не в самом «Лебеде», а поближе, в районе губернаторской виллы, расположенной за высокой кирпичной оградой правее поселка, на самом берегу водохранилища. Сторожа в этом не сомневались, но на всякий случай неуверенно пожимали плечами — не видели причины напрашиваться в свидетели, мало ли чего!..

Но, таким образом, подтвердилась известная поговорка о том, что язык до Киева доведет. И Замошкин с Кругловым отправились прямоком на эту виллу.

...«Уазик» у милиционеров был старенький, впечатляющего вида не имел, движок тоже оставлял желать лучшего — захлебывался, кашляя, как чахоточный. А ночью далеко слышно. Поэтому, когда они подъехали к высокой кирпичной ограде, поворачивающей к воротам, перекрытым полосатым автоматическим шлагбаумом, там их, похоже, уже ждали. Вдоль шлагбаума медленно прохаживался высокий и плечистый охранник в утепленной голубой камуфляжной форме и с автоматом, закинутым за спину. А за его спиной светились окна сторожевой будки, в которой располагались бойцы вневедомственной охраны. Это было известно лейтенанту Замошкину. Как хорошо известно и то, что, хотя в народе вилла именовалась «губернаторской», на самом деле она принадлежала дочери и зятю губернатора Шестерева — генеральному директору фирмы «Кубаньцемент» Кирееву. А Шестерев, поговаривают, всего-то и бывал на этой шикарной вилле от силы два-три раза, поскольку обходится куда более скромной дачей для приемов, в тридцати километрах от города.

Обычно вилла по ночам освещалась множеством невысоких, похожих на грибы, фонарей. Но сейчас они не горели, и окна будки только подчеркивали темноту утопающей в густых зарослях территории. И полная луна тут не помогала.

Лейтенант выбрался из «уазика» и, освещенный лучами фар, рукой показал охраннику, чтобы тот дал команду поднять шлагбаум. Но охранник, казалось, не обратил внимания на жест милиционера и продолжал прохаживаться туда-обратно.

— Тебе чего, особое распоряжение нужно? — сердито крикнул Замошкин.

— Чего надо-то? — вопросом на вопрос ответил охранник и остановился. — Ты по какому делу?

Наглость охранника не знала границ. Он же видел милицескую форму с погонами! А вел себя так, будто явился какой-то бродяга.

— Мне что, взвод ОМОНа вызывать?! — резко бросил лейтенант.

— Вызывай, если он у тебя есть, — насмешливо заявил охранник. — Посторонних приказано не пускать, понял? А если ты по конкретному делу, излагай. Я позвоню, — охранник кивнул на будку, — проверю и, если хозяин разрешит, пропущу. А так — извини, команды не было.

Он поднял руку, и к нему немедленно вышли еще двое охранников в милицейском камуфляже, с автоматами. Ну да, они же — вневедомственные, живут тут себе как хотят. Лейтенант Замошкин понял, что собственными силами ему не управиться, и сменил тактику.

— К нам в отдел поступило сообщение, что здесь производилась стрельба. Вы подтверждаете?

— Чего?

— Стрельбу! — Замошкин уже закипал от негодования.

— Какую стрельбу?! — словно изумился охранник. — Окстись, лейтенант! — И обернулся к своим товарищам: — А вы, ребята, чего-нибудь слышали? — Те дружно отрицательно замотали головами. — Ну вот, видишь, лейтенант, это тебе приснилось.

Все трое как-то нарочито дружно рассмеялись, чем окончательно вывели Замошкина из себя.

— Я попрошу!! — возмущенно закричал он. — И извольте не «тыкать» мне! Я — лейтенант милиции!

— Не тоношись, лейтенант, — миролюбиво отмахнулся тот же охранник, который, вероятно, был среди них старшим, — я — капитан. И они — не пальцем деланные.

— Но я при исполнении! — уже почти взвизгнул Замошкин.

— А мы чего? Волков здесь... гоняем, да?

И все трое опять оскорбительно расхохотались.

— А вот я сейчас оперативно-следственную бригаду приглашу сюда, — сдерживая ярость, неожидан-

но спокойным голосом заявил Замошкин и обернулся к машине: — Круглов, вызывай отдел и передай мне трубку!

А вот такой тон на охранников сразу подействовал.

— Ладно тебе, старшой, — миролюбиво махнул рукой капитан, снисходительно «повышая» Замошкина в звании. — Не суетись, ну что, разве мы между собой не можем договориться миром?

Он ловко поднырнул под шлагбаум и подошел к лейтенанту.

— Чего тебя интересует? Стрельбу, что ль, слышал? Ну, ладно, скажу тебе правду, было дело, постреляли малость, Бога поугали. Перебрали гости, вот и захотелось им. Только уже давно нет тут никого, по домам всех развезли. И что мы теперь с тобой, старшой, по этому мелкому поводу станем протокол составлять? Сам подумай, надо тебе вешать на шею пустое дело, которое, не ровен час, может вызвать гнев Юрия Петровича? Да он-то что — самого губернатора! Георгий Владимирович тоже недавно уехал отсюда. Ну? Или того же Федора Алексеевича, твоего нового начальника УВД? Шурупь мозгами-то, какие гости отдыхали!

— Шилов, между прочим, и твой тоже начальник, — огрызнулся лейтенант.

— А я про что? — со снисходительной усмешкой подтвердил капитан.

Да, такая постановка вопроса, по рассуждению лейтенанта Замошкина, меняла дело. Вызывать гнев краевого милицейского руководства было опасно. Но оставался последний аргумент.

— А мне теперь что прикажешь делать? Информация поступила, она официально зарегистрирована дежурным, как и выезд наряда для проверки. Ты меня на что толкаешь? На должностной подлог?

— Ой-ё-ёй! — с юмором воздел руки капитан. — Скажешь тоже — подлог! Надо было с самого начала

внятно объяснить, мы бы без всякого базара твой вопрос давно б уже и перетерли. Ладно, я сейчас позвоню хозяину, а потом зайдем к нам в помещение, где и составим нужный тебе рапорт, черт с тобой, лейтенант. Витя, Коля, — обернулся он к охранникам, — побудьте тут, пока я пойду договорюсь! Все в норме!

Охранник ушел, оставив Замошкина дожидаться. Шлагбаума они так и не подняли. Но вот о чем старший собирался договариваться — этого лейтенант не понял. Все у них тут как-то не по-людски, все через задницу!

Капитана не было долго, и Замошкина стал бить колотун. Лейтенант уже хотел в машину забраться, но услышал топот быстрых шагов по асфальтовой дороге. Наконец на свет вынырнул капитан и призывно махнул Замошкину рукой. Они прошли в теплое помещение сторожевой будки, где исходил паром электрический чайник.

— Хочешь? — кивнул на него капитан.

— Не откажусь. — Лейтенант поежился.

— Или, может, чего покрепче? У нас имеется... после гостей... — усмехнулся капитан.

— Я на службе, — угрюмо ответил Замошкин, чувствуя к себе жалость.

— Ну, хозяин — барин, как знаешь. Вон чашка, заварка в чайничке, сахар — на подоконнике, сам за собой ухаживай. Да, чуть не забыл. Я хозяину рассказал, он спросил: «Много их понаехало?» Ну, я и ответил, что 'двое. «Козлом» своим всю округу, говорю, на ноги подняли. Он смеется: «А как они?» Я отвечаю, что, мол, свои мужики, нормальные, все понимают. И тогда хозяин сказал: «Дай им по «франклину» за беспокойство, и пусть сделают так, чтоб лишней болтовни в городе не было». Ну, сам понимаешь, гости — народ серьезный, на кой хрен им такая слава, верно?

— Понять-то можно, — произнес опешивший лейтенант, неуверенно принимая две стодолларовые купюры. Посмотрел на них, подумал и... сунул в кар-

ман. Сказал: — Ладно, передай хозяину своему от нас «спасибо». Но рапорт все равно написать придется.

— А ты и пиши. Бумага есть? Пиши, что после тщательного осмотра территории участка и самой виллы никаких следов стрельбы обнаружено не было. Опрошены сотрудники вневедомственной охраны Орехов Е. С. — старший наряда, это, стало быть, я, а также дежурившие у контрольно-пропускного пункта сержанты Старостенко В.П. и Лютиков Н.Е., которые показали, что сегодня, такого-то, сам пиши, во сколько...

— Звонок в отдел был где-то в полдвенадцатого.

— Ну, так, значит, и указывай, в районе полуночи в поле, за территорией поселка «Белый лебедь», нами, сотрудниками вневедомственной охраны такими-то, фамилии тебе уже известны, была проведена проверка пиротехники для производства праздничного фейерверка. Однако все образцы оказались негодными, бракованными. Поэтому треск взрывающихся зарядов был слышен, а вот огней не было. И все. Давай я подпишу и своих ребят позову, они тоже автографы тебе на память оставят...

Через пятнадцать минут, написав рапорт по поводу проверки и выпив чашку горячего сладкого чая, лейтенант Замошкин, даже и не заикнувшись об осмотре территории виллы и ее помещений, тепло распрощался с Женей Ореховым и уехал обратно в город. При этом он подумал, что проверять его все равно никто не станет, а «стольника» сержанту Круглову, который даже палец о палец не ударил, много, хватит и «полтинника», который лейтенант передаст ему утром, когда откроются валютные обменники и можно будет разбить сотенную купюру пополам.

2

В десятом часу утра в квартире депутата краевого Законодательного собрания Москаленко раздался телефонный звонок. Трубку немедленно поднял отец

депутата Михаил Матвеевич. Он ждал этого звонка и очень волновался.

Вчера вечером Миша, вопреки обычно спокойному и уравновешенному своему состоянию, был чем-то сильно озабочен, даже взволнован, невпопад отвечал на вопросы отца и жены и от ужина отказался. Сказал, что перекусит потом у Киреева, где они должны решить с ним ряд серьезных вопросов, касающихся руководства химкомбината, с которым не все в порядке. С тем и уехал — мрачный какой-то, напряженный, словно заранее готовил себя к трудному и неприятному разговору.

Михаил Матвеевич был несколько удивлен этим обстоятельством. Он знал о давних и достаточно приятельских, в общем-то, отношениях сына с Юрием Петровичем Киреевым, председателем совета директоров, а фактически — владельцем акционерной компании «Кубаньцемент», поставлявшей государству два с половиной миллиона тонн продукции ежегодно. Это очень много, успешное производство! А их добрые отношения были тем более важны, ибо Миша владел изрядным пакетом акций завода «Известняк», поставлявшего «Кубаньцементу» сырье. Имел он так же, как, собственно, и Киреев, значительный процент акций ОАО «Химкомбинат», крупнейшего, как теперь говорят, градообразующего предприятия Юга России. И потому не мог смотреть равнодушно на то, кто будет руководить химическим комбинатом. Вот что-то такое они и собирались обсудить вчерашним вечером как давние партнеры.

Миша предполагал, что переговоры могут затянуться, и рано вернуться не обещал. Но заехать домой он должен был непременно, пусть даже и под утро, чтобы принять душ и позавтракать с семьей, прежде чем отправиться на службу, где у него была назначена какая-то ответственная комиссия. Но он не приехал. Его мобильный телефон тоже молчал. «Абонент не-

доступен», — заученно-равнодушным голосом отвечала операторша.

Михаил Матвеевич спал тревожно. Часто просыпался и курил, надрывно кашляя, чем беспокоил сноху и внука. Около полуночи ему даже почудились в какой-то момент отдаленные выстрелы и даже автоматные очереди. Сердце словно оборвалось от плохих предчувствий. И вот наконец раздался долгожданный звонок.

— Миша, ты?! — крикнул в трубку отец и, не слушая оправданий, продолжал кричать: — Ну, как же так можно, сын? У тебя же семья! Если тебе плевать на меня, старого, так хоть Ньюру пожалел бы! Она же извелась!.. Чего ты молчишь? Стыдно? Так-то вот. Ну, можешь теперь оправдываться.

— Извините, Михаил Матвеевич, — произнес вкрадчивый голос, — вы ошиблись. Я — Казначеев, помощник Михал Михалыча. И хотел бы выяснить, почему шефа нет на работе. Может быть, он перенес заседание комиссии на другое время? Но тогда почему меня не предупредил?

— Как?.. — испуганно растерялся Москаленко-старший. — Разве Миши нет на службе?! А где же он?

— Вот и мы хотели бы это знать. Все собрались, а его нет. Вы можете что-нибудь объяснить?

— Н-не знаю, — ответил ошарашенный Михаил Матвеевич. — Вчера вечером Миша отправился к Кирееву... Вы его знаете?

— К Семену Васильевичу?

— Нет, к Юрию... как его, Господи! Совсем от волнения память отшибло!

— А-а, вы имеете в виду Юрия Петровича? Племянника нашего бывшего постпреда при президенте? — с понимающей интонацией протянул помощник депутата. — И что же? Уехал и так больше не появился дома? А может, извините, они малость того? Юрий Петрович, говорят, большой любитель отдо-

хнуть после трудового дня! — Теперь уже в голосе помощника проскользнула явная насмешка.

— Не знаю, — совсем растерялся Москаленко-старший. — А вы, молодой человек, не сочитите за труд, позвоните этому Кирееву. Я с ним, к сожалению, незнаком. Спросите, в чем дело. И если вас не затруднит, сообщите мне о результатах переговоров. Я могу вас просить о таком одолжении?

— Попробую, — коротко ответил помощник, заканчивая разговор.

Казначеев не стал тянуть с прояснением ситуации — насадал вице-спикер, при участии которого должно было состояться заседание правовой комиссии. Он дозвонился в дирекцию «Кубаньцemente» и спросил, как ему срочно связаться с Юрием Петровичем Киреевым в связи с неотложной законодательной проблемой — это чтобы избежать ненужных расспросов. Но там ответили, что Юрий Петрович пока еще находится, видимо, у себя дома, однако в течение ближайших двух часов он собирался вылететь в Москву, где во второй половине дня у него назначена встреча в Минимуществе. Так что если не удастся застать его дома, можно позвонить в Москву, в приемную министерства — раз уж проблема действительно неотложная. Казначеев подумал, что отвечавшая ему девица, видимо, порядочная язва. Однако дачный телефон Киреева она же продиктовала, словно снизошла к нуждам «краевого парламента».

Телефон на вилле в «Белом лебеде» долго не отвечал, но Казначеев решил быть упрямым до конца. И вот отозвался недовольный женский голос — может, супруга. Или прислуга, которую оторвали от домашних дел. Любезности, во всяком случае, Казначеев не услышал. А на его вопрос, можно ли поговорить с Юрием Петровичем, ему просто буркнули:

— Их нету дома, — из чего помощник Москаленко понял, что он все-таки разговаривал с прислугой.

— А где Юрий Петрович? Не в Москве ли? — попытался уточнить Казначеев.

— Не знаю, — был ответ, после чего раздались короткие гудки.

Помощник депутата позвонил еще раз на квартиру к Москаленко, полагая, что тот мог объявиться там, но, ничего не добившись, попросту растерялся и пошел докладывать начальству о пропаже депутата.

Идя длинными коридорами здания Законодательного собрания, Казначеев думал, что его шеф в принципе мог задержаться у какой-нибудь дамы. Совсем ведь необязательно афишировать свои внесемейные связи. Но Михаил Михайлович, как знал Казначеев, недавно, всего три года назад, женился и души не чаял в двухлетнем сыне. А до своего «депутатства» Москаленко слыл весьма удачливым бизнесменом, с хорошо налаженными связями в руководстве края. Но, с другой стороны, будучи наслышан о некоторых внеслужебных «забавах» властей предержавших, Казначеев вполне мог бы предположить, что и Михаил Михайлович не чурался изредка отпускать себе вожжи. Так, может быть, он и теперь воспользовался каким-нибудь удобным случаем? Банальная, конечно, ситуация, а что поделаешь? Все живые люди, со своими достоинствами и недостатками. Просто предупреждать надо в таких случаях, чтобы конфузов не случалось. Ну вот, чего говорить руководству? Исчез? Сквозь землю провалился?.. Но отчего, кстати, папаша его так встревожен? Хотя старики... они теперь постоянно одними только страхами и живут...

Вице-спикер — так любил называть себя заместитель председателя краевого Законодательного собрания Сергей Иванович Густов — был чем-то очень озабочен. Не очень внимательно выслушал он сообщение Казначеева, посмотрел как-то непонятно, будто сквозь него, и неожиданно спросил:

— Что тебе известно о вчерашней ночной перестрелке в парке культуры?

— Какой перестрелке? — удивился Казначеев.

— А ты не в курсе? — подозрительно посмотрел на него Густов. — Странно. Весь город уже знает...

Помощник совершенно растерялся:

— О чем? Я совершенно не в курсе! Да и сплетни собирать как-то...

— Может, сплетни, а может, и нет, — резонно возразил Густов. — Вот и разберись, в чем дело. В милицию позвони. Разве я тебя должен этому учить? Свободен.

Казначеев вышел из кабинета, совершенно ничего не понимая. Какая перестрелка? Какая милиция?! И при чем здесь парк?! Но едва он оказался в собственной депутатской приемной, как раздался телефонный звонок.

— Это кто? — услышал он грубый, привыкший повелевать голос.

— Казначеев. Помощник депутата Москаленко.

— Ты вот что, помощник, отыщи-ка мне быстренько Мишу. Давай, одна нога — здесь, другая — там. Исполняй!

— Кто это, простите?

— Не узнал, что ли? Трегубов говорит!

Ну, конечно, не узнать вице-губернатора, недавнего еще начальника краевого управления милиции, было стыдно — «руководящий бас» его был слишком хорошо известен местным чиновникам. И не узнал его Казначеев лишь по причине полнейшей собственной растерянности. Но, взяв себя в руки, он доложил Анатолию Юрьевичу об исчезновении депутата. Как уехал вечером на дачу к Кирееву-младшему, так больше никто его и не видел. Дома тоже паника — пропал человек.

— Пропал, говоришь? — сердито пророкотал бас Трегубова. — Кабы один пропал! А тут целая компания!

Казначеев побоялся задать уточняющий вопрос. Он молчал, затаив дыхание, и слушал, как тяжело дышал в трубку Трегубов.

— Ладно, разберемся...! — медленно, с угрозой в голосе произнес вице-губернатор и бросил трубку.

Казначеев посидел, обдумывая происходящее, но больше приходя в себя от лавины ошарашивающих известий. Хотя, собственно, лавины-то как раз не было, а имелись противоречивые слухи, ни на чем конкретном не основанные, но вызывающие тем не менее тревожные чувства. И он решил снова, в третий уже раз, возможно, на что-то еще надеясь, позвонить депутату домой.

— Господи, ну кто это? — услышал он голос старика и сказал:

— Казначеев беспокоит. Ничего нового не слышно?

— А, это вы... Ничего. А у вас?

— Я позвонил Кирееву домой, но он, говорят, в Москву сегодня вылетел. А тут разговоры идут о какой-то перестрелке, — сказал Казначеев и спохватился: что же это он несет и, главное, кому! Там же сейчас инфаркты начнутся!

Но старик оказался крепче, чем он думал.

— Да? А я думал, что мне одному послышалось. Так надо же срочно все выяснить! — заторопился отец депутата. — Чего ж мы сидим?

— Я сейчас позвоню в Правобережный отдел милиции, — сказал помощник.

— Звоните, а я туда подскочу, это недалеко от нас! Оставьте мне номер вашего сотового телефона. Я сам с вами свяжусь, ладно? Не хочу Ньюру волновать... Может, я зря паникую...

Казначеев продиктовал номер своего мобильного, Михаил Матвеевич, повторив его вслух, записал, а помощник принялся названивать в отдел милиции. Но это оказалось совсем непростым делом — номер дежурного, указанный в служебном справочнике, был прочно занят, а по ноль-два получить какие-либо све-

дения было практически невозможно — тут требовался обстоятельный разговор.

Наконец после долгих попыток удалось пробиться.

— Дежурный пр... стр... тант... Мамонов, — неразборчиво отозвался Правобережный отдел милиции.

— Законодательное собрание, Казначеев беспокоит, — строго заговорил помощник депутата. — А скажите-ка мне, товарищ Мамонов, что за стрельба у вас была сегодня ночью?

— О-о-о, Господи! — прорычал, видимо, в сторону кого-то присутствующего рядом дежурный. — Если б ты знал, как они мне все с утра надоели! — И тут же добавил: — Слушаю вас, по какому вопросу? Если насчет стрельбы, то никакой стрельбы не было. На место произведенного шума ночью выезжал наряд милиции и никаких нарушений не зафиксировал. Какие-то, извиняюсь, недотепы бракованные петарды уничтожали, а шумом переполошили окрестное население. Виновникам сделано предупреждение. У вас все, товарищ депутат?

— Все, благодарю вас.

«Петарды! — размышлял Казначеев. — До чего ж все-таки народ у нас подозрительный и пуганый! Уже, видишь ты, и перестрелка, и трупы! Надо ж додуматься...»

На этом поиски своего начальника помощник депутата прекратил, полагая, что причиной исчезновения Москаленко наверняка является какая-нибудь ловкая бабенка. Недавно по телевизору показывали фильм «Шведская спичка», в котором происходила подобная история, превосходно подмеченная и разложенная по полочкам выдающимся писателем Чеховым, а уж ему-то мужская натура была известна получше, чем кому другому. «Вот из этого и будем пока исходить», — решил помощник депутата и занялся текущими делами.

...Михаил Матвеевич после звонка Казначеева не стал дожидаться у моря погоды. Он сказал Нюре, что едет навестить знакомых, так как не хотел ее пугать без твердой уверенности, что могло-таки случиться несчастье, оделся и ушел.

И странное дело, первым, точнее, первой, кого он встретил у крыльца Правобережного отдела милиции, была моложавая супруга Володьки Сафронова, технолога с химического комбината, с которым Миша был давно знаком. Нина Сергеевна стояла возле ступенек — мрачная, словно нахохлившаяся большая птица, и на щеках ее были заметны темные разводы от растекшейся туши.

— Случилось что, Нина Сергеевна? — участливо обратился к ней Михаил Матвеевич, забыв на миг о своих проблемах.

— Ах, вот только тебя и не хватало, старый! — закричала вдруг она, сверкнув ястребиными глазами. — Куда твой Мишка завез моего дурака?

— А при чем здесь Михаил? — опешил Москаленко-старший. И неожиданно ему словно горло пронзило раскаленной иглой. Осипшим голосом спросил: — Твой Вовка тоже пропал?

— Что значит — тоже?! — завопила женщина. — Совещаться они отправились! Знаю я их кобелиные совещания!

— Постыдись, Нина Сергеевна, что ж ты говоришь про мужа-то своего? Да и Михаил мой... он нет, не по этому делу, вот те крест святой! — Старик перекрестился.

— А где ж они тогда? — наступала женщина.

— Да вот, сам пришел выяснять. Мне сказали, что ночью где-то неподалеку стреляли, да и я слышал, думал, пригрезилось, а вот нет... Как бы беды не случилось. Ты была у дежурного?

— Была, ну и что? Ничего, говорит, не знаю. Ночью другой дежурил. А насчет стрельбы он сказал, в парке кто-то китайскими игрушками забавлялся!

Делать им больше не хрена... извини, Михал Матвеевич, не в себе я.

— Ну, ладно, иди домой, жди супруга, а я все же загляну в отделение.

— А куда это я пойду? Давай уж и я с тобой. Может, чего нового скажут...

Но дежурный, старший лейтенант милиции Мамонов, молодой, голубоглазый парень с квадратными плечами и коротким ежиком светлых волос, ничего нового, по сути, не сказал. Снова увидев женщину, которая недавно закатывала ему истерику по поводу сбежавшего супруга, — от такой, подумал дежурный, любой сбежит без оглядки, — он замахал обеими руками.

— Гражданка, что вам еще непонятно? Я же все объяснил! Выйдите, не мешайте работать. А вам чего, отец?

— Ты, сынок, расскажи-ка поподробнее, что была за перестрелка ночью? Я хоть и старый, а хлопнушку китайскую от «Калашникова» отличить могу. А вообще-то, я — заместитель председателя Совета ветеранов края, вот мое удостоверение, можешь полюбоваться... — Михаил Матвеевич протянул дежурному свою красную книжицу. — Не хочу беду накликать, но есть у меня, сынок, подозрение, что нехорошее дело нынче ночью произошло. И как раз в том месте, где мой сын был да вот еще и ее муж...

— А Володька не один поехал! — вмешалась Нина Сергеевна. — Там целая компания собралась, все с химического!

— И что, никто домой не вернулся? — накинулся на нее Москаленко.

— А я почему знаю? Об них пусть ихние бабы думают, а мне своих забот хватает! Во! — Она большим пальцем чиркнула себя по полной шее, увешанной множеством золотых цепочек.

— Ну, ты — курица, Нина Сергеевна! — рассер-

дился старик. — Все под себя гребешь! Да я б на месте твоего Вовки...

— А ты стань сперва на его место, а потом руководи! Раскомандовался...

— Граждане, не шумите! — вклинился в перепалку дежурный. — Покиньте помещение и ругайтесь на улице, сколько угодно!

— А я с ней не ругаюсь, сынок, — огрызнулся Москаленко. — Я истину из этой курицы добываю!

— Вот и добывай на дворе, — резонно заметил дежурный. — А лучше, вообще, к начальству пройдите — подполковник сейчас у себя. С ним и беседуйте. Он распорядится, и я вам любые бумаги представлю. А показывать каждому встречному документы я не имею права, пойми, отец.

И почти жалобный тон этого рослого парня враз охладил старика. Москаленко только спросил, можно ли будет воспользоваться телефоном. На что дежурный пальцем указал на висящий в коридоре телефонный аппарат.

— Он бесплатный, можешь звонить, отец, куда тебе надо.

Посетители вышли из застекленного отсека дежурного в коридор.

— Кто еще поехали с Вовкой? — спросил Москаленко.

— Да их собиралось, Володя говорил, человек пять — семь. Я не интересовалась. Только спросила — зачем? А он ответил, что с акциями какой-то беспредел получился. Вот так прямо и сказал — беспредел. А кто поехал? Он упомянул Досталю из дирекции и, по-моему, Сергиенко какого-то. Но этого я не знаю.

— Зато я знаю. А Досталю ты звони? Он на Южном проспекте живет.

— Зачем? Что у меня, других забот нету? — Нина Сергеевна стала снова заводиться.

— Ладно, стой тут, не мешай. Вон, посиди на

лавке, отдохни малость, в зеркало на себя погляди — все дело.

А сам Москаленко вернулся в дежурку.

— Извини, сынок, ты не можешь по своей справочной службе найти мне парочку телефонов?

— Отец, вообще-то, не положено. Но говори, только по-быстрому. У меня телефон должен быть всегда свободен.

— Значит, так, Досталь Николай Георгиевич, проживает на Южном, я точно знаю. И еще Сергиенко... Ох ты, забыл спросить, как его зовут!

— Ну что ж ты, отец? Узнавай, а я тебе покуда номерок Досталья добуду.

Пока Москаленко выяснял у Нины Сергеевны, как зовут Сергиенко и где он проживает, дежурный Мамонов сделал звонок в справочную и сказал вошедшему старику:

— Записывай: два-тридцать три-семнадцать-одиннадцать.

— Ой, спасибо сынок! А Сергиенко этого зовут Алексеем Семеновичем. Живет на Портовой.

Через несколько минут Москаленко записал и второй телефонный номер. Хотел снова поблагодарить старшего лейтенанта, но тот только замахал на него руками — иди, мол, и так уже все инструкции нарушил!

— Сынок, — не отставал старик, — мне бы еще узнать, где тот дежурный проживает, который нынче ночью тут был.

— Ох, отец, достал ты меня окончательно! Шкодин Петр Петрович, проживает на Красноармейской, дом семь, квартира десять. И все, и отвали по-хорошему!

Из телефона-автомата в коридоре Михаил Матвеевич позвонил Досталю. Хозяина дома не было. Женский голос ответил, что Николай Георгиевич со вчерашнего вечера дома не появлялся, возможно, он сейчас на работе. Затем так же спокойно продиктовали

служебный номер телефона и положили трубку. Не волнуются, может, и нет ничего... Только отчего на сердце так давит?..

Сергиенко тоже дома не оказалось. Нет, ну понять, конечно, можно, разгар рабочего дня! Но детский голос ответил, что папа дома не ночевал, а мама поехала на комбинат.

Слишком много странных совпадений.

Не видя от присутствия скандально-озабоченной Нины Сергеевны никакой реальной пользы, Михаил Матвеевич предложил ей отправляться домой и сидеть там, ожидая от него сообщений. Нечего под ногами вертеться, занятым людям головы морочить, которые и так уже пухли от ее громкого голоса. А сам он решил съездить к старшему лейтенанту Шкодину, который сменился с дежурства, и побеседовать с ним как мужчина с женщиной.

— Ты ж к начальству хотел идти? — напомнила Нина Сергеевна.

— А чего оно знает-то? Нет, я сперва на Красноармейскую сбегаю, узнаю, кто выезжал ночью на место стрельбы. А с начальством поговорим в последнюю очередь.

— Ишь ты, бегун... Но обязательно мне потом звони, Михал Матвеич, — попросила Сафронова, — я места себе не нахожу...

— Да вижу я...

3

Петя Шкодин, потомственный кубанский казак, был поначалу рассержен на Мамонова за то, что тот дал старику его домашний адрес. Не хватало, чтобы его еще и дома доставали посетители! Но вид у этого запыхавшегося пожилого человека был такой скорбный, что Петя, с детства воспитанный в почтении к старшим по возрасту, пересилил собственное недовольство и попытался понять, что старику от него

нужно. Оказалось, немного. Этот ветеранский начальник всего-то и хотел узнать, от кого ночью поступило сообщение о стрельбе, когда и кто выезжал для проверки.

И тут Шкодин совсем уж разозлился на Мамонова. Трудно тому было самому, что ли, сказать? Книга-то дежурств у него перед носом! Зачем же старика гонять?

И чтобы самому не превратиться в такого же туполобого, как Мамон, он постарался вспомнить фамилию человека, сообщившего о стрельбе. Кваснюк его фамилия, Игорь Николаевич. А выезжали для проверки Замошкин с Кругловым.

Шкодин даже помнил короткий рапорт лейтенанта о том, что при осмотре виллы, принадлежащей Ю.П.Кирееву, и прилегающей к ней территории следов какой-либо перестрелки не обнаружено. Звуки же, напоминающие стрельбу из ручного стрелкового оружия, были произведены по той причине, что сотрудниками вневедомственной охраны проверялись праздничные фейерверки, которые все оказались бракованными. Ввиду позднего ночного времени провести тщательное обследование конкретного места на свалке, за пределами огороженной территории, где и проводилась проверка зарядов, не представилось возможным.

— Там, в рапорте, все написано, и пять подписей стоит. Двое наших и трое ихних, из охраны, — сказал Шкодин, полагая, что изложением фактически официального документа он успокоил старика.

— А саму территорию той виллы они, значит, тщательно осмотрели? — с неуловимой иронией спросил Михаил Матвеевич. — И ночная темень им не мешала?

— Так, стало быть...

Странно, подумал Шкодин, почему же он сам не обратил внимания на такое противоречие? Да, в общем-то, лично ему это было без разницы...

— А в чем смысл-то, отец? — спросил он. — Почему вас этот вопрос так волнует?

— Ох, сынок, — вздохнул Москаленко, — боюсь своими думками беду накликасть... А пока выходит так, что уже четверо — это точно установлено — из большой компании, что поехала вчера на встречу с тем Киреевым, домой не вернулись. Про остальных еще не знаю. А там стрельба, сам понимаешь, чем пахнет дело.

— Да ну что вы, папаша! Может, просто загуляли мужики? Мне, кстати, и Замошкин говорил, что на вилле вчера гости были — сам губернатор, начальник нашего УВД, другие. Только они уже к тому времени разъехались по домам. А вы — про смертоубийство! Не берите в голову.

— Хотелось бы, сынок, хотелось бы... — тяжело вздохнул Москаленко и, извинившись, попрощался.

Известие о гостях облегчения не принесло. И Михаил Матвеевич, сам не зная зачем, пошел выяснять в городской справочной, где проживает Кваснюк Игорь Николаевич. К счастью, оказалось, недалеко, пешком двадцать минут. Это было хорошо, Михаил Матвеевич решил пройтись, успокоиться, обдумать и сопоставить уже известные факты.

Но Кваснюк уехал на службу в противоположный конец города. Одним словом, пока Михаил Матвеевич добирался до автосервиса, который охранял сотрудник ЧОПа «Сокол» Кваснюк, начался обед, и снова пришлось ждать. И когда наконец обеденный перерыв закончился и старику показали на Кваснюка — мрачного и неказистого внешне молодого человека лет тридцати с небольшим, Михаил Матвеевич, заготовивший заранее несколько четких вопросов к нему, обо всем забыл.

Кваснюк занял свое место у шлагбаума, который он поднимал и опускал вручную, и недружелюбно спросил, что старику от него надо.

Ну как объяснить человеку, который тебя в упор

не видит, что у тебя пропал сын и ты думаешь о самом плохом?

Воспоминание о прошедшей ночи было неприятно охраннику, и вообще, он не говорил, а цедил слова, морщась при этом, как от головной боли. И Москаленко ограничился одним, наиболее важным для себя вопросом: уверен ли Игорь Николаевич, что не взрывали шутихи и петарды, а действительно стреляли?

Кваснюк посмотрел на старика как на ненормального.

— Дед, я еще на первой чеченской был, а на вторую сам по дури напросился, в контрактниках служил. Пока череп не пробили, суки. Кому ж и знать-то, как «калаш» лупит? А там не один, а минимум два было. И пистолеты тявкали... минуты три, не меньше. А за три минуты знаешь сколько народу можно положить? Вот и думай!.. А у тебя чего, пострадал там кто из знакомых? Почему интересуешься? Я-то подумал, братва разборку устроила, позвонил в ментовку, а они меня идиотом представили. Ладно, если тебе ничего больше не нужно, иди, не мешай работать.

— Да я только и хотел это узнать... — потерянно сказал Москаленко. — Я ведь тоже выстрелы слышал, да подумал, что мне показалось. А ты — человек опытный. Спасибо, сынок, извини.

Следующим в мысленном списке Михаила Матвеевича значился водитель, сержант Круглов, проживавший неподалеку, на Портовой, как и один из исчезнувших — Сергиенко. Подумав, старик решил идти к нему, но передумал и начал все же с Сергиенко.

Дверь сразу, не спрашивая кто, открыла молодая, черноволосая женщина с косынкой на голове. Увидев на пороге не того, кого ожидала, она как-то сразу

осунулась, недружелюбно поинтересовалась, в чем дело.

Михаил Матвеевич, даже и не делая попытки войти в квартиру, сказал, что он отец депутата Москаленко, а в настоящий момент ищет тех, кто хоть что-нибудь может знать о его сыне и тех людях, которые были вместе с ним прошлым вечером на деловой встрече.

Женщина молча посторонилась, пропустила старика в тесную прихожую и закрыла за ним дверь.

— Я только что вернулась с комбината, — сказала она. — Там тоже никто ничего не знает. Правда, сказали, что в конце той недели на срочном собрании акционеров уволили директора Филиппа Алексеевича Савельева, а нового пока так и не назначили.

— Филиппа сняли?! — воскликнул Москаленко. — А почему ж... нет, я ничего не знал, и Миша промолчал... Господи, что происходит?

— Вот, сняли. А они все, мой Николай, другие, ваш, получается, сын тоже, отправились к Кирееву, чтобы договориться сделать все по закону, а не как чья-то левая нога захочет. Договорились... — Она стянула с головы косынку и, прижав ее к глазам, всхлинула.

— Погодите, — заторопился Москаленко, — вдруг все еще совсем не так плохо! Да мало ли?..

— А на комбинате все уже говорят о ночной стрельбе. Шесть человек с комбината домой не вернулись и на работу сегодня не вышли...

— Подождите, не плачьте. Я сейчас схожу к тому человеку, кто вчера выезжал на место, где стреляли. Дайте мне номер вашего телефона, я позвоню, когда будут новости.

Очень тяжелое ощущение осталось у Михаила Матвеевича после этого разговора. Оказывается, весь город знает о перестрелке, а в милиции уверяют, будто где-то петарды взрывали. Чем они там занимаются?

...Сержант Круглов проживал в однокомнатной квартире вдвоем с матерью. Он отсыпался после ночного дежурства. И когда Вера Тимофеевна, как она назвалась Михаилу Матвеевичу, разбудила сына, тот вышел на кухню, где сидел в ожидании Москаленко, в полосатой, под тельняшку, майке и мятых тренировочных штанах. Кивнул, здороваясь, сел и закурил из пачки «Приму». Посмотрел выжидающе.

— Сереж, извини старика, что мешаю тебе отдыхать. Прощу тебя, ответь на парочку вопросов, и я сразу уйду. Можно?

Парень посмотрел на мать, потом на гостя и снова кивнул.

— Вы вчера с лейтенантом Замошкиным выезжали на происшествие, да? Ну, по поводу стрельбы.

— Было дело. Только я в машине сидел.

— А лейтенант?

— Его не пустили на территорию, — засмеялся Сергей. — Он побазарил с охраной — их там трое было. Затем один ушел, потом вернулся и позвал лейтенанта к себе в будку, где они составили рапорт. И все.

— А на территорию он ходил? Осматривал место происшествия? — с надеждой спросил Москаленко.

— Я ж говорю, тот позвал, а мой пошел. Может, и ходил на территорию, только я в машине сидел, не видел. А чего случилось?

— Очень большая беда могла произойти... Скорее всего уже произошла. Я недавно был у Шкодина, он мне про рапорт ваш подробно пересказал. В нем написано, что вы провели тщательный осмотр виллы и прилегающей территории, а вот место на свалке, где охрана взрывала петарды, не смогли проверить из-за темноты. И ваши подписи стоят. Как и тех троих охранников.

— Какая еще свалка? Мы и не собирались никуда больше ехать. А что вы говорите про беду? Какая беда?

— Вчера к этому Кирееву приезжали семь человек. Вместе с моим сыном, депутатом Москаленко. И никто из них домой не вернулся. И на работу тоже не вышел. Исчезли люди. А тут еще эта перестрелка.

— Ни фиги себе! — Сергей придавил в пепельнице окурок и вынул из пачки следующую сигарету.

— Ты бы не дымил, — попросила мать.

— Погоди! В рапорте я подписался... А как же иначе? Мы же вдвоем выезжали. Но только про осмотр я ничего сказать не могу. Может, лейтенант и ходил, его долго не было.

Про пятьдесят долларов, которые Замошкин вручил ему после окончания дежурства, объяснив, что это от хозяина виллы — за беспокойство, Круглов решил ничего не говорить. Вообще-то, это было странно, раньше никто «за беспокойство» ему еще ни разу не платил. А какое беспокойство? Нет, надо у Замошкина сперва спросить, а уж потом вкаты про доллары. А лучше вообще ничего не знать — не было, и все!

Москаленко заметил, что, если судить по выражению лица парня, в его душе происходила какая-то внутренняя борьба, но в конце концов в глазах появилось решительное выражение, словно тот пришел к определенному решению.

— Вот и все, больше ничего не могу сказать. Так что извиняйте.

Сергей сунул обратно в пачку назакуренную сигарету, поднялся и ушел в ванную не прощаясь. Михаил Матвеевич понял, что парень явно что-то недоговаривает, но настаивать с расспросами не стал. Тем более что и мать Сергея смотрела на него теперь уже с непонятной враждебностью, будто он собирался оставить несчастье в ее доме после своего ухода.

Москаленко поднялся и, кивнув ей, молча покинул квартиру.

...Лейтенанта Замошкина дома не оказалось, он вместе с женой куда-то уехал. Об этом Михаилу Матвеевичу сообщила соседка после того, как он безуспешно топтался у запертой двери минут десять, нажимая на дверной звонок.

— Уехали они, мил-человек, — сообщила ему пожилая и, видимо, очень любопытная соседка. — Машинку свою завел, и они уехали. А ты им кто будешь? Не родственник?

— Нет, я по делу пришел... Вы не знаете, скоро они вернуться?

— А кто ж их, молодых-то, знает? Завели тарактелку и — усви стали!

Михаилу Матвеевичу осталось только вернуться в отдел милиции со всем тем, пусть и небольшим, грузом информации, который он успел добыть за прошедшие полдня.

4

На обитой дерматином двери начальника ОВД «Правобережный», на втором этаже, висела черная стеклянная табличка с золотыми буквами — «Веселко Степан Лаврентьевич». И больше ничего — ни должности, ни звания. Видимо, предполагалось, что посетители и так должны понимать, чья это дверь.

Москаленко постучал, услышал голос: «Войдите!» — и открыл дверь в кабинет. Подполковник милиции стоял у окна с телефонной трубкой в руке и смотрел во двор.

— Слушаюсь, — сказал он в трубку и аккуратно положил ее на аппарат. Затем поднял взгляд на посетителя, сухо спросил: — По какому делу?

— Разрешите присесть, товарищ подполковник?

— Садитесь, — бросил начальник и сел сам.

— Я по поводу ночного эпизода...

— Опять про стрельбу, что ли? — поморщился подполковник. — А вам разве дежурный не дал раз-

яснений? Я же приказал ему! В чем дело? — И он схватил трубку внутренней связи.

— Не торопитесь, Степан Лаврентьевич, — жестом остановил его Москаленко. — Тут, я вижу, не все так просто, как кажется на первый взгляд. Душа, понимаете, болит. — Старик потер ладонью грудь.

— Так вам к врачу надо, а не ко мне.

— Вы не поняли. Но я, если позволите, в двух словах объясню.

— Давайте, только действительно в двух словах, у меня времени совсем нет.

— Спасибо. Мой сын, депутат Москаленко, вы его наверняка знаете, вчера вечером вместе с шестью акционерами химкомбината отправился на встречу с Юрием Петровичем Киреевым. Его фамилия вам тоже знакома.

— Естественно, — нетерпеливо кивнул подполковник.

— Уехали и... пропали. Сам Киреев, как мне уже доложил Мишин помощник, дома отсутствует, вроде он даже чуть ли не в Москву вылетел, а вот товарищи, которые к нему отправились, пропали. Никто из них дома не ночевал, и на службе они тоже сегодня не появились. Это те, о ком я успел узнать, — поправился Михаил Матвеевич. — По городу идут разговоры о ночной стрельбе, которую, кстати, я своими ушами слышал. На этот счет есть немало свидетелей. И никакие это, товарищ подполковник, не петарды были, а самые натуральные автоматные очереди. Все, вместе взятое, вынуждает меня задать вам необходимые вопросы...

— Я жду, задавайте! — довольно грубо перебил его начальник.

— Я хочу знать, станете ли вы проверять рапорт того наряда милиции, который выехал для проверки информации, поступившей к вам от товарища Кваснюка? Почему я спрашиваю об этом? Потому что в рапорте есть противоречия. И я смею предположить,

что никакой тщательной проверки вообще не проводилось.

— С чего вы взяли? — нетерпеливо спросил подполковник, хмурясь. — И вообще, какое вам до этого дело? Вы собираетесь проводить собственное расследование? И кто вам дал такое право?

— Не боги, товарищ подполковник, горшки обжигают. А потом в городе есть немало толковых специалистов. Только деньги плати, они тебе черта лысого достанут.

— Ну, если вы собираетесь лысых чертей искать, — с сарказмом заметил начальник, — можете этим заниматься сколько вам угодно. Однако есть установленный законом порядок. У вас вопросы? Сомнения по поводу тех мероприятий, которые проводил милицейский наряд? Пишите заявление на мое имя, мы рассмотрим в том порядке, в каком рассматриваются все без исключения жалобы и заявления населения, а потом решим, какие следует принять меры. Обстоятельства покажут, что нужно. Проводить расследование или ограничиться опросом свидетелей. У вас все?

— Заявления должны поступить от каждого лица отдельно?

— И много у вас лиц?

— Да вот, думаю, не меньше семи — по числу пропавших людей.

— Сумасшедший дом... — неизвестно кому сказал подполковник.

В этот момент зазвонил его телефон. Он снял трубку, кивком показав Москаленко, что тот может быть свободен. Но Михаил Матвеевич, оскорбленный таким невниманием к себе, даже приподняться не успел, как вскочил сам начальник.

— Кто?! — заорал он в трубку. — Как? Где?! — и почему-то выпученными глазами посмотрел на посетителя. — Немедленно выезжаю!

Он швырнул трубку и, хрипло выдохнув, сказал старику:

— Ну вот, докаркались... Убийство! На глазах у десятков людей!

— Как? — вырвалось у Москаленко.

— А как у нас убивают?! — взорвался подполковник. — Из пистолета! Из автомата! Из пушки! Из танка, мать их! Освободите кабинет!

— Так надо писать на ваше имя, Степан Лаврентьевич? — спокойным тоном спросил старик. — Или лучше сразу в прокуратуру?

— Да делайте вы что хотите! — закричал подполковник и выскочил наконец из-за стола.

Москаленко вышел, спустился на первый этаж, подождал, пока начальник выбежит из здания, и обратился к дежурному Мамонову:

— Вот видишь, сынок, не обманывало меня предчувствие. Я разговаривал с твоим начальником, как раз в кабинете его сидел, когда ему позвонили и сказали, что убили, как я понял, кого-то очень важного. Вот подполковник и умчался.

Старлей даже рот открыл от такого известия.

— Разрешил он мне своими глазами взглянуть на тот рапорт, сынок, который написали Замошкин с Кругловым. Ты уж покажи его мне, сделай милость.

Дежурный механически взял книгу записей, пролистал ее и протянул старику. И Михаил Матвеевич, достав из кармана листок бумаги и авторучку, старательно переписал сообщение Кваснюка о ночной стрельбе, зафиксированное дежурным Шкодиным в 23 часа 35 минут, а затем и вложенный между страницами рапорт старшего милицейского наряда лейтенанта Замошкина, подписанный им самим, водителем сержантом Кругловым и троими охранниками на вилле Киреева — Ореховым, Старостенко и Лютиковым.

Но тут дежурному позвонил подполковник Веселко и приказал оперативной группе ОВД немедленно

выезжать на место преступления, к универсаму «Кубань». И старлею Мамонову стало совсем не до Москаленко.

5

Анатолий Юрьевич Трегубое был разъярен, как говорится, до полной невозможности. Он не вышел, а словно вырвался из кабинета губернатора Шестерева, где заседала эта проклятая тройца — сам губернатор, его зятек, больше напоминавший бандитского пахана-отморозка, и начальник краевого Управления внутренних дел Федька Шилов. Последнего он сам же и рекомендовал на этот пост в министерстве, когда Шестерев, претендовавший на губернаторское кресло, позвал его, Трегубова, тогдашнего начальника ГУВД, баллотироваться в паре с ним на пост вице-губернатора. Говорил еще, что поддержка Москвы обеспечена. А здесь, в крае, им помогут его собственный зять-бизнесмен и Шилов, если того назначит Москва. Помогли, еще как!

Зато оказалось, что губернатор, будто в оплату услуг, ничего сам лично не мог предпринять в крае без консультаций и указаний этой спевшейся парочки. И своему вице-губернатору не позволял ничего «не согласованного». Такое положение давно уже осточертело Анатолию Юрьевичу, но он все почему-то не решался сделать решительного шага.

И вот последняя капля переполнила чашу его терпения.

Хорошо зная, что до губернатора дозвониться невозможно, местные жители предпочитали со всеми своими жалобами обращаться к нему, Трегубову, помня, что на посту начальника Главного управления краевой милиции тот вел себя вполне прилично и спуску бандитам, прилипавшим к разнообразному и богатому хозяйству края, не давал.

Оказалось, что о вчерашней ночной перестрелке,

которая якобы происходила если не в самих владениях губернатора, то поблизости от его шикарной виллы, построенной на берегу водохранилища, уже знали многие. Как пронеслись слухи и о том, что Правобережная милиция смотрит на это дело сквозь пальцы и расследования проводить не собирается. Ну, так это или нет, еще предстояло выяснить. Подполковник Веселко, с которым Трегубов утром уже беседовал, что-то вякал по поводу того, что все у него под контролем, хотя явно не владел ситуацией. В прокуратуру пока тоже никто не обращался, все ждали, что скажет милиция. А она отмалчивалась, будто во круг решительно ничего не происходило.

Дозвонившиеся товарищи с химического комбината сообщили, что народ на предприятии очень взволнован. Все ждали объяснений, куда пропали выбранные ими делегаты для переговоров с Киреевым-младшим, ловко и упорно скупающим акции этой акционерной компании. Они все исчезли, причем вместе с депутатом Москаленко, который также владел небольшим пакетом акций этого крупнейшего в крае предприятия и выступал против наглых притязаний губернаторского зятя.

Кстати, и вилла, где должны были состояться переговоры, по сути, принадлежала не губернатору вовсе, а его зятю, хотя мало кто в городе об этом знал. Точнее, в первую очередь дочери губернатора, а уж потом — ее мужу.

Желая получить немедленный ответ на свои вопросы, представители комбината угрожали провести собственное независимое расследование и потребовать строжайшего наказания официальных лиц, скрывающих от народа правду.

Заявление было серьезным, оно могло вызвать не только в самом крае, но и далеко за его пределами опасную волну, которая сразу накроет и губернатора, и его компанию, куда невольно входил — так уж получалось — и Анатолий Юрьевич.

Вот с этим известием он и явился к Георгию Владимировичу, где застал всю троицу в сборе.

Разговор у них до прихода вице-губернатора был определенно очень серьезным. Сам Георгий Владимирович сидел красный как вареный рак. А у обоих его оппонентов глаза были злыми просто до неприличия.

Анатолий Юрьевич понял, что появился не ко времени, но и от губернаторских прихлебателей ничего скрывать не собирался. Напротив, им совсем не помешало бы услышать, что о них говорят окружающие.

И он, не тая ничего, выложил всю информацию губернатору, после чего потребовал принятия немедленных мер со стороны как милиции, так и краевой прокуратуры. Народ, добавил он, уже написал заявление в Генеральную прокуратуру, указывая на правовой беспредел, процветающий в крае с легкой руки... Он не стал называть поименно тех, кого имели в виду работники комбината, так как присутствующие в кабинете и сами это прекрасно знали.

Глаза Киреева-младшего прямо-таки горели звериной ненавистью. «Нечего, — думал Трегубов, — то ли еще будет!» А генерал-майор Шилов, наоборот, казался вялым и скучным. Он, кивая, слушал страстную речь Трегубова, но было видно, что все сказанное ему просто до лампочки. Ничего он не станет предпринимать, не будет проводить никаких расследований и, вообще, постарается спустить дело на тормозах. Вот это и взбесило Трегубова. Не открытая ненависть Киреева, а холодное равнодушие главного краевого мента, которого Анатолий Юрьевич на свою же голову и «проводил» в министерстве.

Не видя реакции и со стороны Шестерева, который лишь выжидательно посматривал на Шилова с Киреевым, вице-губернатор заявил, что слагает с себя служебные полномочия, но прямо сегодня поставит в Законодательном собрании вопрос об импичменте

действующему губернатору. С этими словами покинул кабинет.

Он чувствовал, точнее, хотел верить, будто губернатор поймет, что его предупреждение — не пустой звук. Поэтому, зная, что в Законодательном собрании скоро должен закончиться перерыв, решил отправиться именно туда, чтобы во всеуслышание объявить депутатам о своем решении. Уж ему-то на фоне слухов, расползающихся по городу с немыслимой быстротой, слово предоставят без всяких предварительных условий!

Водитель спросил, куда ехать. Сидевший в «Волге» на заднем сиденье Трегубов с вопросительным недоумением посмотрел на него, потом понял, что, задумавшись, забыл сказать шоферу о своих дальнейших планах.

— Погоди, — сказал Анатолий Юрьевич, сосредоточившись, — у них сегодня заседание проводит, кажется, Густов, заместитель председателя. Я позвоню ему и предупрежу, чтобы мое появление и в самом деле не стало неожиданностью.

Со служебного телефона он соединился с Законодательным собранием. Но секретарша, узнав, кто звонит, сообщила, что Сергей Иванович еще не вернулся с обеда. Спросила, что ему передать.

Трегубов в свою очередь спросил у нее номер мобильного телефона Густова, и секретарша продиктовала.

Анатолий Юрьевич говорил с заместителем председателя кратко. Он сообщил о своем решении выступить в Законодательном собрании с информацией по поводу будоражащих город слухов. Просил в порядке исключения предоставить ему десять минут для сообщения и столько же для ответов на возможные вопросы. Густов не возражал, его и самого мучила неизвестность. Условились на пять часов вечера, когда должно было состояться последнее заседание,

на которое обычно депутаты являлись в полном составе.

— Так, — сказал Анатолий Юрьевич, — ну, времени у нас с тобой, Валентин, еще навалом. Давай-ка подьдем к универсаму, я присмотрю себе галстук, а то выступать перед депутатами с распахнутым воротом не прилично, верно?

— Вы правы, — согласился водитель и тронул машину.

Они проехали по центральному проспекту и остановились прямо у входа в новый универмаг, играющий по фасаду многоцветными огнями.

— Подожди меня здесь, — сказал Трегубов и легко выпрыгнул из машины. — Ровно пять минут!

Через пять минут Анатолий Юрьевич вышел из универмага, поглаживая рукой яркий, полосатый, символизирующий цвета российского флага, новенький галстук. Посмотрел на часы.

Он стал спускаться по ступенькам к своей машине, но его окликнули из другого автомобиля, припаркованного позади «Волги»:

— Анатолий Юрьевич! — Из-за опущенного стекла серой «девятки» ему призывно махал рукой водитель.

Трегубов пригляделся и узнал... телохранителя губернаторской дочки Юлии. Она часто вместе с этим коротко стриженным парнем, которого, кажется, зовут Игнатом, появлялась в приемной отца.

«Чего ему-то надо? — с недоумением подумал Анатолий Юрьевич, не помышлявший ни о какой опасности. Однако ноги, словно сами, понесли его в сторону «девятки». А водитель, склонившийся над рулем, даже не повернулся.

— Какие проблемы? — строго спросил Трегубов у Игната, который непонятно почему широко улыбался ему.

— Это не у меня проблемы, — негромко сказал Игнат, — а у тебя, Толя!

Трегубов изумился от невиданной фамильярности. Брови его поползли вверх, а рот растерянно открылся.

С этим выражением на лице он и рухнул на тротуар, не услышав ни выстрела, сделанного почти в упор, в середину его лба, из пистолета с навинченным на ствол глушителем, ни вскрика испуганной женщины, отпрянувшей*в сторону от падающего тела, ни рева форсированного двигателя «девятки», рванувшей с места...

Глава вторая

НЕПРИЯТНОЕ ЗАДАНИЕ

1

— Александр Борисович, зайдите, пожалуйста, ко мне, — сказал Меркулов и положил телефонную трубку.

Что случилось? Турецкий кинул свою трубку на аппарат и задумался. Вопрос, который он себе задал, был серьезным и наверняка имел не самые приятные последствия. Подчеркнуто вежливое обращение Константина Дмитриевича могло означать одно: зам генерального прокурора по следствию приготовил ему какое-то «тухлое» дело, которое чести, что называется, не принесет, но у жизни отнимет многие ее драгоценные часы, не говоря о днях, а возможно, и месяцах. Что это значит? Это значит то, что старший помощник генерального прокурора Александр Борисович Турецкий должен сейчас, в ближайшие минуты, найти способ отвертеться от очередного «ласкового» предложения Кости. Сослаться на безумную загруженность, на головную боль... да на что угодно. И вид при этом иметь неприступный и вместе с тем брюзгливый, что всегда действует на собеседника отрицательно. Немногие желают после этого продолжить уговоры.

«А может, у него там сидит кто-нибудь из начальства? — пришла в голову совсем простая и потому неожиданная мысль. — И Костя просто не хочет продемонстрировать наших дружеских отношений?» Это, вообще-то, меняло дело.

Турецкий поднялся и, нарочито кряхтя, на всякий случай приготовил себя к демонстрации при посторонних своего неуступчивого, упрямого, неприятного — словом, тяжелого характера.

Клавдия Сергеевна, много лет проработавшая секретаршей у Константина Дмитриевича, расплылась в благожелательной улыбке, увидев мрачно озабоченного Турецкого. Он не хотел реагировать, чтобы ненароком не расслабиться и не сдать своих позиций. А то, что Клавдия просто обожает «Сашеньку», об этом давным-давно знала вся прокуратура. Хотя и предметом для плоских шуток тоже не становилась — Турецкий умел быть очень жестким, когда дело касалось чужого вмешательства в человеческие чувства.

— Привет, — морщась, кивнул он. — Что там у них?

— Зам генерального по Южному Федеральному округу, — с готовностью доложила секретарша. — Какие-то темные дела у них творятся, Сашенька, — почти шепотом произнесла она. — Он велел мне Рюрика с Володенькой предупредить, чтоб тоже были готовы явиться к нему, когда этот, — она кивнула на дверь, — уйдет.

Так, час от часу не легче, понял Турецкий. Если уж Костя заранее готовит Елагина с Поремским, значит, дело действительно серьезное. Ну и как быть? Продолжать упорствовать? Или постараться хотя бы выторговать себе побольше народу в помощники? Тут тоже серьезный вопрос: с кем работать, если дела в Южном округе — а это, по сути, два огромных края и весь Северный Кавказ — «какие-то темные», по выражению Клавдии.

— Пойду на Голгофу, — разведя руки в стороны, печально сказал он и постучал в дверь Меркулова.

— Да иди, они уже ждут! — громче зашептала секретарша.

И Турецкий с потерянным видом открыл дверь.

У длинного стола для заседаний, по обе его стороны, друг напротив друга, сидели Костя и Иван Гаврилович Щукин, заместитель генерального прокурора, назначенный совсем недавно в Южный Федеральный округ. Он, кстати, тут же привстал и первым протянул вошедшему руку. Александр Борисович вяло пожал ее, кивнул. Потом перевел печальный взгляд на Меркулова. Но Костя был сух и официален.

— Садись, — он показал на стул рядом с собой. — И вообще, сейчас не время.

— Вы о чем, Константин Дмитриевич? — непонимающе спросил Турецкий.

— Уговорами заниматься, — довольно резко ответил Меркулов. — Настроение демонстрировать. Потом, все потом.

— Как прикажете, — скорбно отозвался Турецкий.

— Александр Борисович, сосредоточьтесь, пожалуйста! У нас мало времени!

Это были хотя и не новые для Кости интонации, но непонятно, в связи с чем он так старательно демонстрировал сейчас свою руководящую суровость. И уж перед Турецким этого ему делать тем более не следовало. Или он уже догадался, что начнутся отнекивания, и захотел все сразу расставить по своим местам? Что ж, пора сменить тактику, можно действительно «заболеть».

И Меркулов, видимо поняв, что он немного переборщил, сменил тон.

— Я в двух словах изложу тебе цепь событий, чтобы не заставлять Ивана Гавриловича повторять одно и то же. Он уже докладывал генеральному весь-

ма подробно. И снова повторяться острой нужды нет. Итак... Ты газеты в последнее время просматривал?

— Именно просматривал. А читать совершенно нет времени, — мстительно уколол Турецкий.

— Ну и то хорошо. Значит, тебе в общих чертах известно, что нынче творится на Кубани.

— А что? Опять наводнение? — серьезно спросил Александр, чем едва не вывел Меркулова из себя.

Но Костя помолчал, потом взглянул на Щукина, старательно прячущего улыбку, готовую разлиться по его загорелому лицу, и, тяжело вздохнув, укоризненно покачал головой. Пробормотал нечто похожее на «детский сад». Но хмуриться больше не стал.

— Хуже, Саня. Похоже, что в краевых властных структурах все поголовно погрязли в коррупции...

— Не думаю, что это опаснее наводнения, — заметил Турецкий.

— Не оstri, пожалуйста. Исчезли бесследно семеро известных в городе людей во главе с депутатом Законодательного собрания. Есть подозрения, что все они убиты, а тела их вывезены за пределы города. На следующий день после этого события, взволновавшего всех жителей, посреди бела дня в центре города демонстративно расстрелян вице-губернатор, который ранее возглавлял краевое управление милиции. И все подозрения, так или иначе, сходятся на том, что эти дерзкие убийства совершены по указанию зятя губернатора, некоего Киреева, владельца ряда крупнейших предприятий в крае. Олигарха, так сказать, местного разлива, по некоторым данным, связанного с криминальными кругами. По тем же данным, в основе этих кровавых событий лежит очередная переделка собственности.

— А этот, как его... Киреев, уже сидит? — поинтересовался Турецкий.

— Киреев не сидит, — вмешался Щукин. — Вы позвольте, Константин Дмитриевич?

— Пожалуйста. — Костя охотно передал ему «бразды правления».

— Киреев, — продолжил Щукин, — как уже сказано, Александр Борисович, зять губернатора Шестерева, занимающего свой пост второй срок. Он является генеральным директором крупнейшего на юге страны цементного предприятия. А, кроме того, его интересы, как стало известно, простираются много дальше. Он стремится стать единовластным владельцем самого мощного нашего предприятия в округе — химического комбината. Вот на этой почве, как можно предположить, и произошли указанные события. И еще одна деталь. Родной дядя Киреева — Семен Васильевич, до недавнего времени был постоянным представителем правительства края при президенте Российской Федерации. Владеет корпорацией «Планета», а ныне занимает пост генерального директора акционерной компании «Кубаньэнерго».

— Серьезный народ, — хмыкнул Турецкий.

— Очень, — подтвердил Щукин. — Есть предположение, что убийство Трегубова, вице-губернатора, последовало после того, как тот потребовал у губернатора арестовать Юрия Киреева, то есть шестеревского зятя, и начать немедленное расследование убийств.

— Значит, все-таки убийства? — спросил Турецкий.

— Анатолий Юрьевич Трегубов был генерал-майором милиции, прекрасно знал свое дело и, вероятно, без твердых к тому оснований так вопрос не поставил бы.

— А свидетели его разговора с губернатором есть? — продолжал допытываться Турецкий.

— Свидетелей, к сожалению, нет. Пока нет, — развел руками Щукин. — Вот все это и предстоит доказать.

— Так за чем же дело встало? У вас нет опытных следователей? Они не хотят или боятся проводить

расследование? Или у них самих рыльце в пушку? — настаивал Турецкий.

— Не хотелось бы так думать, Александр Борисович. И опытные кадры имеются, и желание, видимо, тоже обнаружится, но... как бы вам сказать? Население, люди уже перестают верить в то, что в крае можно восстановить справедливость и законность. Вот пример — та ночная трагедия. Милицией сегодня руководит генерал-майор Шилов, которого, по слухам, пробивал в Москве сам же Трегубов, когда баллотировался в вице-губернаторы. Так он, как все в городе уверены, работает исключительно «с голоса» губернатора. А тем, в свою очередь, якобы командует Юрий Киреев. Далее. До моего личного вмешательства краевая прокуратура возбудила только уголовное дело по факту убийства вице-губернатора и всячески тянула с возбуждением уголовного дела по поводу исчезновения семерых акционеров химического комбината во главе с депутатом. Возмущенные граждане, возглавляемые старейшим ветераном в городе, отцом депутата Москаленко, прорвались на территорию загородной губернаторской усадьбы, где, как они предполагали, и были убиты акционеры. Они обнаружили на гравии, на асфальте, на земле не смытые в отдельных местах следы крови — это уже установлено экспертизой, а также несколько гильз от пистолетов и автоматов. В то время как милиция никаких следов там не нагуляла! Если мы срочно не предпримем громкого расследования, люди просто поднимут бунт. И уж тогда всем нам мало не покажется, — вздохнул Щукин.

— Смысл ясен, Саня? — спросил Меркулов.

— Да уж куда яснее...

Турецкий понял, что и само дело — тухлое, тухлее не бывает, и его собственное положение ничуть не лучше. И, главное, возражения здесь как бы даже и неуместны. Ссылки на то, другое... Да потом они наверняка ведь обговорили все у генерального прокуро-

ра, а теперь, когда уже принято решение, просто ставят его, Турецкого, об этом в известность. Даже поломаться для приличия, пожалуй, не удастся. А вот свои условия выставить еще не поздно.

— И вы хотите, надо полагать, чтобы я как нейтральное лицо из центра возглавил это расследование?

— Вот именно, — одновременно закивали Меркулов со Щукиным. — Ты верно понял... Вы правильно поняли, Александр Борисович.

— Но если положение дел в крае именно такое, каким вы его описали, Иван Гаврилович, — сказал Турецкий, — в чем я, собственно, не сомневаюсь, хотя бы из доверия к вам, то ситуация может сложиться так, что я не смогу опереться на местных оперативников. Вы понимаете, что это означает для меня, а главным образом для дела, Иван Гаврилович?

— Еще бы! Я полагал бы, что следственно-оперативную группу, возможно, межведомственную, придется сформировать здесь, в Москве, а уж на месте вы сами могли бы при необходимости привлекать к работе тех или иных сотрудников правоохранительных органов, которых пожелаете видеть рядом с собой. Уверяю вас, далеко не все из них, как говорится, прогнили. В крае немало честных и толковых работников.

— Будем надеяться, — без всякой надежды подвел итог Турецкий.

— Хорошо, Александр Борисович, — Меркулов снова стал говорить официальным тоном, — я пригласил Поремского с Елагиным. А кроме того, думаю, что конкретная помощь твоего старого друга Вячеслава Ивановича тоже не окажется лишней. В конце дня проведем общее совещание, где я поставлю перед вами задачу. Я уверен, что, поскольку в деле так или иначе замешаны фигуры бывшего и нынешнего начальников краевого Управления МВД, их министр не станет возражать, если мы задействуем генерала Грыз-

нова с его сотрудниками из Главного управления уголовного розыска министерства. Принципиальное согласие Вячеслава Ивановича, к твоему сведению, у меня на этот счет уже имеется.

— Ну, Славка! — только и мог восхититься Турецкий. — Ведь и слова не сказал.

— Он просто, как всегда, уверен в тебе. Иван Гаврилович, у вас есть еще какие-то вопросы или пожелания Александру Борисовичу? Нет? Саня, пока свободен. Подчисти неотложные дела, потом времени не останется.

— Всего доброго, Александр Борисович, — приподнявшись, Щукин снова пожал ему руку.

Ответил Турецкий уже крепким рукопожатием, пробормотав: «Дай-то, Бог...»

А вечером, перед концом рабочего дня, Меркулов собрал у себя совещание сотрудников Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел, которые вошли в следственно-оперативную группу, возглавляемую старшим помощником генерального прокурора, госсекретарем юстиции третьего класса Турецким. Приказ был подписан генеральным — Кудрявцевым. А согласовано решение о создании такой группы с самим президентом страны. Событиям в Южном Федеральном округе придавалось поистине государственное значение.

С одной стороны, это обстоятельство радовало Александра Борисовича — оно развязывало следствие руки. А с другой — настораживало, ведь всегда найдутся желающие давать советы и устраивать бесконечные проверки по части жалоб от якобы пострадавших во время следственных действий, без которых ни одно расследование практически не обходится.

Убедившись еще днем, что отвертеться не удастся, Александр Борисович, в душе изрядный фаталист, решил больше к этому вопросу не возвращаться и со

всем вниманием ринулся изучать имеющиеся материалы. Но таковых было, в сущности, немного. Да и те главным образом больше выглядели как предположения, а не выводы из произведенных уже следственных мероприятий.

Что имелось в наличии?

Во-первых, пропажа семерых людей, которые отправились на переговоры с неким Киреевым и домой не вернулись, а также не появились на службе ни на следующий день, ни в течение почти уже недели.

В пользу версии об их убийстве говорили выстрелы посреди ночи, которые слышали многие горожане. Их, в основном устные, показания фактически не расходились — все слышали pistolетные выстрелы и автоматные очереди. Значит, информацию придется опять тщательно перепроверять.

Сюда же можно отнести и найденные кем-то из взволнованных родственников стреляные гильзы и следы, напоминающие кровь, на асфальте и траве. Кто их собирал, как проводили экспертизу и опять же где — оставалось только догадываться. Во всяком случае, ни прокуратура, ни милиция активного участия в сборе вещественных доказательств, похоже, не принимали. Скорее, они формально исполняли указания начальства. Но если само начальство не было заинтересовано в конкретных результатах, можно сделать вывод, что и участие было именно формальным.

Во-вторых, дерзкое убийство вице-губернатора, который, как предполагается, имел жесткий разговор с губернатором в присутствии начальника ГУВД Шилова и все того же Киреева. Свидетелей этого разговора нет, но многие «слышали» и якобы «видели своими глазами», как разъяренный Трегубов, покидая кабинет губернатора, со злостью хлопнул дверью.

Показания в деле имелись в лучшем случае записанные со слов свидетелей, которым говорили те, кто сами слышали и видели.

Чем там прокуратура занималась, уму непостижимо!

Естественно, следствие не обнаружило свидетелей убийства на улице, возле универсама «Кубань». Водитель Трегубова — Валентин Милютенко узнал об этом факте, лишь услышав крики людей. Он вышел из машины и увидел лежащего на асфальте навзничь шефа с пулевым отверстием точно в середине лба. Ранение было единственным и смертельным. Выстрел произвел профессионал с близкого расстояния. Однако самого «профессионала» никто не видел. Запустили рванувшую со стоянки от тротуара темно-серую машину: по словам одних — девятую модель «Лады», по словам других — «фольксваген». Номерного знака, конечно, никто не запомнил.

В городе никто не сомневается, что все эти убийства — звенья одной преступной цепи. Их цель — передел собственности. Иначе говоря, борьба за безусловный контроль над ОАО «Химкомбинат».

И, наконец, третий фактор, который нельзя сбрасывать со счетов — горячее и непосредственное участие общественности. В первую очередь — это семьи, друзья и знакомые пострадавших. Во-вторую — сошедшие с ума горожане, которые собираются чуть ли не расправу учинить над предполагаемыми виновниками и требуют немедленного смещения губернатора и отставки всего краевого правительства. Короче, назревал бунт, как считал Александр Сергеевич Пушкин, всегда бессмысленный и беспощадный.

Такова была атмосфера, в которой придется работать Турецкому.

Теперь возникал вопрос: с кем предстоит докапываться до истины?

Меркулов расщедрился и выделил Володьку Померского с Рюриком Елагиным. Эти друзья-важняки, которых в свое время перетащил в Генеральную прокуратуру сам Турецкий, несмотря на сопротивление кое-кого из этого здания на Большой Дмитровке, уже

показали свое умение. С ними бесспорно можно работать продуктивно.

Со стороны Министерства внутренних дел сам министр расщедрился на заместителя начальника ГУУР генерала Грязнова с парочкой его молодых сотрудников — Владимиром Яковлевым и Галиной Романовой. С последними Турецкий тоже был знаком — молодое поколение тех известных фамилий, с которыми Александр Борисович пахал в восьмидесятых — середине девяностых годов. Славка уверяет, что они растут отличными оперативниками. Дай-то Бог им достигнуть когда-нибудь уровня своих старших родственников...

И еще один подарок сделал министр. Он обещал прикрепить к группе своего помощника, полковника внутренней службы Виктора Солонина, но только когда тот освободится от одного срочного дела. Даже и с таким условием это был все равно подарок. С Виктором Турецкий работал не раз и знал, на что тот способен. Солонин был прирожденным разведчиком и в то же время блестящим аналитиком. Словом, работа и для него найдется.

Вот, собственно, и все силы, которыми располагал руководитель группы. Предусматривалась также помощь местных кадров, но на нее Турецкий особо рассчитывать не хотел. Если коррупция, по мнению того же Щукина, насквозь пронизала не только руководство края? но и все его чиновничество, любой местный сотрудник УВД или прокуратуры может оказаться засланным «казачком», и тогда расследование, мягко говоря, накроется. Значит, помощь придется привлекать только в исключительных обстоятельствах и ни в коем случае не на главных направлениях. По мелочам, по конкретным фактам, но под обязательным контролем, чтоб потом не создавать самим себе проблем.

Непременно надо будет встретиться и с теми граж-

данами, которые проводили самостоятельное расследование. Они в городе свои, им многое известно.

Такую программу предварительных действий изложил Александр Борисович после вступительного слова Меркулова и добавил, что любые возможные версии будут выдвигаться и отрабатываться на месте после многочисленных повторных опросов, допросов, экспертиз, когда наконец проявятся контуры общей картины и можно будет составить конкретный план расследования.

Присутствующие слушали внимательно, понимая, что большего Александр Борисович пока предложить не может. Но по ходу совещания решили и еще одну проблему. Официально и открыто «представительствуют» в городе лишь Турецкий с Грязновым. О Солонине никто вообще ничего знать не должен. Яковлев с Романовой подчиняются Грязнову и своего присутствия до поры до времени стараются не афишировать. Поремский с Елагиным работают в обычном режиме, стараясь без необходимости тоже не вылезать на передний план. Первому для начала поручили группу родственников пропавших людей, возглавляемую, как известно, отцом депутата. А Рюрик с привлечением местных кадров должен будет заняться повторными обысками на губернаторской даче и допросами ее охранников и obsługi. Общая задача — понять, в самом ли деле погибли люди или, может, их где-то содержат как заложников. Исключать нельзя ничего.

И, наконец, тяжкий груз основных бесед и допросов лиц, причастных к руководству города и края, берут на себя Грязнов и Турецкий — пусть они только попробуют отказаться отдачи показаний или сослаться на занятость!

Турецкому же предстоит оценить собранные группой улики и доказательства, чтобы решить вопрос о том, вести ли каждое расследование отдельно или соединить их в одном производстве. Вообще говоря, логика подсказывала последнее, но фактов для этого пока не хватало.

Грязнов ненавидел самолеты. Попросту говоря, боялся летать, зная, что они иногда падают. И с уважением смотрел лишь на те экземпляры, которые стояли на бетонных пьедесталах перед зданиями аэропортов — они уже благополучно отлетали свое, чего не скажешь о других.

Но Турецкий, как известно, бывший в глубине души фаталистом, настоял на том, что лучше не трястись поездом двое суток, а лететь всего каких-то три часа. А чтоб Славка не боялся, предложил верный способ борьбы со страхом — выпить немного перед вылетом, а в полете еще добавить. Ведь сколько раз они летали «на юга» таким вот образом, и ни разу, по известной старой присказке, судьба-индейка не ценила их жизнь в копейку.

Короче, уговорил. Но Вячеслав Иванович поставил условие: раз уж Саня настаивает на предполетной подготовке, то коньяк должен быть марочным, качество которого гарантируется производителем.

Пока летели, Славка забыл о своих страхах, и они заговорили о предстоящем деле. Их помощники вылетали следующим самолетом, чтобы не светиться от блеска генеральских погон своих начальников. Так остроумно предположил Володя Поремский. И в этом была доля правды: Грязнова с Турецким наверняка будет, встречать высокое краевое руководство, так зачем же с ходу выставлять на всеобщее обозрение остальную группу? Ребята и Галя прилетят позже, поселятся тихо в гостинице — теперь, слава богу, отмечать служебные командировки у администраторов не нужно, а для связи имеются «закрытые» мобильные телефоны, которые при острой нужде можно без труда заменить на другие. А дальше обстановка покажет. Каждый из сотрудников знал, чем ему для начала предстоит заниматься.

Итак, о деле.

Грязнов говорил, что имеет некоторые подходы к Шилову, начальнику ГУВД, и охотно взял бы его на себя. Во-первых, своим легче найти точки соприкосновения, а во-вторых, вероятно, именно Федор Шилов главным образом и есть та «крыша», под которой уютно себя чувствуют и губернатор, и его прихвостни, грубо говоря. То есть, другими словами, шеф краевой милиции вполне может быть как подельником, так и самостоятельной криминальной силой. И вывести его из игры было бы делом заманчивым и полезным для всей операции.

— А как ты его выведешь? — усомнился Турецкий.

— Сам говоришь: «Есть многое на свете, друг Гораций...» — парировал Вячеслав.

— Это не я, это Гамлет, но — неважно. Если ты знаешь такой способ, это станет гвоздем операции.

Грязнов самодовольно улыбался, не забывая изредка прикладываться к персональной фляжке.

— А тебе я советую, — продолжал Славка, — не обращать на нас с ним внимания и ласково взять под локоток губернатора, который наверняка тоже придет в аэропорт. Дело-то громкое, а тут, можно сказать, посланцы самого президента прибыли, если, конечно, твой Щукин не подведет и сделает, как обещал.

— Не знаю, — пожал плечами Турецкий, — но он, во всяком случае, так сказал Косте. В принципе это в его же собственных интересах.

— Полностью с тобой согласен. Так вот, губернатора возьмешь под локоток и самым доверительным тоном, каким ты умеешь, споешь ему сладкую песню о том, как много ты о нем слышал хорошего и как горько сочувствуешь в его несчастье. Беда в крае — это же и его беда как крупного и мудрого руководителя, высиживающего второй срок, после которого в связи с нынешними веяниями вполне возможен и третий. А это будет зависеть напрямую от того, что

узнает президент, который, судя по определенным веяниям наверху, может предложить через годик-другой, когда подойдет очередь, именно его кандидатуру Законодательному собранию. И пусть, мол, те попробуют послушаться! Понимаешь мысль?

— Ты мудр, Славка, аки змий! — засмеялся Турецкий.

— А то! — восхитился собой Грязнов. — И еще добавлю о том, что касается отсутствия свидетелей. Я бы на твоём месте внимательно посмотрел, кто у этого губернатора в секретаршах. И если есть хоть какая-то надежда... В смысле, если у него в приемной сидит не старая гримза или вообще не мужик, то я бы кинул на нее все свое обаяние. Поверь мне, обласканная секретарша сдаст своего хозяина, как заранее прикормленная собака.

— Ох, старик, на что ты меня толкаешь! — продолжал смеяться Турецкий.

— Не хочешь? Давай я возьму этот груз на себя.

— Да я не о том. Как это будет выглядеть-то? Столичный ловелас? У всех на глазах?

— Постарел ты, Саня, — осуждающе покачал головой Грязнов. — Прежде таких вопросов не задавал... Ладно, имей в виду, что со свидетелями у нас очень туго. Так туго, что хуже некуда...

— Их просто никто не хотел искать, Славка.

— Нуда, а мы им покажем, как это делается? Флаг нам в руки...

Два милицейских майора встретили их у трапа, отдали честь и забрали легкие «командировочные» чемоданчики, которые загрузили в багажник черного «мерседеса». И на этой большой машине доставили столичных гостей к зданию аэровокзала. Метров двести всего и проехали. Хотя погода была, в общем, мерзкая — сильный ветер и мелкий, словно пыль, дождь. Но оказалось, что основная группа встречаю-

щих находилась именно там, под большим навесом у входа в зал для особо важных персон.

Невысокий, лысеющий, с плоским носом и побульдожьими отвислыми щеками, губернатор Шестерев стоял в окружении своей небольшой свиты. Турецкий окинул взглядом встречающих, однако Щукина среди них не обнаружил, хотя Александру Борисовичу было точно известно, что он вернулся из Москвы. Возможно, не хотел демонстрировать своего личного знакомства с руководителем группы, хотя и непонятно почему.

Ближе всех к губернатору стоял молодой мужчина среднего роста. Челюсть его равномерно двигалась, видимо, рекламный «стиморол» не оставлял его равнодушным. А маленькие сонные глазки, словно буравчики, сверлили московских гостей.

— Зять, наверное, — не привлекая к себе внимания, шепнул Грязнов и, отвесив сразу всем легкий поклон, повернулся к стоящему немного в стороне генералу Шилову: — Рад тебя видеть, Федор Алексеевич! — и приподнял руки, как бы желая обнять встречающего.

Через мгновение они уже хлопали друг друга по плечам.

Турецкий между тем, сняв свою фуражку, степенно пожал руку губернатору, потом еще кому-то, другому, третьему, а когда дошла очередь до зятя, просто сунул ему руку, будто походя и глядя мимо него. Не вежливо поздоровался. Но поздоровался же. Причем сделал это сознательно, чтобы продемонстрировать, что ему уже кое-что известно, а вот что, пусть сам догадывается.

А тут подошли Грязнов с Шилковым, чуть ли не в обнимку, и Федор Алексеевич сам обратился к губернатору:

— Георгий Владимирович, разрешите вам представить заместителя начальника ГУУРа Вячеслава

Ивановича Грязнова. Мы давно с ним знакомы. — Последняя фраза была сказана с явным значением.

— Да, — поддержал Шилова Грязнов, пожимая руку губернатору, — я ведь отлично помню, как он выступал на коллегии, перед назначением сюда. — И, повернув голову к Шилу, добавил уже ему: — Толю жалко... Толковый был мужик.

— Верно, — со скорбным видом ответил Шилов.

— Ну, затем и мы с тобой остались, Федя, чтоб защитить память нашего друга, так?

Ответить генерал не успел, хотя было видно, что он разделяет мнение Грязнова, но за него это попробовал сделать зять губернатора. Вероятно, сильно задетый невниманием к своей персоне, он захотел возразить самоуверенному гостю из Москвы. Он кинул фразу в пространство, а не конкретно в чей-то адрес:

— Странно слышать слова о защите памяти. Трагически погибшего Трегубова никто ни в чем не обвиняет. Наоборот, это он сам стал жертвой неизвестных преступников. Разве в Москве об этом не знают?

— В Москве известно все, что нужно знать, — не поворачиваясь к зятю и по-прежнему глядя генералу в глаза, ответил Вячеслав Иванович. — А по поводу «неизвестных», Федя, мы же с тобой давно знаем простую истину — все неизвестное является таковым лишь до поры до времени. А вы, молодой человек, — Грязнов теперь обернулся к зятю, — простите, не знаю вашего имени-отчества?..

— Юрий Петрович, — словно не выдержав повисшей короткой паузы, сказал губернатор.

— А вы, Юрий Петрович, — Грязнов кивнул Шестереву с благодарностью за подсказку, — можете нам с Федором поверить: нет ничего тайного, что однажды не стало бы явным. На том и стоит наша служба. Я прав? — Он снова посмотрел на Шилова.

И тот, промолчав, утвердительно кивнул несколько раз.

— Ну вот и славно, вот и договорились. — Грязнов

потер ладони, как будто собирался немедленно садиться за банкетный стол.

Но выпивать и закусывать их никто не приглашал, хотя жест Грязнова все приняли с непонятным облегчением, даже с усмешками. Возможно, решили, что прибыли нормальные мужики, хоть и деловые, однако не упертые, способные пойти в иной ситуации и на компромисс, а значит, особой опасности не представляют.

Турецкий подумал, что, если судить по взгляду губернатора, Щукин, вероятно, уже сообщил ему, как они и условились с Меркуловым, что народ в следственной бригаде будет достойный. И своими действиями москвичи постараются — по прямому указанию президента — не вызвать негативной реакции у местного населения, а, напротив, сделать все, чтобы люди успокоились. К тому же серьезные расследования, как известно, длятся иногда даже не месяцами, а годами. Это только постороннему кажется, что все лежит на поверхности, на самом же деле каждое показание, каждое признание, каждый факт и необходимость любого следственного действия должны быть не просто доказаны, но и тщательно задокументированы. Только тогда доказательства приобретают законную силу для суда. А если относиться к делу поверхностно, то свидетели и обвиняемые в судебном заседании попросту откажутся от своих показаний, объявив о том, что они добыты с нарушением уголовно-процессуальных норм. Какой же опытный следователь или оперативный работник станет заниматься грубой подтасовкой фактов?

Короче говоря, если Щукин — а он, похоже, понимающий мужик — последовал Костиному совету и уже поговорил на эту тему с Шестеревым, какой-то лимит времени у Турецкого и его группы имеется. Хотя не исключено, что молодой зятек, с которым Александр Борисович и Вячеслав Иванович договорились с самого начала не иметь точек соприкосно-

вения, отправит за группой и в первую очередь за ее руководителями своих соглядатаев. А об этом лучше узнать сразу. Все равно ведь прицепит «хвост», но ему надо показать, что его никто не боится. Что и было сделано.

Прилетевшие гости и хозяева расселись по машинам. Турецкому и Грязнову губернатор предложил место в своем автомобиле. Но Вячеслав Иванович сказал, что поедет с Шиловым, им есть о чем поговорить по дороге в город. Таким образом, переднее место охранника в губернаторском «мерседесе», который и встречал москвичей у трапа, занял зять, Юрий Петрович Киреев. Причем занял, не спрашивая согласия хозяина автомобиля. Видимо, нравы в губернаторском доме были простыми и ненавязчивыми.

Во время поездки речь у Турецкого с Шестеревым шла лишь об одной проблеме — о новой инициативе президента по поводу назначения им губернаторов. Рассматривались разные варианты — с законодательными собраниями, с инициативами выборных групп и прочие, но Александр Борисович занимал твердую позицию: президентское предложение — дело верное и перспективное. Собственно же о деле, ради которого приехали сюда «генералы» из Москвы, речи не было. И Турецкий тем самым лишний раз утвердился в мысли, что губернатор, лично убедившись в обещанной Щукиным «лояльности» москвичей, действительно успокоился.

Киреев в разговоре не участвовал — то ли не хотел, то ли замышлял какую-нибудь пакость.

А вот в машине Шилова разговор шел о местных делах. Грязнов, не раз бывавший в крае и по служебной надобности, и на отдыхе, естественно, знал и помнил многих. Он интересовался, кто вышел на пенсию, а кто, наоборот, оказался при новой должности. Между прочим, поинтересовался Владиком Старковым, который в бытность Грязнова еще в МУРе бегал в замах начальника городского угрозыс-

ка. Оказалось, что сегодня Владилен Егорович занимает пост начальника отдела краевого уголовного розыска. Жив, здоров, уже внуки у него подрастают.

Вячеслав Иванович тут же, естественно, предложил организовать в один из вечеров дружескую встречу, посидеть, старое вспомнить. Шилов, разумеется, не возражал и поддержал идею.

Он тоже видел, что Грязнов, о котором он был только наслышан, но лично незнаком, отягощать себя работой, похоже, не собирается. И это очень хорошо, о чем можно будет и доложить Георгию Владимировичу, все-таки озабоченному появлением в городе команды, возглавляемой весьма опытными сыщиком и следователем-важняком, на боевом счету которых немало раскрытых громких дел.

Что же касается встречи и разговора в аэропорту — Шилов мысленно возвращался к той теме, но во время его назначения в министерстве было столько народа, разве всех упомнишь? Кажется, он все-таки видел там, в здании на Житной, колоритную фигуру лысеющего, рыжеволосого когда-то генерала. А тот, получается, его, Федора, запомнил. Это льстило, между прочим. И про Трегубова, которого Грязнов называл просто Толей, тоже говорил теплые слова, как же не поверить, если, несмотря на законные опасения, все же очень этого хотелось? То-то и оно...

Хозяева предоставили гостям возможность разместиться в просторных люксовых номерах шикарного отеля «Кубань». Возможно, учли необходимость постоянно встречаться со свидетелями, беседовать с ними, опрашивать, отдыхать по вечерам, после напряженного трудового дня. А как же это делать в обычном гостиничном номере? Гости не сильно возражали, хотя Сане со Славкой вполне хватило бы и одного такого номера на двоих. Но если хозяева настаивают?..

Другое смущало и Грязнова, и Турецкого. Лишних помещений было столько, что невольно напрашивалась мысль: здесь так много укромных уголков для размещения подсматривающей и подслушивающей аппаратуры, что никакими проверками от нее не избавиться.

Вячеслав Иванович, как человек «простой», не терпящий всяческих экивоков и любящий резать правду-матку, так и заявил Турецкому, с которым они в присутствии сопровождавшего их генерала Шилова осматривали номера:

— Сань, ты «акулу» нашу не забыл?

" — В чемодане, — беспечно заявил Турецкий.

Вопрос одного и ответ другого откровенно смутили Шилова. Да неужели москвичи подозревают, что кто-то осмелится установить здесь следящую технику?!

— Федя! — по-приятельски подмигнул генералу Вячеслав. — И ты, и я, и он тоже, — Грязнов ткнул пальцем в Турецкого, — не первый день живем на этом свете. И отлично знаем, как это делается. Поэтому ты не огорчайся, но проверочку мы все-таки учиним. Это, по правде говоря, чтобы и у тебя потом голова не болела. Ну и у нас с Саней. Ты представляешь, какой скандал вспыхнет, если мы обнаружим что-нибудь незаконное? И потом, я ж не тебя подозреваю. Может, «соседи» стараются, путаются под ногами в ожидании «горяченького» — по старой привычке. Может, еще кто... из лиц заинтересованных, верно? Разве нет таких? Да ни за что не поверю.

Шилов как-то неопределенно пожал плечами.

— Ну вот, видишь? Поэтому мой тебе дружеский совет: скажи своим технарям, чтоб они основательно прошерстили оба помещения. А если чего вдруг найдут, пусть уберут на хрен. Молча. И даже могут нам об этом не сообщать. Мы пока сейчас обедать пойдем, ага? А то у меня к самолетам эта... идио... Как, Саня?

— Идиосинкразия, хочешь сказать? — шутливо осведомился Турецкий.

— Вот-вот, она самая, зараза. Пока не поем, человеком себя не чувствую. Федя, у вас тут как кормят-то?

— Нормально, — озабоченно ответил Шилов. Было видно, что мысли его сейчас двигались в другом направлении.

— Ну, так пойдем? Или ты нас догонишь? — с пониманием предложил Грязнов, незаметно подмигнув Турецкому, который снова старательно сохранял озабоченное выражение на лице, присущее старшему помощнику генерального прокурора.

— Я догоню вас. Вы заказывайте, я особо есть не хочу, плотно завтракал. Но от чашки кофе, пожалуй...

— И от скромной рюмочки коньяку... — добавил Грязнов, двумя пальцами показывая дозу.

— Не откажусь, — хмыкнув, договорил Шилов.

— Ну, так мы пошли, — сказал Грязнов, дружески подталкивая Турецкого в спину.

— Озаботили? — насмешливо спросил Александр Борисович, когда они вышли из лифта на нижнем этаже, где располагался ресторан.

— Еще как, — кивнул Грязнов. — Пусть поработают, а мы потом проверим. Я взял все, что нужно. Остальное Яковлев привезет с собой. Так, Саня, ты давай заказывай себе что хочешь, а мне — рыбку, хочу осетринки на вертеле. Здесь ее когда-то так вкусно готовили! Язык проглотишь! А я пока сделаю один важный звоночек, не возражаешь?

— Куда, если не секрет?

— А ты скоро и сам узнаешь.

3

Пообедали они быстро и вкусно, так и не дождавшись Шилова. Поднялись в номера. Трое молодых людей, оказалось, уже проверили один номер и завершали работу в другом. Шилов выглядел озабоченным. На вопросительный взгляд Грязнова ответил:

— В том нашли одну закладку. В телефонном аппарате. Вероятно, старую. Может, ей сто лет в обед. Номера-то дорогие, и останавливается в них сами понимаете какая публика. Наверное, осталась еще от их разборок. А здесь чисто. Ну что, ребятки, дело сделано? — спросил у техников. — Нашим гостям пора отдохнуть...

— Отдыхать некогда, — сказал Грязнов. — Сейчас я парадный мундир сниму, надоело представительствовать, и поедем в администрацию, да? Саня, а ты как?

— Я тоже переоденусь. Жаль, что вы, Федор Алексеевич, не составили нам компанию за обедом, кофе здесь варят превосходный. Ну, в следующий раз... Может, вечером?

— Посмотрим, — ответил Шилов.

Через несколько минут они спустились в холл и прошли к выходу, где под дугообразным навесом их ожидал милицейский «форд» с шофером и «мигалкой» на крыше.

Проходя через внушительных размеров приемную губернатора, Грязнов незаметно ткнул локтем Турецкого, показывая на симпатичную молодую женщину, поднимающуюся из-за стола, на котором стояли компьютер и добрый десяток телефонных аппаратов разного калибра.

— Здравствуйте, — мягко сказала она. — А кто из вас, простите, Александр Борисович?

— Ого, Саня! — обрадовался Грязнов. — Не успел приехать, а уже такие успехи!

Он засмеялся и, подхватив Шилова под локоть, потянул в кабинет губернатора, предоставив Турецкому возможность действовать. И даже подмигнул поощрительно.

Александр Борисович подошел к женщине, снова севшей на свое место, и, опершись руками о ее стол, приветливо улыбнулся:

— Здравствуйте. Александр Борисович — это я, а как вас зовут?

— Лидия Ивановна. Очень приятно.

— А мне-то как приятно. — Турецкий вложил в эту фразу максимум эмоций. Она просто не могла не оценить его восторга. И чуть смущенно опустила глаза, но снова подняла их, лукаво улыбнувшись.

— Вам пришла телефонограмма из Москвы.

— Да-а? — удивился Турецкий. — По-моему, проще было позвонить?

Он достал свой мобильный телефон, взглянул на него и рассмеялся. Аппарат был выключен. Интересно, когда ж он успел это сделать?

— Вот, я записала для вас. — Лидия Ивановна протянула сложенный пополам лист бумаги.

— Я посмотрю?

— Разумеется, это же для вас.

На листке было написано округлым красивым почерком: «Дорогой Александр Борисович! Примите наши сердечные поздравления. Мы, ваши коллеги и помощники, всегда готовы плодотворно трудиться под вашим чутким руководством. Надеемся на скорую встречу в Москве».

Сказать, что Турецкий был озадачен, значит, ничего не сказать. Он вообще ничего не мог понять. Но вдруг вспомнил хитрую ухмылку Грязнова, уводящего Шилова в кабинет, и его поощряющее подмаргивание. Вспомнил и о странном звонке перед обедом и все понял. Славка нарочно помог ему наладить отношения с секретаршей. Ну, артист!

— Так вас, оказывается, можно поздравить, Александр Борисович? — Лидия Ивановна искренне улыбалась.

— Да, видите ли... э-э... Нет, речь идет не о дне рождения. Просто, как говорится, мне кое-что удалось. Знаете, что такое для следователя удача? Когда он успешно закрывает очередное нехорошее дело. Но

я и не ожидал такой реакции от своих товарищей. Очень тронут. Давно звонили?

— Где-то с час назад.

— А-а, ну конечно... Скажите, Лидочка... можно я так буду вас звать?

— Пожалуйста, если хотите.

— Ну, раз уж друзья поздравили, по-моему, грех и самому забывать о таком случае, правда? А вы не составите мне компанию?

— Что, так сразу?

— Почему же сразу? Только когда вы освободитесь.

— Если вы серьезно, то... в семь часов.

— Лидочка, пусть это станет нашей с вами маленькой тайной, можно? Давайте посидим где-нибудь, где вы скажете. Я ведь совершенно не знаю вашего города. Я вам что-то расскажу и кое о чем спрошу вас, если не будете возражать. Но только строго между нами, идет?

— У вас, я вижу, сплошные тайны. Но, раз такие условия, я, возможно, и соглашусь. — Она кокетливо сверкнула глазами. — Только, правда, ненадолго.

— Спасибо! — И он послал ей восторженный, умильный воздушный поцелуй. После чего быстро ушел в кабинет, где его уже ждали. Киреева в кабинете, кстати, не было, но это обстоятельство ни о чем не говорило. Закладка в номере хоть, говорили, и была старой, но, вероятно, вполне годной к действию.

На демонстративный вопросительный взгляд Грязнова небрежно ответил:

— Был звонок из Москвы.

— Все в порядке?

— Надеюсь. Прошу извинить за невольную задержку. Мы с Вячеславом Ивановичем нарочно попросили вас, Георгий Владимирович, уделить нам для начала несколько минут. Потом свободного времени может не оказаться. Да и беседы наши дальнейшие —

и с вами, и с вашими помощниками — могут показаться не очень... дружескими, что ли. К сожалению, любое расследование, особенно такое, какое нам предстоит, наверняка кое у кого способно вызвать даже открытое неприятие. Однако истина того требует. Я не говорю сейчас о возможных компромиссах, факты и время все расставят в конечном счете по своим местам.

— Да-да, я вас прекрасно понимаю... — озабоченно заметил губернатор.

— Именно поэтому для начала, как говорится, мы с Вячеславом Ивановичем хотели бы вас попросить высказать свое личное мнение по поводу происходящих в городе событий. Ведь помимо вас, да еще Федора Алексеевича, вряд ли кто-то знает положение лучше, верно?

Шилов несколько нервно закивал.

— Давайте, если можно, прямо по ходу событий. Что вы скажете по поводу пропажи людей, из-за чего, собственно, как мы понимаем, и разгорелся сырбор, да?

Губернатор помолчал, словно сосредоточиваясь, и коротко сказал:

— А вы знаете, я ведь не могу быть лицом до конца объективным, вот в чем беда.

— Это отчего же? — спросил наивно Турецкий.

— События-то произошли в том районе, где проживает моя дочь... с зятем. Вы его сегодня уже видели. Юрий Петрович Киреев, как мне кажется, достойный человек. Но у следствия могут быть свои взгляды. Я бы рассматривал исчезновение людей как их возможное похищение. Не знаю, с чем это может быть связано. Но вот наша милиция, прокуратура... Пока от похитителей не поступило никаких требований о выкупе и прочем, они не сочли нужным возбуждать уголовное дело по факту именно убийства... А я не могу давить на правоохранительные органы. Что же касается гибели Трегубова, тут двух мнений быть не

может. — Голос губернатора окреп. — Это — подлое убийство. Но вот что могло послужить поводом?..

— Мы хотели бы знать ваше мнение, — тактично вставил Грязнов.

— Ах, молодые люди... Я позволил себе так выразиться исключительно в силу своего возраста. Мне шестьдесят скоро стукнет. Надеюсь, по этой причине вы мне простите мою фамильярность. Так вот, я все время задаю себе этот вопрос: за что? И хочу ли я того или не хочу, но ответ напрашивается, к сожалению, не самый утешительный. Служебная деятельность. Да-да, именно она. Человек старается, хочет в конечном счете сделать что-то людям во благо. Но не получается, особенно в наше время! То, что благо для одного, для другого, возможно, разорение! Такова логика. Поэтому я все больше прихожу к выводу, что причиной убийства вице-губернатора послужила именно активная, я бы даже сказал, бурная, деятельность на его посту.

— Вполне логично, — сказал, задумчиво пожевав губами, Грязнов и сочувственно посмотрел на Турецкого: «Мол, а ты чего хотел?»

— Я рад, что вы это понимаете, — подхватил губернатор. — Кроме того, нельзя забывать, что Трегубов не один год руководил краевой милицией, а следовательно, и врагов себе наверняка нажил немало. Особенно среди криминалитета.

— Да-а, есть такая опасность, — протянул Грязнов, снова вызвав «душевный отклик» у губернатора.

— А вы полагаете, Георгий Владимирович, что исчезновение людей, будем пока называть это происшествие так, и гибель Трегубова между собой никак не связаны? — придав своему тону максимум искренности, спросил Турецкий.

— Да какая может быть связь? — Губернатор развел руками. — Хотя кое-кто так не считает. Известно, например, да я и не хочу этого скрывать, что у нас с Анатолием Юрьевичем буквально за несколько часов

до его гибели состоялся разговор здесь, в кабинете, если можно так выразиться, на повышенных тонах. Но тут необходимо учитывать хотя бы два обстоятельства. Во-первых, Анатолий Юрьевич был человеком резким, любил приказывать, ну... это осталось от его милицейской службы. И, во-вторых, темой нашей беседы было как раз исчезновение тех людей. Он возмущался, что прокуратура не возбуждает уголовного дела, что все вокруг требуют немедленного расследования, угрожают чуть ли не штурмом взять здание администрации. А я возражал, да и теперь твердо уверен, что все должно происходить только по закону. Нужны заявления, нужен сбор доказательств, а делать это могут только те, кому законом такое дело поручено. И никакой самодеятельности! Вот и поссорились. Он закричал, я ответил, не сдержался, о чем сейчас жалею...

Губернатор опустил голову, словно сдерживая обуревавшее его волнение.

О чем было говорить?

Ну, обсудили еще некоторые тактические вопросы расследования. Губернатор пообещал распорядиться об обеспечении столичных гостей необходимым транспортом. Он узнал, что остальные члены группы прибудут позже, а пока руководители сами попытаются кое-что выяснить. Они собирались встретиться с людьми, поговорить, доказывая тем самым взбудораженному населению, что расследование не стоит на месте и его сам президент взял на контроль. Словом, для начала надо хотя бы успокоить местное население.

Губернатор считал, что у москвичей все продумано правильно.

Расстались они не то чтобы совсем уж довольные друг другом, но краевое руководство, убедившись в известной лояльности приезжих, готово было разрешить им действовать по своему усмотрению. Понятно было также, что и своего контроля за деятельностью

группы оно не снимет. Да этого и не требовалось. Ни Турецкий, ни Грязнов не собирались здесь надолго задерживаться. Расследование должно было проводиться стремительно и с разных направлений. Только тогда преступников можно будет изобличить. Если долго возиться со следствием, тем призрачнее станет реальность наказания виновных.

4

Турецкий оставил Шилова беседовать с Вячеславом Ивановичем. Им наверняка было о чем еще поговорить. А сам Александр Борисович предпочел встречу с обаятельной Лидочкой.

Он не боялся втянуть женщину в свои опасные игры. Уж Славка найдет возможность намекнуть Федору Алексеевичу на определенные наклонности в характере друга Сани, который не пропускает ни одну симпатичную юбку. Ну, посмеются, поострят, позлословят. «Знание» генерала обязательно станет достоянием тех, кому это будет, несомненно, интересно. А то, что за ним станут следить в оба глаза, так это и без того понятно.

Накинув плащ, Александр Борисович отправился к зданию администрации и, укрывшись за колонной у входа, стал наблюдать за выходящими чиновниками. Наконец точно в семь появилась Лидочка.

Александр Борисович подождал, пока она отойдет от здания и обернется в поисках кавалера, назначившего ей свидание. И тут же направился к ней, неся в руке букетик импортных цветов. Смешно, да и только! В самый сезон на юге, а продают какие-то турецкие, что ли, колокольчики. Обсудив эту тему, они посмеялись, а затем Лида предложила Турецкому посидеть в маленьком уютном кафе, которое она очень любит. Турецкий с радостью принял это предложение, ибо занудный дождь, начавшийся еще утром, так и не прекращался.

Чего хотела Лидочка, Александр Борисович мог только предполагать, но зато он точно знал, что ему требовалось узнать, о чем шел разговор у Трегубова с губернатором. Никто другой, кроме этой женщины, об этом знать не мог. И он, попивая хороший кофе с коньячком, угощая Лидию каким-то местным изысканным блюдом — надо же уставшей секретарше поужинать! — болтал с ней о всякой чепухе, придумывая то «дело», по поводу которого и пришла телефонограмма. Да сочинять-то особо ничего не требовалось — практика его была слишком богатой и впечатляющей для милых наивных провинциалок.

Исподволь Турецкий подвел Лидию к своей цели, и она стала вспоминать, что тогда происходило.

В кабинете помимо губернатора находился и его зять — этот противный Киреев. Почему противный? Да от него постоянным холодом веет, неприязнью к людям. Он с презрением относится к секретаршам, вахтерам, буфетчицам — к обслуживанию, словом.

А разговора у них в кабинете не было, стоял сплошной крик. Трегубов требовал немедленного ареста Киреева, а тот отвечал сплошь матерными фразами. Губернатор пробовал как-то вмешаться, но у него ничего не получалось. И ругались не с ним, а Трегубов и Киреев друг с другом. После чего Трегубов заявил, что после обеденного перерыва отправится в Законодательное собрание, где расскажет всем правду — и про акции химкомбината, и вообще о роли обоих Киреевых — дяди и племянника — в управлении городом и краем.

— Разве у него были какие-то материалы? — удивился Турецкий.

— А как же! Анатолий Юрьевич и сам, говорят, владел акциями. И Георгий Владимирович — тоже. Поэтому у них там борьба идет жуткая! Недавно директора на химкомбинате сняли, специальное собрание провели, а после говорили, что этим актом губернаторский зять обеспечил себе контрольный пакет.

Черт их всех разберет, Саша... Ведут себя как пауки в банке. Слух был, что и акционеров из-за этого убили, а тела куда-то увезли и закопали. Никто ничего не знает точно, но все очень волнуются...

— Вон оно как! А у вас в администрации говорили что-нибудь о том, как продвигается расследование убийства Трегубова?

— А чего говорить? Наверняка все организовал Киреев у себя на даче. Многие слышали стрельбу, но в милиции сказали, что в парке хотели салют устроить, да вроде пиротехника бракованной оказалась. Противно все это. Но жить-то надо. Вот и молчим. Только вы меня, Саша, не выдавайте!

— О чем вы говорите? Конечно, все строго между нами. А у Трегубова родственники остались?

— Жена... Вдова теперь, — вздохнула Лида. — Мы с ней давно знакомы. Если хотите, можем навестить ее. Я после похорон Анатолия ее еще ни разу не видела. А тогда, на кладбище, какой разговор?

— А может, сейчас и поедем?

— Действительно, почему бы нет? Давайте только позвоним сначала.

Лида продиктовала цифры, Турецкий набрал номер и, дождавшись гудков, передал трубку.

— Здравствуй, Лилечка, — начала та. — Извини, что долго не звонила, как ты себя чувствуешь?..

Ответов Турецкий не слышал, но пытался понять по лицу Лиды, что ей говорила вдова Трегубова.

— Ну да, я понимаю, тяжело... А следователи наши с тобой не встречались? Что, совсем ни разу?! Ну, дают! Слушай, а если я к тебе сейчас с одним хорошим человеком... Он из Москвы специально приехал... Ну да, расследовать будут сами... Мы подойдем, а ты ему все расскажешь, что Толя тебе говорил, ладно?.. Куда выйти? Зачем? Лиля, да мы все с собой принесем. Скажи, что надо?.. Договорились... Выходим.

— Она согласна?

— Да согласна, конечно... Только в доме, говорит, шаром покати... Я предложила что-нибудь с собой принести, но она хочет все сама приготовить. Всегда была упрямая! Ну, пойдете? Тут не очень далеко, даже машина не понадобится. Минут пятнадцать всего идти. Она живет в бывшем обкомовском доме — так у нас его называют по старой памяти...

Они вышли из кафе. По пути Турецкий предложил зайти все-таки в гастроном и купить вкусной колбаски, сыру, бутылку легкого вина, фляжку коньяка, чтоб не понижать градус. Лида посоветовала еще взять небольшой шоколадный торт.

Выйдя из магазина, они пошли по центральному проспекту в сторону реки.

Прошли под аркой во двор дома и... замерли. У одного из подъездов, освещенного тусклой лампочкой, стояла настороженная толпа людей. И крутилась над крышей одной из машин синяя милицейская «мигалка».

— Ой! — с ужасом выдохнула Лида и невольно прижалась к Турецкому.

В этот момент послышался рев санитарной сирены и во двор с противоположной стороны с включенной «мигалкой», оглашая окрестности ревом, ворвалась санитарная машина.

Турецкий сразу все понял.

Они медленно подошли к толпе, люди чуть посторонились, но смотрели мрачно и даже злобно. Тихо переговаривались между собой. Слышалось:

— Ну вот, дождалась... И ее теперь, беднягу... Жалко-то как, молодая совсем... И что ж за люди?! А с чего ты решила, что они — люди? Волки это, шакалы вонючие!..

— Это Лиля? — тихо спросил Турецкий у Лиды.

На асфальте возле ступенек подъезда ничком ле-

жала светловолосая женщина в светлом плаще, вокруг ее головы чернело большое пятно.

Лида отчаянно затрясла головой, словно не могла произнести ни слова.

Подошедшие с носилками санитары перевернули женщину на спину и положили на носилки. На том месте, где она лежала, осталось только пятно да обведенный мелом силуэт.

Врач в белом халате, стоявший возле нее на корточках, поднялся наконец и безнадежно махнул рукой.

— Увозим? — спросил он у милиционера, что-то писавшего на листе бумаги.

— Да забирайте. Сейчас только карманы проверим. — И он стал шарить в карманах плаща уложенной на носилки женщины. Не поднимаясь, спросил громко: — Так что, получается, никто ничего не видел?

— Я уже все сообщил, — сказал пожилой седой в светлой рубашке.

— Да, — кивнул милиционер, — понятно.

Толпа загудела, забормотала, но стало ясно, что никто не видел ничего существенного.

Лида, дрожа, отчаянно прижималась к Турецкому.

Александр Борисович отвел ее в сторону, пока не смолкли голоса толпы, и достал телефонную трубку. Нажал вызов Грязнова. Тот откликнулся:

— Кто это? А-а, ты, Саня? Какие новости?

— Слава, генерал еще у тебя? Не ушел?

— Здесь. А что?

— Скажи ему, что только что была убита вдова Трегубова. Мы сейчас неподалеку. Тут милиция, труповозка. Но я не вмешиваюсь.

— И правильно. Сейчас я все ему передам... Саня, — сказал он через несколько минут, — он уже убежал. Слушай, не маячь там, приезжай сюда. Я сейчас пришлю за тобой машину, а ты отвезешь даму...

я правильно понимаю? — домой. Да, продолжение следует...

— Это не продолжение, Слава... Они демонстрируют то, что о нас думают. Ну что ж, эту игру они сами начали!

Утром по городу поползли новые слухи. Одни говорили, что продолжающийся беспредел в крае уже никак нельзя остановить и надо вводить крутые меры, вплоть до объявления чрезвычайного положения. Другие считали, что новое убийство ни в чем не повинной жертвы — это конкретный вызов московской бригаде следователей. Мол, вы можете думать и делать, что хотите, а хозяева в городе мы, то есть бандиты, и мафия эта подчиняется лишь зятюку губернатора, и никому другому.

Разговоры такого рода слышали и Владимир По-ремский с Рюриком Елагиным, прилетевшие последним, фактически ночным рейсом из Москвы.

Следователи поселились в гостинице «Южная», в небольших одноместных номерах. И, поскольку время было уже совсем позднее, решили начальство свое не беспокоить. Александр Борисович знал их телефоны и в случае необходимости мог позвонить сам.

Так вот, о том, что произошло вечером, они слышали, когда завтракали в буфете. Находилась гостиница не в центре города, а ближе к окраине, в районе автовокзала и тянула разве что на две звездочки — и по интерьерам, и по качеству обслуживания. И народ здесь останавливался простой, специфически торговый и с явным перевесом в сторону лиц «кавказской наружности». Юг — одним словом.

Темноволосый Рюрик с небольшой горбинкой на носу, делавшей его похожим на человека, у которого в родословной наверняка имеется хотя бы капелька

кавказской крови, быстро нашел общий язык с одним из «старожилов» гостиницы. И этот пожилой человек, из явных «мандаринщиков», на вопрос новенького, о чем это люди говорят, о каком убийстве, степенно разъяснил, что в городе в ближайшее время можно ожидать новых беспорядков. Местная мафия делит химический комбинат, а попадает, как всегда, больше всего тем, кто ни в чем не виноват. В прошлый раз, когда народ собирался напротив здания администрации и требовал, чтобы губернатор арестовал своего зятя и назначил расследование по поводу убийства семерых человек, под этот шум и возмущение местные бандиты устроили целое побоище на центральном рынке. Крепко досталось приезжим из Карачаево-Черкесии, из Адыгеи, из Абхазии. Никого, к счастью, не убили, но пограбили и товару испортили на большие деньги. И никому дела нет до случившегося. А когда теперь в городе произошло очередное убийство, наверное, нужно ожидать новых бандитских наездов.

Рюрик поинтересовался, известно ли, кто жертва. Собеседник ответил, что говорят, будто это вдова убитого недавно вице-губернатора, который погиб оттого, что вместе с народом выступил против губернатора. Застрелили его бандиты прямо посреди дня в центре города. Ничего они здесь больше не боятся.

— Ну, если губернатор такой всесильный, что на него никакой управы нет, может, действительно стоит уехать на время, не рисковать?

— Э-э, — печально отмахнулся пожилой человек, — сейчас осень, самое время урожай продавать, большой риск, конечно, а куда денешься, жить-то надо...

— А чего здесь про москвичей каких-то говорят? — с наивным видом поинтересовался Рюрик.

Но собеседник не был расположен обсуждать эту тему. Сказал лишь, что поговаривают, будто про возмущение населения узнали в Москве и оттуда отря-

дили целую команду, чтобы навести в крае порядок и наказать виновных, но никто здесь этому не верит.

— А я вот слышал, будто это месть? — настаивал Рюрик.

— Не надо верить тому, что говорит человек, который всего боится. Может, и месть. А может, кто-то слишком много знает...

Так вот и выяснили Рюрик с Владимиром, что событие, которое горячо и одновременно с опаской обсуждает народ, оказывается, имеет к ним, следователям, самое непосредственное отношение. О дерзком убийстве Трегубова они ведь уже знали. Теперь, получается, преступники убрали и его супругу.

— Пошли в номер, надо срочно позвонить Сан Борисычу, — сказал Поремский.

— Вы где? — спросил Турецкий. — Предупреждаю сразу: ведите себя крайне осмотрительно, за нами уже установлена слежка. Вчерашнее событие, подозреваю, ее прямой результат. Отныне связь только по нашим «закрытым» мобильникам. Все остальные телефоны, полагаю, прослушиваются. Ближайшие планы такие. Пока я представляюсь, привлекая к себе максимум внимания, Володя вступает в контакт с отцом Москаленко и вместе с ним либо отдельно проходит по его пути. Все тщательно документируется. Желательно, чтобы, как я уже сказал, при этом он не таскал за собой «хвост», чего исключить, к сожалению, не могу.

— А мне чего делать? — спросил Рюрик. — Заняться убитой?

— Нет, тебе другое задание. Подъезжай в краевое УВД, к начальнику угрозыска. Его зовут Владилен Егорович Старков. Вячеслав уже обо всем с ним договорился. Полковник выделит тебе парочку оперов и эксперта-криминалиста. С ними ты отправляешься на дачу зятя губернатора и производишь там тщательный обыск как внутри, так и снаружи. Никакие отговорки и протесты не принимаются. У Старкова получишь постановление на обыск, подписанное про-

курором Южного Федерального округа Щукиным. И последнее, Рюрик, — максимум жесткости. Там вневедомственная охрана, какие-то личные телохранители, ЧОПы всякие — так вот, не принимать никаких возражений! Работаешь открыто, как ты умеешь. Пусть они сразу поймут, с кем имеют дело. Поэтому Старков и выделит своих верных людей как прикрытие. Впрочем, тебя учить не надо. Если понадобится помощь, немедленно звони Грязнову или мне.

— А его ребята?

— У них другие дела. Галя займется вчерашним убийством, а Яковлев сейчас за городом.

— А они где устроились?

— Галя у своих родственников. А Яковлева она представила им как жениха. Так что вы там в отношении нее не очень-то губы раскатывайте, понятно?

— Да уж куда понятнее! — засмеялся Рюрик. — А у нас тут, в гостинице, такое говорят — по поводу вчерашнего!

— Потом расскажешь. Приступайте.

Гале Романовой с Володей Яковлевым с жильем повезло больше, чем следователям. Она ведь приехала в дом к своему дяде и, как они еще в Москве договорились с Володей Яковлевым, представила его своим женихом. Когда-то Галя долго жила у дяди и даже ходила здесь в школу. Ее все очень любили и, понятное дело, решили уделить максимум внимания ее жениху. Но Галя, как девушка самостоятельная и нравом не уступавшая своей знаменитой тетке из МУРа, пресекала всякие заботы о Яковлеве. Для проживания ему выделили отдельную комнату на чердаке, лестница в которую шла со двора, и никто не мог бы помешать ему уходить, когда потребуется, и так же незаметно возвращаться. Никто не стал возражать — у молодежи своя жизнь и свои причуды. Радовало, что они занимаются одним делом, однако и настораживало именно дело, которым они занима-

лись. Не женская это работа — бандюков ловить, но спорить с Галей было невозможно, а пример, точнее, авторитет родной тетки был еще внушителен и непререкаем.

К тому же Галя с ходу объявила родственникам, что приехали они в служебную командировку, а все остальное — это чтоб соседи не задавали лишних вопросов. То, что Галя девушка серьезная, все хорошо знали, поэтому никто больше ничем не интересовался.

Вечером же в день приезда Галя позвонила Вячеславу Ивановичу и получила от него первое задание. Оно было связано с убийством Лилии Петровны Трегубовой. Требовалось собрать об этой женщине как можно больше сведений и в первую очередь поговорить с теми, кто мог бы пролить свет на причину ее гибели.

Грязнов не верил, что Трегубову убили только из-за того, что Саня захотел ее навестить и задать какие-то свои вопросы. Это что же получается, за ними, едва они прибыли в город, плотную слежку установили? Да быть того не может.

Ну, одну «закладку» все-таки ведь обнаружили в номере, который предназначался для Вячеслава Ивановича, правда, старую, как уверял Шилов. Можно, в конце концов, перепроверить еще раз. Грязнов уже договорился со Старковым, что тот подойдет в отель сугубо «своего» человека, который умеет держать язык за зубами, с необходимой аппаратурой. Да только вряд ли Федор Алексеевич стал бы подставяться, что нашли, то и нашли, однако лишняя проверка, видимо, не помешает.

Значит, полагал Грязнов, убийство Лилии Петровны произошло по какой-то другой причине, просто где-то что-то совпало или, наоборот, не сошлось. А Саня уже приготовился делать далеко идущие выводы. Опять же и Лидочка, по его уверению, на провокаторшу никак не похожа. Но ведь кто-то ж мог и ей, видя особое к ней внимание московского прокурора, незаметно в сумочку «закладку» сунуть. Саня ж туда не залезал и не проверял! А стоило бы...

И тем не менее вместе с гибелью вдовы Трегубова оборвалась тонкая ниточка, которая могла указать на причины смерти ее мужа и даже отчасти помочь вычислить исполнителя убийства. А стало быть, и заказчика. Теперь же необходимо было выявить круг лиц, с которыми могла общаться вдова в течение недели, до и после похорон мужа, и с кем обсуждала конкретно причины смерти мужа. Женщине выяснить это проще, чем мужчине-следователю, Галя может прикинуться какой-нибудь дальней родственницей, пытающейся, скажем, вступить в права наследства. Собственных-то детей Трегубовы так себе и не завели, но родственники как с одной стороны, так и с другой наверняка какие-нибудь остались. Вот их Гале и следовало отыскать. Работа, понимал Грязнов, скрупулезная, но куда менее опасная в оперативном отношении той, которая предназначалась для мужской части бригады. Такое вот задание и получила Галина Михайловна Романова, молодой оперативный сотрудник ГУУР МВД РФ.

Второй вопрос, уже связанный с определенной опасностью, поручался Владимиру Яковлеву. Ему предстояло выяснить, где, в каких местах, в каких районах, могут быть спрятаны похищенные люди либо захоронены их трупы. Точно такое же задание получают и сыщики Владилена Старкова, однако Яковлеву придется действовать как бы в особых условиях — вместе с ними, при этом обособленно от них, но опираясь на их опыт и знание местных условий. Володя уже показал себя способным оперативником, и Грязнов считал, что ему можно доверить такое задание.

Ну и Галины знания тоже, несомненно, должны помочь, она же выросла здесь, знакомые люди наверняка найдутся. А слухами, известно, земля полнится.

Таким образом, задания сотрудникам группы были розданы, и руководители получили возможность заниматься какое-то время «отвлекающими маневрами».

Глава третья

ГРУППА ДЕЙСТВУЕТ...

1

Поремский условился с Елагиным, чтобы они постоянно держали друг друга на связи, так как задания их, в общем, пересекались, прямо в гостиничной справочной выяснил в два счета адрес депутата Москаленко и отбыл в центр города, на Большую Садовую улицу.

Оказавшись во дворе нужного дома, он сразу насторожился. За доминошным столом и на лавочках у подъезда сидели, стояли, бродили и негромко беседовали десятка полтора мужчин, главным образом пожилых, и несколько молодых женщин.

Общую картину того, что сейчас происходило в городе, Поремский представлял по рассказам Турецкого, который и сам получил информацию из вторых рук. Но Владимир никак не думал, что старик Москаленко организовал у себя дома что-то вроде штаба, куда стекались все недовольные порядками в городе. В последнем он убедился, когда вежливо спросил у темноглазой блондинки, показавшейся ему наиболее привлекательной здесь, как найти Михаила Матвеевича.

Володя даже фамилии не успел назвать, как не-

знакомка, сверкнув жгучими глазами, показала ему на другую, пожилую женщину, сидящую на лавочке в стороне:

— Вот за ней будете! — и не выдержала, окинула его взглядом, засмеялась чему-то, но, видать, ее любопытство имело самое непосредственное отношение к внешности Поремского. А что, молодой, стройный, высокий, симпатичный блондин с ярко-голубыми глазами, вежливый, не наглый в манерах — чем не жених? — А вы сами по какому вопросу?

— Вон как! — поразился Поремский, но, стараясь не привлекать к себе внимания остальных, негромко добавил: — У вас тут, смотрю, живая очередь? И все — к Михаилу Матвеевичу?

— А как же! Везде должен быть порядок. — Она кокетливо посмотрела на него: — Мы теперь — как это? — петицию составляем президенту в Москву. И каждый приносит то, что у него наболело, вот!

— И у вас, — загадочно улыбнулся Поремский, — тоже, наверное, здорово наболело?

— А как же! — снова вроде бы удивилась женщина. — Эти гады с лета зарплату не выдают! А жить-то на что?

— Трудно, да? — сочувственно спросил Поремский. — Один огород, поди, и кормит.

— А то. — Женщина поскущела. — Само жалование — смех, да и жаловаться — тоже толку никакого. Вон у нас, директора на собрании сняли, а теперь говорят, что раз его нету, то и долги по зарплате некому платить. А когда нового назначат, вот пусть тот тогда и думает. Издеваются, правда? — уже с новой надеждой спросила она у Владимира.

— Конечно, самое настоящее издательство. Может быть, познакомимся?

— Светлана. — Женщина словно расцвела. — А вы откуда, что-то я вас прежде не видела.

— Да ведь город большой! — пошутил Поремский.

— Большой-то он, может, и большой, да толь-

ко, — приблизила она свое лицо к нему, — мужчин симпатичных не так много.

— Зато у вас женщины, я заметил, просто замечательной красоты.

— Это когда ж вы успели заметить?

— Да вот только сейчас.

— Ишь, какой! А-а, так, значит, вы не местный?

— Я недавно приехал, из Москвы, — шепнул ей доверительно.

— Оно и видно, — поскущнула Светлана. — А вам-то зачем Михал Матвеевич? Тоже на что-нибудь жалуетесь?

— Я не с жалобой, а совсем по другому делу.

— Погодите, значит, вы?.. Из Москвы?! Так чего ж вы стоите тут, ласы со мной точите? Идите же к нему без очереди! Граждане! — крикнула она, когда народ недовольно зашумел. — Он совсем не по нашему делу! Ступайте, ступайте, третий этаж, двенадцатая квартира, да там и дверь всегда открыта...

— Мы еще увидимся? — тихим тоном заговорщица спросил Поремский.

Светлана загадочно улыбнулась и сверкнула горячими глазами:

— А это мы посмотрим, москвич.

Владимир подмигнул ей, легко взбежал на третий этаж, вошел в приоткрытую дверь и постучал в филленку:

— Хозяева, к вам можно?

— На кухню пройдите, — недовольно отозвался из комнаты женский голос.

Узким коридорчиком он прошел направо, в кухню, и увидел сидящих за столом двоих мужчин. Один из них — пожилой, с седыми казацкими усами, опущенными ниже подбородка, и в пиджаке с рядами орденских планок, строго посмотрел на него и спросил:

— Вы с химического?

— Нет, я совсем по другому делу.

— Так нет у нас других-то дел, молодой человек.

— Мне вас надо на два слова, Михаил Матвеевич. Вам фамилия Щукин известна?

— Это Иван Гаврилович, что ли? — подумав, спросил старик.

— Он самый. Уделите мне буквально несколько минут а потом вы продолжите, можно?

— Ну, что поделаешь, — прямо-таки закричал старик, поднимаясь. — Ерофеич, ты тут без меня посиди маленько, сейчас вернусь. Дело-то, надо полгать, секретное, да?

— Угадали, — улыбнулся Поремский.

Они вышли в одну из комнат, где никого не было. Старик между тем говорил:

— Вот, решили письмо написать и послать самому президенту. Нет мочи больше терпеть беспредел бандитский. Так вы ко мне с чем?

— Вот, смотрите. — Поремский протянул Москаленко свое удостоверение следователя Генеральной прокуратуры.

— Господи! — Старик даже руками всплеснул. — Дождались наконец! Чего ж вы молчали? Это ж нам всем такая радость! И поддержка!

— Михаил Матвеевич, вчера прибыла большая бригада. Задания между нами распределены, у каждого своя четкая линия расследования. Мне приказано пройти по вашим следам, по всем фигурантам, которых вы посещали и с кем разговаривали еще в первый день. Я просил бы вас назвать мне все имена и адреса.

— Так чего ж вам-то пустую работу делать? Давайте и я с вами побегу. Скорей обернемся.

— Подождите бежать, — улыбнулся Поремский. — Мы с вами должны уточнить один вопрос. Вы ведь просто разговаривали с людьми, не больше?

— Ну да, я хотел знать, что произошло? Спросить, что они сами видели.

— И они охотно с вами беседовали?

— Скажете тоже! Только что к черту не посылали, да, видать, старости моей стеснялись.

— А мне все нужно будет говорить под протокол. Понимаете разницу? И потом ваше присутствие при допросах наверняка напугает их, что они уже либо правду говорили, либо ввали вам. Ну и сведения могут быть... соответствующими. Нет уж, лучше я сам. Да у вас и очередь там, внизу — на весь день и с хвостиком. Но я обещаю, если ваша помощь требуется, немедленно извещу, а уж тогда вы не откажите в любезности.

— Да какой тут может быть отказ! Тогда вы присядьте, погодите чуток, я Ерофеича отпущу, и мы с вами займемся.

Минут десять спустя Поремский держал перед собой исписанный лист с фамилиями, именами и должностями тех лиц, с которыми успел побеседовать в то трагическое утро Михаил Матвеевич Москаленко, а также их домашними и служебными адресами и указаниями, как к ним проехать.

Кроме того, он вручил Поремскому два десятка листов собственных показаний, написанных убористым почерком. Это была, по сути, копия тех материалов, которые Москаленко по указанию подполковника Веселко уже передал вместе с заявлениями от семей остальных пострадавших в Правобережный отдел милиции, но где дело так с места и не сдвинулось. Никто не проверял заявления, не приходил в семьи пропавших людей за показаниями, ни о чем никого не расспрашивал, и, естественно, милиция никому ничего не сообщала. Становилось ясно, что расследование, даже не начавшись, замерло на мертвой точке.

В краевой прокуратуре сообщили, что раз нет факта преступления — не имеется никаких доказательств того, что люди были убиты или похищены, — то до выяснения обстоятельств возбуждать уголовное дело тоже никто не станет. И повторять операцию с

заявлениями показалось и Москаленко, и всем остальным заинтересованным лицам делом бессмысленным. Тут, в городе, все преступники повязаны, надо понимать, одной веревочкой. Надежда оставалась на Москву.

Отпустив старика продолжать важную «общественную работу», Владимир углубился в чтение его материалов. И уже через короткое время имел не просто приблизительное, а довольно полное по-своему представление о происшедших здесь событиях. Москаленко подробно описывал свои беседы со свидетелями, переговоры в милиции и в тот день, когда бесследно пропали люди, и позже, после того, как толпа возмущенных родственников, в буквальном смысле штурмовала дачу зятя губернатора и нашла там доказательства преступления — следы, похожие на кровь, и стреляные гильзы. В милиции эти вещественные доказательства у них забрали, сказав, что отдадут на криминалистическую экспертизу, но на том все и заглохло. Ни экспертизы, ни вещдоков. Словом, картинка для Поремского окончательно прояснилась, и он понял, с чего надо начинать.

Уходя, Владимир попросил старика, чтобы тот о визите к нему следователя никому не рассказывал, а если ему срочно потребуется помощь, то следует обратиться напрямую к руководителям прибывшей из Москвы группы, государственному советнику юстиции Турецкому или генералу Грязнову, которые остановились в гостинице «Кубань». Но там тоже надо вести себя осторожно, потому что все прослушивается.

Очередь у подъезда заинтересованно уставилась на Владимира, но он поощрительно помахал всем ладонью и ушел. Точнее, попытался уйти, уже вышел из двора, когда услышал за спиной быстрые шаги, обернулся и увидел догоняющую его Светлану. И опять подивился тому, как она прекрасно сложена, как легко двигалась, какие у нее ну просто замеча-

тельные, полненькие такие, крепкие загорелые ножки.

Владимир резко остановился и обернулся, и она на бегу едва не уткнулась в него носом. Удержалась, вытянув перед собой руки, но все равно уперлась ладонями ему в грудь. Он придержал на себе ее ладони, и получилось, будто они захотели вдруг оба прилюдно обняться. И рассмеялись от такой неожиданности.

— Ну, что ж вы? — со смешливой укоризной произнесла женщина. — Сами сказали — увидимся, а сами — бежать? Где ж это я вас потом найду? Я даже не знаю, как вас зовут!

— Володя. А остановился я, — он таинственно наклонился к ней, — в одной гостинице на окраине города, но называется она «Центральная».

— Ну, как же, знаю! — рассмеялась она. — А вы к нам надолго?

— Как дела пойдут. Дальше — посмотрю. Это не от меня будет зависеть.

— А от кого?

— Да хоть бы и от вас.

— Ой, ну ни за что не поверю! — Она демонстративно выдернула свои ладони из его рук. Но, видно, решила, что поторопилась, потому что тут же сама взяла его за руки и спросила: — А сегодня вечером вы чего делаете?

— Вечером, скорее всего, попробую отдохнуть.

— А вы ко мне приезжайте, вот и отдохнете.

— Что, прямо так сразу? — изумился Поремский.

— А у нас иначе нельзя, — весело ответила она. — Иначе можно всю жизнь зря прождать!

— Молодцы, это — я понимаю!

— Если захотите прийти, адрес запишите. Или давайте я, если есть на чем.

Владимир охотно протянул ей чистый листок, и она аккуратными круглыми буквами записала свой адрес: Почтовая, дом 10.

— Вы найдете, Володя? У нас собственный дом, небольшой, но уютный.

— Конечно, найду, — охотно пообещал он, отчасти жалея, что невозможно ее навестить в уютной домашней обстановке прямо сейчас.

— Смотрите, — серьезно сказала она и провела ладонью по его груди, — а то я обижусь.

«Вон как у них тут! — подумал Поремский. — Нет, обижать такую красоту было бы крайним грехом. И этого просто не поймут ни Александр Борисович, ни Вячеслав Иванович. Ну а Рюрик? — на миг шевельнулось в душе сомнение. — А что Рюрик? Он, в общем, не по этой части, он серьезный человек, ему быстрые связи противопоказаны...»

Позже, на протяжении дня, у него разок-другой мелькнула все-таки предательская мыслишка: «А не подстроена ли эта, якобы неожиданная встреча специально? Не ведут ли меня уже местные деятели, чтобы таким образом с ходу скомпрометировать и вывести из игры?» Но перед внутренним взглядом тут же возникали сверкающие глаза Светланы, слышались ее осторожно серьезные слова об обиде, и в душе Поремского поднималась горячая волна нетерпеливого ожидания. Это ж надо такое! Вон как задела!

А может, он действительно ей понравился, и она решила таким вот образом, с ходу устроить свою судьбу? Они тут все, похоже, весьма решительные и скорые на расправу. Казаки, рискованные головы, смесь горячей южной крови и бешеного кавказского темперамента с роскошной северной красотой и рассудительностью. Чудовищное, фантастическое сочетание!

Решив действовать по порядку, первым Поремский отыскал бывшего «чеченца» Кваснюка. На счастье Владимира, тот сегодня отдыхал дома. Жена сказала, что он отсыпается после суточного дежурства. Но сам Кваснюк, услышав голоса жены и незнако-

мого мужчины, громко поинтересовался, кого это принесло. Жена ответила, что прокурор из Москвы — так она прочитала в удостоверении должность Поремского.

Хозяин немедленно появился — с заспанным лицом, спутанными волосами, в мятых спортивных штанах и тапках на босу ногу. На груди у него, справа, краснел рубец зажившего ранения.

Из записок Москаленко Владимир уже знал, кем и где служил Кваснюк, и повел себя осторожно и предупредительно. Извинился за беспокойство и сказал, что хотел бы лишь кое-что уточнить об известном деле, не больше. Но сделать это надо в официальном порядке, то есть под протокол. В противном случае придется вызывать в прокуратуру, зря морочить человеку голову, заставлять его терять личное время, отрывать от семьи, от отдыха... Словом, уговорил.

Поремский вписывал свои вопросы в протокол, заполнял строчки ответами, то есть «узаконил» показания бывшего сержанта-контрактника, и скоро оставил того досыпать, к своему, а также Кваснюка удовольствию.

Выйдя на улицу, Владимир достал телефонную трубку и вызвал Елагина. Тот, по идее, должен был в это время исследовать губернаторскую дачу.

— У тебя все в порядке? — спросил Рюрика.

— Потом расскажу, — серьезно ответил тот. — Нравом в этом городе, конечно, не позавидуешь.

— Ну, это как кому повезет, — усмехнулся Владимир. — Но я не об этом. Тут у меня показания, я прочитал уже кое-что. Так вот, Рюрик, оставь себе на заметочку. Один деятель сообщает, что какой-то охранник из тех, что у тебя там имеются, утверждал, будто они не стреляли, а взрывали, точнее, проверяли образцы китайской пиротехники, которая вся оказалась бракованной. А мой свидетель, он на обеих чеченских воевал, знает дело, категорически показал, что стреляли из автоматов «Калашникова» и пистоле-

тов, и своей ошибки он не допускает. Я думаю, было бы неплохо, если бы твои охранники там, на даче, показали то место, где они проводили испытание пиротехники. Козырь был бы неплохой.

— Спасибо, толковая мысль. Обязательно использую. А ты, чувствую, явно чем-то доволен? Сознавайся, небось красивую бабу успел закадрить?

— Не просто красивую, Рюрик, богиню! — почему-то зашептал Поремский.

— Будь осторожней, тут каждая вторая — Мата Хари.

— И тебе спасибо за предупреждение.

«Закадрил! — хмыкнул Владимир. — Это еще посмотреть, кто кого закадрил!» И он отправился дальше по адресам, но мысль, которую заронил ему Рюрик, подспудно осталась.

Сотрудников Правобережного отдела милиции Шкодина, Замошкина и Круглова он застал на службе. Странно, но те разговаривать по-хорошему не захотели. Да, впрочем, чего от них требовать, они же на службе! И Поремский поднялся прямо к начальнику милиции подполковнику Веселко.

Тот был сильно «задумчив». Смотрел на вошедшего и его удостоверение как-то рассеянно, слушал вполуха. Видимо, уже успел получить какое-то указание от своего верхнего начальства и теперь явно был в сомнениях — соответствовать или отказать?

Скорее „всего, первое взяло верх над вторым, и Степан Лаврентьевич весь превратился во внимание. А всего и делов-то — дать указание выделить на короткое время пустое помещение для допроса свидетелей, проходящих по уголовному делу, возбужденному Генеральной прокуратурой. Так-то оно — да, но ведь и Шилов прямо сказал: «Действуй, как сочтешь нужным. Если придут к тебе, а они придут обязательно, просчитай свои возможности. Они могут обойтись и без церемоний, хотя выглядят вроде как свои в доску. А ты тоже приготовься, с тобой сам Турецкий

будет работать по Трегубову». Получается, как в том анекдоте: «Подмойся, Анфиса, сейчас тебя корреспондент станет интервьюировать!» Надо принимать решение...

А с другой стороны — чем лично он рискует? Ну, в конце концов сознаются мальчишки, что по глупости своей или по недосмотру ввели руководство в заблуждение! Так что ж их, казнят, что ли? Ну, влепят по выговорешнику, поставят на вид, понизят в должности, наконец. Но это ж не смертельно!

И решил. Поднял трубку и приказал дежурному выделить кабинет на втором этаже и обеспечить московскому следователю по особо важным делам Поремскому для проведения допроса следующих сотрудников отдела...

Сначала Владимир вызвал к себе сержанта-водителя Круглова.

Просмотрев его показания, уже записанные стариком Москаленко, Поремский стал задавать свои вопросы и записывать ответы. Но разницы фактически никакой не было. Сидел в машине, наружу не выходил, ничего не осматривал, а подписал протокол осмотра, который подсунул ему лейтенант Замошкин, даже и не читая. Не в первый же раз. И потом, у них на выездах подобного рода четко распределены обязанности — каждый занимается только своим делом. Поэтому каким образом осматривал территорию лейтенант, старший наряда, он не знает. Если начальник, сказал, что он все осмотрел, значит, Круглов, как подчиненный, расписался в протоколе.

Следователь стал скрупулезно уточнять, во сколько они выехали, когда вернулись и сколько времени провели на осмотре места происшествия. Тут придумать водителю, разумеется, ничего не мог.

Следующим пришел на допрос старлей Шкодин, бывший в ту ночь дежурным по отделению. С ним было еще проще. Принял информацию по телефону во столько-то, зафиксировал в книге дежурств, вы-

срал для проверки дежурный наряд во столько-то, принял рапорт тоже во столько-то, после чего вложил в папку для начальства и — умыл руки. Все остальное его никаким боком не касалось. Только на другой день узнал о том, что на усадьбе могло произойти кровавое столкновение. Сопряженное, как донесли слухи, с убийствами. Но эти дела его не напрягали, поэтому никакой вины за собой он не видел. И правильно, ее и не было, а за формальное отношение к несению своей службы еще никого здесь не наказывали. И, видимо, не будут и впредь.

Наконец Поремский вызвал Замошкина.

Лейтенант изо всех сил пытался выглядеть спокойным и даже равнодушным к происходящему, но в глазах его Поремский видел мелькающую тревогу. Что-то Замошкина сильно беспокоило. И наверняка не зря беспокоило, потому что, садясь после приглашения следователя на стул, лейтенант как-то судорожно сглотнул воздух.

Поремский начал издалека. Стал записывать, во сколько лейтенант получил указание на выезд с проверкой, что потом сделал, взял ли оружие, какое, сколько было патронов в магазине и так далее. То есть своими ничего якобы не значащими вопросами он затягивал время и запутывал готового к острым и откровенным вопросам лейтенанта. А тот, раздражаясь от ненужных, по его мнению, мелочей, начинал терять терпение.

— Так, хорошо, — спокойно говорил между тем Поремский, пытливо разглядывая лицо Замошкина, словно художник, пристально изучающий свою модель, — итак, вы прибыли на место. Записываю вопрос: что вы заметили сразу по прибытии? Прошу перечислить подробно — как людей, так и предметы, открывшиеся вашему вниманию.

Как они, видно, осточертели ему, эти подробности!

— Увидел закрытый шлагбаум. Дежурного охранника, как его?

— Не торопитесь, разве он сразу вам представился?

— Нет.

— А когда же? Когда вы протокол составляли? Или когда территорию осматривали?

— Когда территорию...

— Не торопитесь, тут особо важна точность!

— Нет, когда уже протокол составляли. Вот тут он и назвался.

— И сотрудников своих тоже назвал?

- Да.

— Когда вы протокол с ним составляли, тогда и назвал пофамильно, я правильно вас понял?

Запутался лейтенант. Это было по нему заметно. Но решил сказать правду. Она, по его мнению, сейчас была меньше всего опасна.

— Когда составляли протокол, капитан назвался сам, а также назвал фамилии и инициалы своих сотрудников.

— У него были знаки различия на погонах униформы?

— Нет, не было.

— Так откуда вы узнали, что он капитан?

— Он сам сказал.

— А вот теперь повторите, пожалуйста, как он это сказал?

— Он отказался поднимать шлагбаум для проезда машины на территорию.

— Значит, он отказался подчиниться и попросту не пустил вас туда?

— Да... Сначала, — быстро поправился лейтенант.

— А когда пустил?

— Когда от своего хозяина пришел и позвал в будку.

— Он так и назвал губернатора — хозяином? —

Поремский тут же увел своим вопросом лейтенанта в сторону.

— Нет, хозяин на вилле — Киреев, зять губернатора.

— А почему в своих показаниях вы эту дачу называете губернаторской, если это не так?

— Ее все так у нас называют. Там дочь губернатора, в смысле супруга Киреева проживает, поэтому...

— Понятно. Итак, вы зашли в будку для охранников и?

— Холодно было, замерз. Он чаю предложил чашку. Я выпил. Потом...

— Не торопитесь, значит, явившись с холода, вы сразу выпили чаю, я правильно понял?

— Ну, правильно.

— Протокол вы писали тоже в будке?

- Да .

— Сколько ушло на это времени?

— Я не смотрел по часам... Наверное, с полчаса, не меньше.

— Понятно, я записал... Рука, наверное, замерзла, да?

— Было дело, — закивал лейтенант, не чувствуя подвоха.

— Вероятно, вы правы — насчет времени. В показаниях вашего водителя также приводится примерно такая же цифра. Вы отсутствовали около получаса. Это помимо ожидания у шлагбаума, верно?

— Думаю, так.

— Я очень рад, что вы так думаете. И это лишний раз убеждает меня, что обыск в доме и на территории ночной усадьбы в полной темноте, когда были выключены все фонари и светила только луна, да плюс заполнение замерзшей рукой протокола в полчаса никак не укладываются. Тут вы что-то путаете, лейтенант. Давайте еще раз. Во сколько вы подъехали к шлагбауму?..

Замошкин, было видно по нему, озверел от этой

методичной, а главное, какой-то бессмысленной игры в вопросы и ответы. И, пытаясь не сбиться, ответить правильно, вдруг осознал, что уже совершенно запутался и не может вспомнить даже, сколько времени он пил чай. Получалось так, что в результате этого чаепития и составления протокола он просто физически не смог бы не то что тщательный обыск учинить, как о том хвастался в своем протоколе, но просто дойти своими ногами от ворот до виллы, расположенной в глубине обширного участка.

Убедив в этом совершенно замороченного лейтенанта, который был, вероятно, готов ко всему, но только не к арифметическим действиям в уме, Поремский предложил тому сознаться по-хорошему, что никакого обыска он нигде не проводил, а накатал протокол под диктовку старшего охранника. И даже проверять его сообщение о том, что его подчиненные где-то там, за участками, на свалке, при полной луне только что испытывали негодную к употреблению пиротехнику, не захотел. Ограничился пустым, в сущности, сотрясением воздуха — липовым протоколом и на том успокоился.

— Что, не так? — жестко спросил Поремский и тут же добавил, чтобы добить морально: — Он тебе что, лейтенант, взятку дал?

Спросил-то не всерьез, но вдруг увидел", как Замошкин вздрогнул и посмотрел на него глазами затравленного зверька — несчастными и злобными одновременно.

— Сколько, лейтенант? — брезгливо спросил Поремский, но тот молчал, и тогда Владимир снисходительно закончил: — Ну, как считаешь нужным для себя. Я твоего Орехова сейчас поеду тоже колоть, и думаю, что для него это не бог весть какая сумма. Сам скажет.

— Сто долларов, — опустив голову, сказал лейтенант. — По полсотни на двоих. Он сказал — от хозяина, чтоб голову им не морочили.

— Ну вот, видишь, сумма копеечная, а ты себе карьеру рушишь... И на хрена тебе?

— А если я?... Я не все рассказал, и в протоколе тоже...

— Про взятку, что ли? Если расскажешь правду, то свой вопрос про взятку я могу из протокола изъять.

— По-правде говоря, Орехов сказал, что у них гости были. Сам Шестерев, генерал Шилов, другие. Мол, выпили и захотели пострелять. У нас это называется «Бога пугать». Ну, палили в небо, пока патроны были, а потом протрезвели немного, поняли, что перебрали, ну и говорят — не надо лишнего шума. Пусть думают на пиротехнику. Разницы-то никакой.

— Ты сам этих гостей видел?

— Да откуда же? Орехов сказал, что они уже разъехались, развезли их по домам.

— И машин не видел?

— Нет.

— Ну ладно, это уже другой разговор. А теперь прочитай, лейтенант, и распишись на каждой странице, что с твоих слов записано правильно и претензий ты не имеешь.

— А вы про...

— Про взятку, что ль? А я, как обещал тебе, ничего про нее и не написал. Сам гляди. — И Поремский подвинул исписанные листы навстречу Замошкину.

Тот обалдело посмотрел на него, на протокол и начал читать...

2

Галя Романова знала про странный для некоторых обычай явно деревенского происхождения — пытаться каждый важный жизненный шаг запечатлеть для потомков. В старых домах в черных рамках на стенах нередко еще можно встретить пожелтевшие и потемневшие наборы таких фотографий. Тут тебе и младенец, лежащий голышом на пеленке, и строгая девочка

с косичками — первоклассница, и студент или студентка, и жених с невестой в фате, и многое другое, вплоть до последнего снимка — на кладбище, у раскрытой могилы.

Вице-губернатора Трегубова она помнила с тех времен, когда училась в этом городе в школе, только он тогда еще их районным отделом милиции командовал. Майором был, не то подполковником. Простой человек, кажется, из станичников.

Но если это так, то отчего же и его жене, не привезенной, по слухам, откуда-то, а местной, своей, значит, теперь, к сожалению, тоже покойной, не соблюсти старый обычай? Наверняка ведь по традиции был на кладбище, где хоронили Анатолия Юрьевича, фотограф. А значит, и провожающих запечатлел в тот печальный момент. Узнать бы, кто снимал, да найти его. Отыскать и просеять сквозь сито сомнений лица всех тех, кто пришел проститься с Трегубовым. Галя была уверена, что убийца Лилии Петровны либо заказчик определенно мог находиться среди них.

А чтобы выяснить и первое, и второе, надо опросить соседей. Вот этим делом она с утра и занялась. Но для этого ей пришлось обойти чуть ли не весь дом с двумя сотнями квартир. И всюду она представлялась родственницей Лилии Петровны, тело которой находилось в морге городской больницы.

И задача ее была, в общем, простая: узнать, кто фотографировал похороны Трегубова, чтобы теперь пригласить его на похороны Лилии Петровны.

Тема разговора была настолько проста и прозрачна, что никому из соседей Трегубовых и в голову не приходило, что можно позвать любого фотографа, вплоть до тех, что ошиваются на набережной, у пристани, где стоят прогулочные теплоходики и всегда полно туристов. Старательно вспоминали, видели ли на самом деле, кто фотографировал, поскольку народу собралось очень много — к вице-губернатору, в отличие от Шестерева, в городе относились хорошо,

он был здесь своим и поднимался, рос в должностях на глазах у всех. А потом известно же, что губернатор свой второй срок пробил не самым честным образом. Говорили о каких-то подтасовках с бюллетенями, о давлении на избирателей со стороны зятя и его команды, которая держала в городе крупный бизнес. Но разговоры разговорами, а убийство Трегубова молва соотносила с беспределом киреевской братвы, которая перед этим расправилась с акционерами химкомбината. Нет прямых и веских доказательств? Но ведь народ-то зря говорить не станет!

Вот об этом и беседовала Галя с соседями ее «родственников». Убийцу Лилии Петровны, к сожалению, никто из них не видел. Тому были свои причины — и кому охота выходить на улицу вечером в дождливую погоду? Разве что собачникам, выводящим своих питомцев. Ну а пострадавших, особенно невиновных, при этом люди всегда жалеют.

Один из стариков, выгуливавший лохматого барбоса, припомнил вдруг, что вчера, когда он выводил своего Жулика во двор, то видел в пустынном дворе женщину в светлом плаще, которая торопилась, выйдя из-под арки и повернув к подъезду. А следом подъехала темная машина. Из нее вышел высокий мужчина, и женщина обернулась к нему. Потом что-то крикнула. Но машина сразу уехала, и мужика того уже не было, а женщина лежала на земле.

Пока старик соображал, кто-то показался из подъезда. Затем он услышал крики, и понаехала милиция. Но подходить туда старик не стал, чтобы Жулика своего не нервировать, он стал бы лаять, метаться, мешал бы всем. Вот такая вышла история...

Немного, но хоть что-то. Других подробностей старик не помнил.

Наконец опрашиваемые Галей соседи вспомнили и про фотографа: действительно, вспышки его аппарата запомнились. А вот откуда он? Наверное, из газеты.

Галя чуть не стукнула себя по лбу: ну конечно! Как же она сама-то не додумалась!

И она тут же помчалась в редакцию газеты «Вести Кубани», которая постоянно отслеживала все главные городские новости.

Перед вахтером можно было не скрывать своего лица, и Галя предъявила служебное удостоверение. Тот лишь мельком взглянул и пропустил. В приемной главного редактора было полно народу, а на столике лежала недельная подшивка «Вестей». Галя полистала ее и наткнулась на нужные ей материалы. Это был репортаж с похорон Трегубова, иллюстрированный несколькими панорамными клише, на которых разглядеть какое-либо конкретное лицо было невероятно трудно. Но было главное, подпись под снимками — «Фото О. Хлебникова».

— Скажите, где мне найти господина О. Хлебникова, который фотографом у вас работает? — тоном наивной станичной дивчины спросила Галя у секретарши главного редактора.

Та воззрилась на нее, оценила «знойную» внешность и с откровенной иронией ответила:

— У нас, девушка, работают не фотографы, а фотокорреспонденты. А Олег Александрович Хлебников находится в своей лаборатории на втором этаже, кабинет тридцать один. Если не умчался на задание. — И насмешливо посмотрела Гале вслед.

«Ничего, — подумала Галя, — с меня не убудет, зато она меня не запомнила. Вот как я перед ней задом крутила — это запомнила, а все остальное — нет».

Девушке повезло. Пройдя до конца коридора второго этажа, она носом к носу столкнулась с относительно молодым человеком — кудрявым, длинноносым, обвешанным фотокамерами, который как раз вышел из 31-го кабинета и запирал за собой дверь. И Галя быстро сменила имидж. Теперь перед фотоко-

ром стояла строгая женщина, прямому взгляду которой невольно хотелось повиноваться.

— Здравствуйте, Олег Александрович, — сухо сказала она. — Мне с вами необходимо поговорить, прошу немного задержаться.

— А в чем дело? — слегка растерялся Хлебников. — У меня срочное редакционное задание. Мы не могли бы поговорить по дороге? У меня — машина.

— Это хорошо, что машина, — сухо парировала Галя, — она нам может понадобиться. Но разговор предстоит серьезный и с глазу на глаз. Более того, я с вас вынуждена буду взять подписку о неразглашении.

— Тю-уу! — даже присвистнул фотокор. — А с чего это вдруг? Вы кто? Из милиции, что ли? — Он улыбнулся. Все-таки внешность Гали не очень соответствовала этой строгой профессии.

— Вы угадали, свое удостоверение я вам покажу. Давайте вернемся в ваш кабинет ненадолго. Я вас не задержу.

— Во! Уже и о задержании речь! — воскликнул Хлебников, но кабинет свой открыл и пропустил Галю впереди себя.

— Дверь закройте, — предупредила она.

Он многозначительно окинул ее взглядом, но дверь запер, причем с откровенной ухмылкой.

— Вы все правильно поняли, Олег Александрович, — чуть улыбнулась и Галя. — Вот так и будете говорить, если кто-то станет приставать к вам с расспросами. Мол, девка со сдвигом, на почве любви с первого взгляда, понятно?

— Ничего не понимаю, — откровенно ответил он.

— Ладно, объясню по ходу дела. Вот мое удостоверение.

Хлебников внимательно прочитал, перевел напряженный взгляд на Галю, снова на удостоверение и стал серьезен.

— Извините, Галина Михайловна, я вас слушаю.

Я, правда, подумал, что это какая-нибудь легкая интрижка. И решил, что где-то прокололся и сейчас мне будут выставлять заранее неприемлемые условия.

— Значит, будем считать, на этот раз легко отделались.

— Жаль, — искренно сказал он.

— Чего, интересно?

— Вряд ли я бы отказался от ваших условий.

— Приятно слышать, но — к делу. Я смотрела в подшивке вашей газеты фото похорон Трегубова. Это вы снимали?

— Я, естественно. Вам понравились мои снимки?

— Много снимали? Пленка осталась?

— Ну, как вам сказать? Обычно снимаешь с запасом. Кажется, парочку пленок я все же отщелкал. Они сохранились. Я понимаю, речь именно о них?

— Молодец, все правильно. Олег Александрович, мне необходимо изъять их у вас. Но, если пожелаете, с возвратом. Просто нам понадобятся все, я подчеркиваю, все фотографии. А пленками вы потом можете располагать по своему усмотрению.

— Понимаете, Галина Михайловна, какая штука? Я, честно говоря, рассчитывал, что фотки могут понадобиться именно тем, извините, главным действующим лицам, которые на них изображены — то есть семье покойного. Есть такой обычай...

— Я знакома с местными традициями...

— Ну вот, я полагал, что удастся их...

— Да говорите прямо: продать вдове или ее родственникам, так?

— Вы сказали правильно. Но только теперь, сегодня, я думаю, что надобность в них отпала. Вдовуто, если слышали, вчера тоже того... — Он многозначительно и печально покачал головой. — А пленки я вам отдам, на кой они теперь мне? Если пожелаете, и фотографии в придачу — они тоже, как я понимаю, ценности ни для кого больше, кроме вас, не имеют.

— Вот за это спасибо. С удовольствием восполь-

зуюсь вашей любезностью. Более того, если бы вы не возражали, я бы попросила вас еще об одном одолжении.

— Говорите, мне будет приятно сделать для вас еще что-нибудь.

— Вы просто сама любезность, Олег Александрович! — Галя заметила, что этот провинциальный сатир слегка покраснел. — Значит, вы мне не откажете? Тогда вот что. Днями состоятся, как это ни печально, похороны Лилии Петровны. Я не знаю, понадобятся ли кому-нибудь памятные фотографии этого события, но я хочу попросить вас поприсутствовать и снова проделать ту же работу. Во-первых, вы ни у кого подозрений не вызовете, а во-вторых, очень поможете нам. Именно панорамными снимками, вмещающими как можно больше живых лиц. Дайте мне ваш телефон, и я сообщу вам о времени похорон.

Он тут же протянул Гале визитную карточку.

— И последнее. Вы умеете держать язык за зубами?

Хлебников от удивления только развел руками.

— Мне хотелось бы вам поверить на слово и не брать подписку о неразглашении нашего разговора.

— Можете быть за меня абсолютно спокойны, Галина Михайловна. А вы к нам надолго?

— Как пойдет следствие.

— А я мог бы вас еще раз увидеть?

— Так мы обязательно увидимся, когда вы передадите мне-новую пленку.

— Я не об этом. Вот, скажем, я могу ли пригласить вас куда-нибудь? Давайте где-нибудь погуляем. Я бы попробовал сделать ваш фотопортрет, мне очень нравятся женщины именно вашего типа — настоящие такие казачки. Я не слишком нагло себя веду?

— Ну, отчего же? Если выпадет свободная минутка, в чем я сильно сомневаюсь... Но не будем терять надежды, да? А о моей просьбе вы, пожалуйста, не забудьте.

— Всегда к вашим услугам, — горячо ответил Хлебников и, передавая большой желтый пакет с фотографиями и пленками, с почтением пожал Галину ладошку. Кажется, он уже забыл, что торопился на очередное редакционное задание.

Галя позвонила Грязнову и доложила о своих находках. Вячеслав Иванович, чтобы не терять времени, предложил ей со всеми материалами отправиться к Старкову, в угрозыск. Обещал и сам туда же подъехать.

Они и встретились у подъезда серого двухэтажного здания, в торце которого был вход в краевой отдел уголовного розыска. Полковник милиции Старков был на месте и ждал их. Походя сказал, что его «орлы» вместе с Елагиным сейчас всю шерстят виллу в «Белом лебеде» и, по первым данным, уже имеют кое-какие вешдоки, которые, разумеется, нуждаются в проверке.

Затем Владилен Егорович с интересом посмотрел на Галя, перевел взгляд на Грязнова и хмыкнул:

— Гарные у тебя дивчины, Вячеслав Иванович, прямо позавидуешь.

— Работать надо, Владик, — многозначительно ответил Грязнов и подмигнул ему. — Родная племянка нашей Александры Ивановны, генеральши. Помнишь Шурочку?

— Да неужто! Славная была женщина... Вон, значит, как...

— Ну, показывай, Галина, что ты сегодня успела накопать? — уже строго сказал Грязнов.

Потом они со Старковым долго и внимательно рассматривали фотографии похорон, одни снимки отодвигали в сторону, другие переворачивали лицом вниз и бесцеремонно складывали в стопку. Наконец вернулись к десятку отобранных — гроба с покойным

на них не было, зато четко просматривались лица провожающих — скорбные, хмурые и озабоченные.

— Ну, давай, Владик, берем карандаш. Называй, кто здесь ху, как говорят американцы?

И они, разглядывая фотографии, стали записывать известные в городе фамилии. Некоторых Вячеслав Иванович уже знал, но большинство видел впервые. Вот они-то его и интересовали больше всего.

Старков перечислял фамилии и должности, и получалось так, что каждый из названных имел все основания присутствовать на последних проводах вице-губернатора. Но попадались лица, незнакомые даже Старкову. Особенно одно обращало на себя внимание.

Это было спокойное, даже, можно сказать, нейтральное лицо довольно рослого мужчины, на вид лет тридцати. Круглая стриженная голова, возвышавшаяся над остальными. На передний план он не лез. А в объектив фотоаппарата попал наверняка случайно — на других, подобных фотографиях его видно не было. Наверное, обрелся где-нибудь в сторонке и подошел на минутку. К кому подошел? Это вопрос был тем более интересен, так как перед незнакомцем стояли трое — губернатор, его зять с опущенной, как бы в глубоком горе, головой и третий, оказавшийся дядей Юрия Петровича Киреева — бывшим краевым постпредом при президенте, а ныне «Чубайсом местного разлива» — Семеном Васильевичем Киреевым. Вот она — вся троица в сборе! Трое людей, от которых зависит жизнь местного населения. Так кто из них нужен был этому рослому парню?

Старков снял трубку и кого-то позвал к себе:

— Зайди.

Через минуту вошел пожилой майор милиции с кавказскими чертами лица, поздоровался сразу со всеми. Старков протянул ему фотографию, на которой красным фломастером была обведена голова незнакомо-го парня.

— Посмотри, не могу вспомнить, кто это? — недовольно пробурчал Старков.

— Так это ж Сибиряк, Русиев, — даже не удивился майор. — Последняя судимость, если не ошибаюсь, по статье сто шестьдесят третьей, часть вторая. В прошлом году вышел, — усмехнулся он, — с чистой совестью. Подробности, можно посмотреть в судебном деле, отсидел без малого пятерик. А что, опять отличился?

— Нет, ничего, спасибо, свободен пока, Левон Аракелович. — И когда майор вышел, Старков продолжил: — Значит, Игнат Русиев, собственной персоной, вымогатель по кличке Сибиряк. А что ему здесь надо, хотел бы я знать. Так, это мы проверим. — Старков снова поднял трубку и сказал: — Левон Аракелович, извини, я поторопился. Дай нашим задание срочно проверить, где сейчас Сибиряк и чем он занимается.

— Ну, поехали дальше, — вернул Старкова к фотографиям Грязнов. — А чего ты про этих вот откровенных братанов ничего не говоришь? — Он показал карандашом на группу из трех лиц в милицейском камуфляже, стоящих чуть в стороне за спинами начальства.

— Это, надо понимать, вневедомственная охрана. Им, как ОМОНу, тоже такой же камуфляж выдали. Уточнить можно, конечно...

— Уточни.

Они еще долго скользили карандашами по фотографиям, а Галю от тепла в кабинете и монотонных голосов стало клонить в сон, и она с трудом сдерживалась, чтобы широко не зевнуть.

— А сотрудница-то у тебя молодец, Вячеслав Иванович, — сказал вдруг Старков и поощрительно посмотрел на Галю, которая была готова уже пальцами поднимать свои веки. — Смотри, сколько материала добыла!

— Молодец, молодец, — хмуро подтвердил Гряз-

нов, отодвигая снимки, которые ему порядком поднадоели. — А еще, ты говорила, там свидетель обнаружился?

— Слабый свидетель, — ответила Галя и рассказала про старика с барбосом Жуликом. — Он ничего толком не видел. А может, он просто испугался. Но его нельзя винить в этом. Машина, по его словам, человека закрывала, а когда она уехала, женщина уже лежала на земле. То есть предположительно своего убийцу Лилия Петровна хорошо знала. Он якобы ее окликнул, она остановилась. И вот — финал. И машина оказалась в нужное время в нужном месте, чтобы убийца мог легко исчезнуть с места преступления.

— Что эксперты говорят, Владик? — спросил Грязнов.

— Удар нанесен сверху тупым твердым предметом, возможно, чем-то железным — молотком или концом железной трубы. Удар большой силы.

— Тот убийца был высокого роста, — вставила Галя.

— Ну да, здесь он действовал наверняка. Обошелся без огнестрельного оружия, значит, умеет это делать. Ранение, несовместимое с жизнью, — вздохнул Старков, подводя итог.

— Погоди, Владик, ты говорил, нашли свидетельницу убийства Трегубова?

— Да, мы объявление дали в газете, попросили помочь следствию. Инкогнито гарантировали. Вот одна дама и откликнулась. Что характерно, Вячеслав Иванович, — словно загорелся Старков, — та женщина показала, что слышала, как Трегубова позвали из машины. Водитель, она запомнила, был круглолицый и коротко стриженный, он и позвал, опустив стекло машины: «Анатолий Юрьевич!», а Трегубов подошел к нему и даже нагнулся к окну. И потом его будто отбросило в сторону, а машина резко, с визгом,

взяла с места, а тетка испугалась и убежала. Так что тут теперь есть о чем подумать, как ты считаешь?

— Я думаю, надо срочно размножить физиономию Сибиряка, и пусть Галя снова пройдет по жильцам, покажет ее, может, случайно кто-то вспомнит.

— Это мы сделаем, — сказал Старков и с сомнением посмотрел на Гуно. — Но, может, не стоит девушке снова там обозначаться, рисковать?

Галя немедленно вспыхнула от возмущения, но Грязнов не глядя, движением руки ее успокоил:

— Не колготись, он дело говорит.

— Но я!..

— Помолчи, когда старшие по званию беседуют! Тебя этому не учили?

— Слушаюсь, — буркнула Галя.

— То-то, — улыбнулся Грязнов.

В дверь постучал и сразу зашел майор:

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Давай, Левон Аракелович, что у тебя?

— Я созвонился с капитаном Трощенко, который участвовал в следствии по делу Русиева, он сейчас как раз на усадьбе, где они проводят обыск с товарищем из Москвы. Так мне Трощенко сказал, что Сибиряк, по его данным, почти год обретается в телохранителях у Киреева-младшего. Точнее, охраняет он его жену, дочь то есть Георгия Владимировича, но появляется с нею редко, а главным образом с хозяином. Я попросил Трощенко узнать, где он сейчас, тот ответил, что Русиев на усадьбе отсутствует. Прислуга сказала, что он вроде бы еще вчера уехал Куда-то. То ли отпуск взял, то ли хозяин его с поручением послал. У Киреева Трощенко, естественно, спрашивать не стал, не стал заострять его внимание, с хозяином усадьбы еще московскому следователю предстоит беседовать.

— Вот так, Вячеслав Иванович! — многозначительно заметил Старков. — Кажется, уже тепло. Не горячо, нет, это еще далеко, но теплеет. Слушай, Левон, надо срочно размножить фотографии Русиева,

можете из его уголовного дела взять, но наверняка есть и более свежие. Паспорт же он получал? Найдите, срочно размножьте! Парочку мне на стол, а с остальными пошли хлопцев на вокзал, на автовокзал, в порт, в аэропорт, пусть службы посмотрят, не было ли его там. И проверить по билетам, куда он мог вчера или сегодня выехать или вылететь самолетом.

— Слушаюсь, разрешите идти?

— Давай, и поскорей. Мы здесь ждем его фотографии... Понимаете, Галя, — Старков повернулся к ней, когда майор вышел за дверь, — любой мой сыщик сделает эту простую работу быстрее и успешнее вас. К тому же я просто уверен, будет очень подозрительно, если вы после своего сегодняшнего вояжа по квартирам снова появитесь, но теперь уже с фотографией возможного преступника. Оставайтесь-ка пока дальней родственницей, так к вам больше будет доверия со стороны жильцов. Я прав, Вячеслав Иванович?

— Абсолютно, Владик. Я полностью с тобой согласен. А тебе, Галя, предстоит новое ответственное задание. Мы с тобой сегодня проведем в квартире Трегубовых обыск, причем там, при понятых, ты будешь играть роль именно родственницы. Ну а я вот с его ребятами, — Грязнов кивнул на Старкова, — занудой сыщиком, который в каждую дыру сует свой нос. И пусть они тебя жалеют, а меня ненавидят. Может, что-нибудь еще и под это дело неожиданно всплывет.

Он позвонил в дежурную часть и выяснил фамилию следователя, который выезжал вчера с оперативно-следственной бригадой на убийство. А затем перезвонил уже районному прокурору, у которого работал этот следователь, представился и предложил тому все материалы по вчерашнему происшествию — протоколы осмотра, допросов свидетелей, заключения судмедэксперта и криминалиста — немедленно доста-

вить в уголовный розыск, в кабинет Старкова, где он, Грязнов, временно организовал свой штаб.

Но прокурор, видно, был с норовом. Или чего-то не понял. Он спросил: на каком основании? И добавил, что, вообще, указания подобного рода ему может давать только его прямое начальство.

— Хорошо, — согласился Вячеслав Иванович, — сейчас вам перезвонят от Щукина. Устроит?

— Да, но я же и не возражаю! — быстро пошел на попятную районный прокурор. — Мне просто непонятно, с какой целью это делается. Разве есть необходимость придавать столь громкое звучание обычному ограблению? Пусть даже и со смертельным исходом.

— Это вам, надо полагать, так доложили?

— Я... совершенно не понимаю вас, господин генерал.

— Жаль, что вы не увидели причинно-следственных связей...

Грязнову показалось, что прокурор пренебрежительно фыркнул в ответ. Может, конечно, он просто кашлянул, но Вячеслав Иванович стал багроветь. Старков, слышавший этот диалог и знавший, с кем идет разговор, нетерпеливым жестом показал, чтобы Грязнов поскорей передал ему трубку.

— Слушай, Мыриков, это Старков говорит. Мой тебе дружеский совет: прикажи немедленно доставить сюда все материалы во избежание крупных неприятностей для своей... этой, на чем сидишь. — И добавил тише, будто доверительно: — Группа, которую они — ты понял? — возглавляют, прибыла по указанию самого президента. И Щукин ваш приседает перед ними, ты усек? Вот и бегом поворачивайся.

Владилен Егорович с ухмылкой вернул трубку на место и добавил уже Грязнову:

— У нас тут, Вячеслав Иванович, своя иерархия. Своя система ценностей. Провинция, с претензией на полный государственный суверенитет.

— Ну, вы даете! — совсем уже по-генеральски, по-киношному покрутил головой Грязнов.

Юрий Петрович Киреев, прочитав постановление на проведение в его усадьбе обыска, подписанное прокурором Федерального округа Щукиным, побелел от бешенства. Группа из четырех сотрудников местного уголовного розыска ни почтения, ни страха не вызывала. Кто они такие? Сопляки, взявшиеся за исполнение дела, которое им противопоказано по понятиям, и нечего скрывать своего к ним отношения. Но один из них неожиданно представился следователем-важняком из Москвы, из Генеральной прокуратуры. И вид у этого нацмена, так решил Киреев, не вызывал сомнений в его настырности и ослином упрямстве. Хуже нет людей, с которыми нельзя договориться. А этот Елагин, странно, что фамилия у него русская, был явно из таких — тупых и несговорчивых.

Первым делом этот следователь потребовал предъявить ему оружие и наркотики, если таковые имеются в доме. Киреев с издевкой смеялся, что, мол, наркотики надо искать у наркоманов. А оружие? Шевельнулось на миг беспокойство. Да, есть у него пистолет на случай необходимой самообороны, и на него выдано разрешение. Он всегда заперт в сейфе.

Пожалел Юрий Петрович, что сразу не избавился от оружия, но опять же всем известно, что оно у него имеется. Зря, конечно, он тогда не сдержался, но теперь поздно. Да и тело они вряд ли найдут. То есть определенно не найдут — далеко вывезли.

Елагин натянул нитяные перчатки и отщелкнул обойму. Потом проверил ствол.

— Сколько в обойме патронов? — спросил у Киреева.

— Не помню... десять или одиннадцать.

— Где остальные?

— Да пристреливал как-то, давно уже, не помню. А лишних в доме не держу.

— Оружие пройдет баллистическую экспертизу, и

если не будет вопросов, вам его вернут, — брюзгливым голосом сказал следователь.

Черт с ними, подумал Юрий Петрович, в конце концов, обыск, в общем-то, ничем ему не грозит. Дома никакого компромата он не держит. Следов недельной давности тоже не осталось. После того как толпа жителей города прорвалась на усадьбу и в поисках следов расстрела своих родичей в буквальном смысле собственными носами перерыла всю землю по бокам асфальтовой дороги, обнаружив несколько стреляных гильз и следы крови, как потом говорили в городе, здесь, на территории, больше ничего обнаружить невозможно. Киреев лично «разобрался» с охраной, которая прозевала эти вещественные доказательства, и те поклялись ему руками всю землю перебрать, но больше никаких следов не оставить. И ведь постарались — из пожарных шлангов вымыли, выскоблили всю округу. Так что теперь можно не беспокоиться.

Хорошо, что и жены Юлии дома нет, обыск в ее присутствии наверняка начался бы и завершился скандалом. Ну а прислуга Катерина, она, слава богу, умеет держать язык за зубами, лишнего не сболтнет. Да я не было ее здесь в ту ночь. И потом, она же в Игната влюблена, как кошка. А с двумя такими помощниками в доме Юрий Петрович запросто мог противостоять своей неумной и своенравной супруге, с которой даже ее отец не в силах справиться. Когда Юлия Георгиевна в сопровождении своего «бодигарда», как она его называет, Игната только появляется в здании администрации, там среди персонала сразу начинается тихая паника — Сама прибыла, сейчас всем достанется...

Опять же и верный Игнат Русиев в данный момент уехал из города, чтобы не светиться у ментов, которым он был хорошо известен по своим прошлым подвигам. На этом настоял сам Юрий Петрович, как ни возражала Юлия Георгиевна, привыкшая видеть мо-

гучего телохранителя рядом с собой, видимо, особо досаждая этим молодой и статной прислуге, с которой у Игната наверняка был роман — уж чувства-то Катерины всегда написаны на ее лице. Но Игнат сделал свое дело и исчез. На время, конечно, пока здесь не утихнет возня с поисками трупов.

Так что, с одной стороны, пусть ищут, а с другой — хрен его знает, как это дело может повернуться. Орехову и его команде, которая охраняет территорию, после небольшой стычки с сыскарями из угрозыска, когда они не хотели их пускать на территорию, Киреев сделал строгое предупреждение — только наблюдать, но ни во что пока не вмешиваться. И не помогать ментам, потому что каждый должен делать исключительно свою работу. Впрочем, это вполне устраивало обе стороны.

Но тут менты выкинули финт — они потребовали, чтобы им показали то место за территорией виллы, где, согласно рапорту, подписанному охранниками Ореховым, Лютиковым и Старостенко, были уничтожены запасы пиротехники, подготовленной к предстоящему празднику. Вот тут уж неподчинение могло обойтись дорого. Пришлось полдня водить ментов по окрестностям, ссылаясь на то, что дождь, скорее всего, смыл следы. Но сыщики были неумолимы и вконец измотали охранников. Те уж и сами были не рады, что придумали себе такую отмазку. И «сознались», что не могут вспомнить — дело было ночью. Хотя свидетельство это оказалось совсем не в пользу охраны.

— А вы докажите! — напирал Орехов, пытаясь давить своей мощью.

— А мы докажем, что все это — чистое вранье, — отвечал невозмутимый москвич. — И вы за это, несомненно, ответите перед законом.

— А пошел ты!.. — уже открыто грубил Орехов.

— Я пойду, но требую, чтобы вы оставались на месте — до моего особого распоряжения. Иначе не-

медленно вызову наряд и отправлю вас в обезьянник. И вас, и ваших подчиненных. И будете сидеть там, пока мне это не надоест. Убирайтесь на свой пост, — спокойно говорил Елагин, даже, казалось, с долей юмора, отчего охранники прямо выходили из себя, подобно их хозяину, которому они немедленно докладывали о происходящем.

После обыска в доме сыщики приступили к обыску гаража. Но и там ничего подозрительного не обнаружили. В просторном утепленном помещении стояли машины — джип «мицубиси», большой черный «Мерседес-600» и микроавтобус той же марки, который теперь называют «мини-вэн». Чуть в стороне стояла темно-серая «девятка», казавшаяся чужой в этой блестящей, чисто вымытой компании. Удивило, что в багажнике каждой машины лежало по милицеейской «мигалке». В Москве, известно, с ними уже стали бороться, снимать, наказывать водителей, а здесь, вероятно, были свои порядки. Во всяком случае, разрешения на них представили оба водителя, которых допросил Елагин, однако никакой полезной информации от них он не получил. «Девяткой» пользуются как рабочей тачкой все кому не лень, а иномарками — исключительно с разрешения хозяина.

В указанный день, точнее, ночь, водители никуда не выезжали, были здесь, в подсобном помещении, специально оборудованном для отдыха охраны и персонала. А подтвердить этот факт могли бы все те же охранники — словом, круговая порука. Хотя алиби слабое, но и возразить было нечем.

Елагин составил и по этому поводу очередной протокол.

Он вообще старался документально фиксировать каждую мелочь и требовал подписи понятых — двоих посторонних пожилых мужчин, привезенных с собой и теперь безучастно наблюдавших за «милицейским шмоном», как об этом действе говорили озлобленные

охранники. И этим сильно раздражал и хозяина, и его «дворню», так Надо было полагать.

И вот настал момент, который Рюрик мог бы даже назвать переломным. Он сам, внимательно обследуя стену дома со стороны въездной аллеи, обнаружил не замеченный другими след пулевого отверстия. Позвав криминалиста, указал на дырку и предложил извлечь пулю. И тот немедленно принялся долбить фигурную кирпичную кладку.

Затем они, уже всей группой, начали исследовать стволы деревьев вдоль аллеи. И находки стали появляться одна за другой. Собрали больше десятка пуль, которые, по предположению эксперта-криминалиста, могли быть выпущены из автоматов, стрелявших с двух противоположных сторон.

Елагин приказал немедленно изъять все оружие, имеющееся у охранников, и составить протокол изъятия. ТС пытались возражать, делали зверские лица, обещая жуткую и неотвратимую месть, но Елагин так же спокойно позвонил Грязнову и попросил срочно прислать отделение ОМОНа, а также приготовить в СИЗО места для троих охранников — причем желательно каждому предоставить отдельное помещение. А потом доложил о найденных в машинах милицеевских «мигалках».

— Молодец, это очень важно, — сказал Грязнов.

Орехов с товарищами слышал, о чем докладывал следователь своему начальству, и решил по-хорошему сдать оружие и расписаться в протоколе.

И тогда Елагин отменил ОМОН, но устроил каждому из охранников жесткий допрос с целью выяснения, кто в ту ночь и где дежурил, кто и где находится в настоящее время, где хранится оружие и так далее.

Отвечая на вопросы Елагина, охранники стали путаться, но в конечном счете всплыли еще две фамилии — Барышникова и Алымова.

Выяснил Рюрик и фамилию их начальника — руководителя отдела вневедомственной охраны УВД

полковника милиции Медведева Андрея Константиновича. И тут же сообщил об этом по телефону Вячеславу Ивановичу с просьбой немедленно проверить, где находятся указанные Барышников с Алымовым.

Но тут уже ему самому перезвонил Володя Поремский и прочитал вслух то место из протокола, в котором лейтенант Замошкин свидетельствовал об упоминании Ореховым в их беседе про пьяную гульбу со стрельбой на даче Киреева, в которой принимали якобы участие сам губернатор, начальник УВД, дядя Юрия Петровича и другие гости, о которых вскользь поведал лейтенанту «капитан Орехов».

Елагин все это записал для памяти, а затем привел охранников в дом Киреева и в кабинете Юрия Петровича под протокол, который вел сыщик из местного уголовного розыска, устроил перекрестный допрос хозяину и его окружению.

Вот тут уже разразилась настоящая буря! Киреев, видимо, сорвался, похоже, нервы не выдержали. Он плевался в ярости, без конца вскакивал, размахивал руками, грозил всем, без исключения, самыми жуткими карами, на которые он только способен. Кажется, он терял рассудок. Но, как тут же заметил Рюрик, его лютая ненависть распространялась главным образом на охранников, которые посмели обогатить достойнейших людей города и за это должны понести жестокое наказание. Так что ж это? Очередная игра в истерику?

Но Киреев таким вот образом все отрицал, отмечал безоговорочно. Не было никаких гостей, стрельбы «в Господа Бога» тоже не было. Ни о какой такой пиротехнике он и слыхом не слыхал, и вообще он больше ни слова не скажет без своего адвоката.

— Адвокат вам теперь вряд ли необходим, Юрий Петрович, — холодно вернул его на землю Елагин. — Тем более что выслушивать от вас очередную порцию лжи я не намерен. Вот когда получу санкцию на ваш

арест, тогда и поговорим. И с вами, и с вашим адвокатом. А пока, господин Киреев, с вас будет взята подписка о невыезде на время проведения следственных мероприятий. Вам ведь известно, что нарушение ее строго карается по закону? Найденные вещественные доказательства, как и все изъятые здесь оружие, пройдут баллистическую и криминалистическую экспертизы и будут приобщены к уголовному делу, которое, я полагаю, мы возбудим в ближайшее время по признакам преступлений, предусмотренных статьей сто пятой, частью второй, пунктами «а» и «ж» Уголовного кодекса, то есть убийствами двух или более лиц, совершенными организованной группой. Не торопитесь возражать, я еще не закончил.

Елагин демонстративно позвонил Турецкому и доложил о своем предложении относительно Киреева и всех остальных.

— Но у тебя же есть постановление, подписанное Щукиным. В нем, я знаю, сказано и о задержании, если ты сочтешь это необходимым. Так в чем же дело?

— В данном случае, Александр Борисович, я имею в виду охранников.

— Боишься, что сбегут? Как и те двое, о которых ты говорил Славке?

— Что, уже выяснили, где они обретаются? — удивился Рюрик.

— А долго ли умеючи? — хмыкнул Турецкий. — Начальник их, Медведев этот, уверяет, что подуставшие на государственной службе ребята отпросились в отпуск. Осень, мол, самое время поправить здоровье на южных курортах Испании. Не хило? При этом полковник ставит нас в известность, что они предъявили при оформлении отпусков письменное согласие господина Киреева, у которого они, собственно, постоянно осуществляли охрану. Покинули нас, как видишь. Но куда конкретно выбыли, этого никто не знает. Причем на другой же день после событий.

— Значит, объявляем их в федеральный розыск?

— А как иначе? С остальными сам используй данную тебе власть. Выноси постановление, а Щукину я перезвоню. Сейчас подскажу Вячеславу, он все-таки подошлет тебе помощь. Ты там, будь любезен, особо не рыпайся, неизвестно ведь, что у тебя за народ.

— Уже известно.

— Тем более! — Турецкий повысил голос.

Рюрик отключил свою трубку и повернулся к охранникам.

— Теперь о вас, господа, — нудным тоном педантичного чинуши заговорил Елагин. — Я получил указание руководства оперативно-следственной группы Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации, на основании которого выношу постановление о вашем временном задержании — заключении под стражу. Пока за вами придут, мы составим протоколы задержания и я разъясню каждому из вас отдельно либо, если пожелаете, всем вместе ваши права, предусмотренные статьей сорок шестой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В установленные законом сроки вам всем будет предъявлено обвинение, это я обещаю.

— Нужны они нам, ваши обещания, как... — презрительно бросил Орехов, но, увидев суровый взгляд хозяина, сердито сплюнул на пол и промолчал.

— Закон есть закон, надо подчиняться, — словно сквозь силу, пробурчал Киреев. — А ты, Евгений, и вы, ребята, недолго будете париться, вот уж это я вам твердо обещаю. И вы мое слово знаете.

«Ишь ты, какие мы здесь страшные! Какие самоуверенные! — мысленно усмехнулся Рюрик. — Неужто его действительно здесь все боятся?»

Но охранники безучастно молчали. И тогда Елагин воспользовался паузой.

— Оказывается, это лично вы, господин Киреев, отпустили охранников Барышникова и Алымова в их очередной трудовой отпуск. А нас обманули, когда я

спросил у вас, сколько в ту ночь дежурило охранников. По списку — пятеро, а вы настаивали, что двоих не было. И они, — кивнул он на Орехова с товарищами, — охотно подтвердили вашу ложь. Ну, с ними разговор будет другой, а вы-то — как же так? А теперь, сами слышали, мне приказано немедленно подготовить необходимые документы для объявления сбежавших охранников в розыск. В федеральный! — Рюрик многозначительно поднял указательный палец. — Нехорошо, Юрий Петрович, мы еще не начали с вами, по сути, работать, а вы лжете на каждом шагу! Очень плохо... Поэтому вот возьмите лист бумаги, ручку и пишите: «Я, такой-то, — полностью, пожалуйста, — обязуюсь...» Пишите, пишите, я вам с удовольствием продиктую все, что вы обязаны будете после этого делать. Точнее, чего делать категорически не должны. Под страхом неотвратимого наказания...

Последнюю фразу Рюрик произнес с нарочито шутливой интонацией, чтобы продемонстрировать этому зарвавшемуся местному царьку, что его «жуткие» гримасы и угрозы никакого действия не возымели.

4

Телефонный звонок Вячеслава Ивановича о том, что при вывозе возможных трупов за пределы города вполне могли быть использованы транспортные средства — Грязнов перечислил марки машин, находившихся в киреевском гараже, — с милицескими проблесковыми маячками, очень помог Владимиру Яковлеву. Разговор с сотрудниками милицеских дорожных служб сразу стал более предметным.

Вместе с приданными ему в качестве помощников и «проводников» сотрудниками городского уголовного розыска — оперуполномоченным и водителем «козлика» — Володя с утра стал объезжать все милицеские посты на границах города.

Вот вроде бы оно и дело-то пустяковое — не для Яковлева, а для гайшников, — проверить, кто здесь дежурил в определенный день и в определенное время, а сразу «пошла волна». Не успели сыщики от одного поста до другого доехать, как там уже все знали и смотрели на них с откровенным подозрением. Зачем да почему? С какой целью проверка? А где указание начальства, чтоб отвечать? Сотни вопросов и отговорок.

Не очень, по правде говоря, помогало и строгое предписание, категорически требующее от опрашиваемых должностных лиц беспрекословного оказания помощи сотрудникам уголовного розыска... Далее перечислялись фамилии, а в конце — красовались витиеватая подпись заместителя начальника ГУУР МВД РФ и гербовая печать. Документы без печати обычно на милицию не действуют. И ничьи автографы тут тоже не помогают. Так что печать была классная, к тому же ярко-алого цвета, она и выручала отчасти при возникающих конфликтах.

Не все из опрашиваемых сотрудников дорожно-патрульной службы дежурили в ту злополучную ночь. Тем, которые отдыхали, приходилось звонить домой, если у них были телефоны, либо записывать домашние адреса. Словом, работа предстояла огромная и, что гораздо неприятнее, пыльная. Дождь давно закончился, и на дорожном полотне снова образовались пласты песка и пыли, которые после каждой проезжавшей машины облаками стояли над трассой. А движение было достаточно интенсивным. И зелень кустарников по обочинам, словно покрытая ровным слоем цемента, не приносила ни тени, ни свежего дуновения ветерка. Конечно, люди работали в невыносимых условиях, а тут еще какие-то строгие проверки! Кому понравится?

Выручало лишь то, что Володя фактически с самого начала опросов попытался задействовать местный патриотизм. Мол, ребята, у вас тут сплошной беспре-

дел, а вы не хотите даже элементарного порядка навести. Людей крадут, убивают, вывозят в горы, а мы и пальцем о палец ударить не можем?! Последнее, насчет гор, Яковлев взял на вооружение со слов сыщика Вити, который заметил: когда крадут людей, чтобы потом продать их в рабство в горные аулы либо просто спрятать с целью получения за них выкупа, жертвы, как правило, вывозят подальше в горы. Там есть много потаенных мест, куда никакая милиция отродясь не заглядывала. Причем сказано это было как бы между прочим, как само собою разумеющееся и чему не стоит придавать особого значения.

Но почему же тогда, подумал Яковлев, местные ответственные правоохранители до сих пор не удосужились подумать об этом? Слишком очевидно? На поверхности? Но ведь если принять за основу такую мысль, то круг поисков значительно сократится! И Володя, сторонник резких перемен в поисках, когда в том появлялась необходимость, решил, что прошедшие полдня им потрачены зря и надо быстро наверстывать упущенное время.

Разложив на капоте карту города и его окрестностей, он вместе с Витей и водителем Сашей прикинули, что бы они сделали сами для тайного вывоза группы людей из города. Определили и условия задачи — глубокая ночь, полнолуние и наличие милицейских маячков. Часто, что ли, с ними гоняют здесь по ночным дорогам? Есть также исходная точка, откуда людей могли вывозить. Короче, посмотрели, прикинули и наметили две цели.

Из города в южном направлении вели две трассы. Одна — к побережью Черного моря, в сторону Новороссийска, а другая — на Адыгейск и Горячий Ключ. Но если первая шла через сплошные села и станицы, то вторая, огибая водохранилище, сразу забиралась в предгорья, где и находились уже названные Витей старые выработки — заброшенные карьеры и шахты. Конечно, любой похититель первым делом помчался

бы именно туда. Там и народу нет, и милицейских постов — раз, два и обчелся. Да еще ночь, а у тебя «мигалка» на крыше. Кто посмеет остановить? Не остановят, но запомнить могут вполне. А этого на первый раз достаточно. Итак, надо ехать в сторону старых выработок.

Сырье, добытое там, как рассказывал Яковлеву Витя, перерабатывал завод «Известняк», поставляя свою продукцию крупнейшему в крае акционерному предприятию «Кубаньцемент», гендиректором и полновластным хозяином которого является Юрий Петрович Киреев. А вообще, по убеждению Вити, у них тут фактически все «закольцовано» в одних руках — и добыча, и переработка, и поставка потребителям, в том числе и главному предприятию города — химическому комбинату. К примеру, поговаривают, что на том же «Известняке» якобы имеются большие интересы самого губернатора. А из-за акций химкомбината, как известно, разгорелся сыр-бор. Вот и открывается довольно прозрачная картина того, как Шестерев с его зятьком полностью подбирают под себя горно-перерабатывающую и химическую промышленность края. Вопрос в другом — какая не менее мощная сила противостоит губернаторскому клану? С кем, другими словами, схлестнулся тот же. Киреев на собрании акционеров, когда ему удалось-таки избавиться от директора Савельева? Тут и есть главный конфликт. А Москаленко с его шестью товарищами — акционерами и руководителями комбината, вполне могли оказаться в этой игре заложниками. Другие, более мощные силы попросту убрали их с дороги, чтоб не путались под ногами. Так говорят в городе, искренне жалея погибших.

Правда, кому-то очень хочется представить дело так, что исчезнувшие люди стали жертвами похитителей, а те собираются получить за них огромные деньги. Но тогда надо отбросить в сторону всю эту возню с противостоянием на комбинате и заниматься

только поиском самих похитителей. Город-то большой, и он, как магнит, притягивает нечистоплотных дельцов со всего Северного Кавказа. За годы чеченской войны торговля людьми, наряду с продажей оружия и наркотиков, у преступников из горских народов превратилась в крупнейший бизнес, оставлять который они вовсе не собираются. Поэтому, если вдуматься, все возможно...

При такой постановке вопроса находило объяснение и неожиданное убийство вице-губернатора. Ведь это он возглавлял в свое время УВД края, а на посту вице-губернатора курировал так называемые силовые и правоохранительные структуры. Кому же, как не ему, и брать на себя груз ответственности за то, что видных в городе людей крадут чуть ли не среди бела дня? Ну а с его смертью и вопрос ответственности вроде как отпадает. И тогда при чем здесь всякие сплетни о разговорах на повышенных тонах в кабинете губернатора, о взаимных якобы угрозах? Если отыскать пресловутый «чеченский след», то на него можно списать все, что тебе не нужно, неудобно либо опасно выставлять на обозрение.

Но рассуждения рассуждениями, а надо было отрабатывать и такую возможную версию. И Яковлев предложил своим помощникам проехать по трассе, останавливаясь и опрашивая сотрудников дорожно-патрульной службы, а также жителей тех домов, которые стоят практически рядом с автомобильной дорогой федерального значения. Суетно, конечно, подумал Володя, но их же все-таки трое, да и профессия у них такая...

ДПС Яковлев взял на себя, а разговаривать с населением поручил Вите, ну и Саше по мере надобности. Однако вскоре он заметил одну странность. Сотрудники патрульной службы как-то враз, будто сговорившись, замыкались в себе и замолкали, едва разговор касался того происшествия недельной давности, о котором, разумеется, знал весь город. Либо

отвечали невразумительно, как будто не хотели врать представителю из самой Москвы.

Неожиданно на одном из постов случайно выручил Саша. Пока Яковлев тряс своей бумажкой с подписью Грязнова и красной печатью, водитель «козлика» разговорился со знакомым шофером, сидевшим в таком же задрипанном «уазе». И когда Володя вернулся и сел в машину, раздосадованный очередной неудачей — не захотели с ним разговаривать на посту откровенно, Саша подсказал разгадку. Его приятель мягко намекнул ему, что на все посты не так давно был звонок из краевого ГИБДД, и все патрульные получили приказание не разговаривать с московскими следователями и оперативниками, которые работают на дорогах города и в его окрестностях. Приказ был, естественно, устный, но послушаться его никто не может.

— А как же этот документ? — Обескураженный Володя снова вытащил уже изрядно помятую бумагу.

— Да плевать они на него хотели, — снисходительно заметил Витя. — Они кому подчиняются? Грязнову, что ль, твоему? Нет, своему Лиховцеву. А тот — напрямую Шилову, такой вот расклад. Нет, ничего мы так не добьемся. Надо менять тактику.

— Так подскажи, что делать! — прямо-таки взъерепенился Яковлев.

— Я бы на твоём месте, Володя, — сказал сыщик, — двинул напрямик к карьерам. И вот там, в окрестностях, и стал бы расспрашивать население. А от этих пользы никакой, — кивнул он в сторону поста ДПС, от которого они отъехали.

Без задержки проскочили они Адыгейск, затем проехали поворот на Читук и, переехав через канал, вскоре увидели дорожный указатель «Карьер».

— Нам туда? — с готовностью предположил Яковлев.

— А какой смысл? — откликнулся шофер

Саша. — Чего мы там увидим? По горам лазать, что ли? Да и надо было одеться соответственно...

— Да, в таком виде мы там и сотни шагов не сделаем, — подтвердил Витя.

— А какого ж черта тогда мы сюда притащились? — вышел из себя Яковлев.

— Так... посмотреть... поспрашивать, — добавил Витя. — Ты стань вон там, в тенек, — показал он Саше на поворот дороги под скалой впереди, — а мы с Володей ходим тут немного.

— И куда мы будем ходить? — успокаиваясь, но по-прежнему сердито сопя, спросил Яковлев и полез из машины на самый солнцепек.

— Я наверху отару видел. Наверно, и пастух там. Давай поднимемся, спросим, они тут всегда бродят, может, чего видели...

Не без труда по вязкой осыпи взобрались на скалу в непривычной для такой ходьбы городской обуви и попытались докричаться до старика, который сидел к ним спиной и не оборачивался, хотя две его собаки, сторожившие небольшую отару, злобно лаяли на пришлых людей, хорошо хоть, не бросились навстречу. Наконец старик соизволил прикрикнуть на собак и повернулся. Махнул рукой, приглашая подойти ближе.

Поздоровались, Витя сказал, что они из милиции и к нему у них есть важное дело. Даже документы показали для убедительности, но старик смотреть не стал, махнул рукой и показал на соседний камень — садитесь, мол.

— Давай ты, — сказал Яковлев Виктору. — У тебя с местными, вижу, лучше получается.

Это он сказал потому, что, как ни пытался сам расположить к себе встречных жителей, те смотрели на него с подозрением и отмалчивались, пожимая плечами. А Витя был здесь свой, и это они как-то сразу чувствовали.

Витя с готовностью кивнул и заговорил. Его ин-

тересовало, сколько времени дед ходит тут со своей отарой. На непонятном языке — Витя, оказывается, немного знал по-адыгейски — старик рассказал, что здесь он уже две недели. А по поводу машин с милицейскими огнями, про которые тоже спросил Витя, он может сказать только одно. Да, видел однажды ночью эти огни. Две машины ехали. Давно видел, неделю назад, дождя еще не было. Но они не оставались, а проехали дальше, далеко уехали, совсем их слышно не стало. И только под утро, когда светать начало, одна машина проехала обратно. Тихо проехала, без сигналов уже. Если б собаки не залаяли, он, старик, ее бы даже и не заметил. Но вот куда они ездили, он сказать не может.

— Здесь карьер за карьером, шахты старые есть, дорога тянется километров на двадцать с лишком. И никакого жилья, дикое место, только вот пастухи и ходят. А раньше большими машинами известняк на завод возили. Экскаваторы работали, взрывы гремели. Теперь вот овцы ходят.

— Что же, значит, нет смысла ехать дальше?

— Здесь батальон солдат нужно, чтобы все прочесывать, мы с тобой вдвоем не справимся. Погоди, я его еще расспрошу. — И Витя обернулся к старику.

Тот заговорил, но при этом не жестикулировал, а только палкой своей, выбеленной на солнце, стучал по камню. Яковлев, не догадываясь, о чем у них разговор, терпеливо ожидал, страдая оттого, что не захватил хотя бы кепку. Голову так напекло, что хоть носовым платком прикрывай, да неловко — мятый, несвежий. Хорошо Вите, он хоть и в форме, и жарко ему, зато при фуражке, из-под которой, правда, тоже стекали обильные струйки пота.

— Хорошо, я понял, — сказал, поднимаясь, Витя, — спасибо, отец. Ну, пошли, — обернулся он к Володе.

Яковлев поклонился безучастному старику, кото-

рый его словно и не видел, и заспешил за Витей, ловко прыгавшим по белым камням.

В тени под скалой можно было хотя бы дышать.

— Так о чем вы с ним беседовали? — спросил Яковлев.

— Ну, я спросил его, что слышно у них в ауле, воруют ли людей? Он ответил, что в последнее время нет. Только если ингуши или черкесы. А вот проезжие машины останавливают и грабят, это бывает. Поэтому он близко к шоссе не ходит.

— Ну и что?

— И нам не советует, если головы свои бережем.

— Вот так прямо?

— Не веришь, твои дела, — **пожал плечами** Витя. — Только я туда, — кивнул он в **сторону карьеров**, — не поеду. Да **и оружие** — один «**Макаров**», это разве оружие? Нет, я так думаю, если вы хотите продолжать поиски в карьерах, надо и ОМОН подготовить, и собачек, чтоб искали, в общем, **группу** человек на двадцать, тогда, может, **что-нибудь** и получится. А ты как считаешь, Сашок? — повернулся он к водителю.

— Я б тоже не стал рисковать, — ответил Саша.

— Ну вот, теперь, значит, можно спокойно ехать домой, а ты докладывай своему начальству все как оно есть. Две большие машины с «мигалками» были, старик не может ошибаться. Но в них, надо понимать, уже трупы транспортировали. Потому что если бы живых везли, их за прошедшую неделю наверняка кто-нибудь навестил бы. На карьеры одна эта дорога, а дальше — козьи тропы.

— Если б те люди живыми были, мы бы рискнули, — солидно подтвердил Саша, — а с трупами уже ничего не случится. Они и подождать могут. Я б не торопился, — повторил он.

Володя продолжал сомневаться, хотя прекрасно понимал, что эти ребята — местные и лучше знают, что надо делать. А правота их подтвердилась, когда

они, усевшись в так и не остывшую в тени машину, тронулись в город.

До конца узкого ущелья, на дне которого пролежала засыпанная гравием и обломками камней дорога, ведущая к далеким карьерам, оставалось не более километра, когда вдруг на железную крышу «козлика» обрушилась лавина камней. Загрохотало так, что уши заложило. Машина резко дернулась вперед, и невольно откинувшийся на спинку заднего сиденья Яковлев с изумлением увидел, как в крыше возникла целая россыпь дыр. Вскрикнул Саша, но руля из рук не выпустил, а Витя заорал истошным голосом:

— Засада! Гони!!

И Саша, наваливаясь всем телом на руль, с обвисшей правой рукой, рукав у которой краснел и темнел на глазах, сумел рвануть машину вперед и выскочить за поворот. И только после этого он окончательно упал грудью на баранку, и машину резко бросило в сторону, на крутую осыпь, где она наверняка перевернулась бы. Но сидевший рядом Витя вцепился в баранку, стараясь выровнять машину.

— Оттащи его скорей! — продолжал кричать он Володе, а сам попытался остановить машину. И это ему удалось.

Вдвоем с Яковлевым они с трудом вытащили водителя из-за руля и пересадили, точнее, переложили на заднее сиденье, а Витя прыгнул за руль и ударил по газам.

Гонка по разбитой, в ухабах, дороге заняла не больше нескольких минут. Так казалось. Володя разодрал на Саше рукав и увидел, как из пробитой мышцы предплечья толчками струилась кровь. Этим же разорванным рукавом он и перетянул раненую руку выше кровавого отверстия. Кровотечение вроде бы остановилось. Но этого было мало. Тогда он вытащил ремень из собственных брюк и затянул его жгутом.

— У тебя чистый платок есть? — спросил он у

Вити, судорожно, с побелевшим лицом вцепившегося в руль. — А то мой несвежий.

— Да какая разница! Сейчас до Читука догоним, там водкой зальем, перевяжем. Вот же, гады! Это они нас на обратной дороге сторожили. Если б не Сашка, там бы и остались... Мы ему теперь по гроб жизни... Скорей, скорей!.. — Он словно подталкивал «козлика», который никак не хотел набрать приличную скорость.

А Володя, осмыслив наконец происшедшее с ними, будто очнулся. Вытащил свой телефон и немедленно вызвал Грязнова.

— Вячеслав Иванович, — сдерживаясь, чтобы не выдать дрожи в голосе, начал он, — на нас напали, стреляли, ранен шофер, нужна помощь.

— Вы где? — закричал Грязнов.

— Где мы? — Володя переадресовал вопрос Вите.

— Скоро Читук. Пока они доедут, мы и сами успеем, — пробормотал он.

— Ждем в Читuke.

— Черт вас туда занес! — загремел Грязнов. — Ладно, ждите!

Саша вздрагивал от толчков машины и стонал. Но он не терял сознания, просто ослаб.

— Держись, парень, — без усталости повторял Витя, — сейчас мы тебя вылечим.

— Да не гони ты так, — морщился Саша, — терпелу ведь никакого.

— У тебя есть чем перевязать? — спросил Володя.

— В багажнике, в сумке... водка есть, — сухими губами выдавил Саша.

— Останавливай! — закричал Яковлев.

Они с Витей вмиг достали из сумки, к счастью, целую бутылку, хотя сама сумка была в двух местах пробита пулями, это ж просто чудо! Тут уже думать не приходилось, в ход пошли оба носовых платка — и Витин, и Володин. Их обильно смочили водкой, выжали, снова намочили, промыли Сашину рану и

наложили повязку, которую Витя перетянул сверху найденной в той же сумке веревочкой, после чего они ослабили на его руке ремень. Саше за храбрость и находчивость дали прямо из горлышка сделать пару хороших глотков. Посмотрели на то, что осталось, хмыкнули и честно разделили водку между собой.

Потом осмотрели машину. Она была пробита как-то странно — сверху, над сиденьем водителя, и сзади, в нижней части борта. Володя смотрел с сомнением, он никак не мог понять.

— А чего тут неясного? — успокоил его Витя. — Сверху ж стреляли. Первую очередь дали в водителя, а вторую — вдогонку. Стреляли, видать, не прицельно. Или слишком высоко стояли. Грабители, надо полагать, — сделал он окончательный вывод.

— А старик чего говорил? — возразил Яковлев. — Что их в последнее время не слышно?

— Ну вот и слышали. Ладно, поехали. Положи Саше сумку под голову, так ему будет полегче и — с Богом...

Глава четвертая

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

1

Александр Борисович позвонил Лиде в приемную губернатора и попросил ее найти возможность выскочить к нему — он ждал в машине у торца здания администрации. Причем попросил обязательно прихватить с собой сумочку.

Лида вышла, недоумевая, зачем это понадобилось.

Турецкий все объяснил. Он расстелил на заднем сиденье газету и попросил Лиду высыпать на нее все содержимое сумки. Она удивилась, но подчинилась. И все-таки неожиданным для обоих было то, что на дне сумочки они действительно обнаружили «жучок» — темную пластиковую шайбочку на булавке, оставшуюся внутри после того, как на газете оказалась целая куча необходимых мелочей — типичная женская привычка ничего не выбрасывать, никогда не проверять сумку и таскать в ней все, что может пригодиться в самых неожиданных ситуациях.

Турецкий аккуратно достал «жучок» за булавку, повертел его перед глазами и так же осторожно спрятал в пустой спичечный коробок, который сунул в бардачок машины. После этого он вывел Лиду наружу и захлопнул обе дверцы.

— Давай-ка отойдем в сторонку, — сказал ей.

Лида, побледневшая от ужаса, принялась клясться, что она никогда не видела этого предмета. Могла бы и не стараться, поскольку Турецкого интересовало совсем другое. Он стал выяснять, как часто и надолго ли она отлучается со своего рабочего места, где держит сумку — в ящике стола, в шкафу или просто оставляет на вешалке вместе с плащом? Оказалось, по-разному. Да в сумке и нет ничего ценного, за что можно было бы опасаться.

Потом она стала вспоминать про вчерашний день. Кто оставался в приемной во время ее краткого отсутствия, когда ее вызывал к себе Георгий Владимирович или она сама выходила по своим делам — в туалет там либо еще куда-нибудь.

Лида вспоминала и больше всего боялась, что Турецкий ей не поверит, решит, будто это она сама придумала. Но Александру Борисовичу было ясно, что преступник, кем бы он ни был, действовал нагло. Для того чтобы воткнуть микрофон в сумочку, большого труда и умения не требовалось. Надо быть просто уверенным в том, что хозяйка ее обязательно будет общаться с москвичами, значит, появится и информация. А с момента расставания Турецкого с секретаршей губернатора до их новой встречи в конце уже рабочего дня была бездна времени. Так что сунуть микрофон мог любой из подручных того же Киреева. Надо знать только одно — оставался ли кто-то из посторонних в приемной, когда Лида выходила за чем-нибудь?

И она вспомнила. Ну, конечно, когда москвичи ушли, в приемной появился Русиев, личный охранник дочери губернатора. А сама Лида, уходя в кабинет начальства, как раз и сообщила Георгию Владимировичу о приходе Игната. «Очень хорошо, — сказал тот, — зови его, пусть войдет».

— Вот и все, — объясняла Лида. — Но перед тем как спросить про Игната, он меня минуты три молча

продержал. Что-то искал в ящике стола, видно, не нашел и махнул рукой. Зачем вызывал? Ведь только и спросил, не пришел ли Игнат. Как будто этого нельзя было сделать по интеркому!

— Скорее всего, он специально тебя вызвал, чтобы дать возможность Игнату забраться в твою сумку. А что тот уже сидит в приемной, он наверняка и сам знал, есть же телефоны. Так что сунуть в твою сумку «закладку» много времени не требовалось. Она у тебя, кстати, где лежала?

— Я точно вспомнила! Сумка висела на спинке стула. А когда я вышла из кабинета, Игнат стоял возле двери, как будто подслушивал. И лицо у него, как всегда, было каменное, противное такое. Он когда смотрит на человека, будто его не видит. А что, выходит, это он?

— Проверим. Он же не в перчатках был, так?

— Какие перчатки?

— Ну вот, значит, когда он открывал сумочку и прикалывал эту шайбу, наверняка оставил отпечатки своих пальцев. Не волнуйся, криминалист разберется.

Позже криминалист подтвердил, что это довольно чувствительный микрофон, правда, устаревшей конструкции, но вполне в рабочем состоянии. Снял он и следы двух отпечатков пальцев — большого и указательного. И теперь следовало искать самого Русиева, чтобы идентифицировать эти следы. Однако Игнат, по утверждению прислуги в доме Киреевых, выбыл в неизвестном направлении, якобы в отпуск. Ребята Старкова, работающего вместе с Вячеславом, уже начали его поиски.

Успокоив Лиду и строго предупредив ее, чтобы она никому о находке не рассказывала, Турецкий попрощался и уехал на химический комбинат, где у него была назначена встреча с Филиппом Алексеевичем Савельевым.

Вообще-то говоря, бывший генеральный директор на встречу согласился неохотно. Мотивировал

тем, что уже «расплевался» с этой проклятой должностью и к прошлому больше возвращаться не желает. Турецкий возразил в том смысле, что не мог же директор быть в единственном числе, наверняка и сторонников имел, которым после его ухода с поста стало гораздо хуже, а значит, им тоже найдется что рассказать о положении на производстве.

— Да производство тут при чем? — продолжал проявлять неуступчивость Савельев. — Оно-то как раз налажено, оно идет и будет идти вне зависимости от того, кто им станет в ближайшее время управлять. А вот потом может начаться обычная катавасия.

— Что вы имеете в виду?

— Будто вы не знаете сами, что происходит с производством, когда там резко меняется руководство с той целью, чтобы сменить, скажем, профиль продукции?

— А это вам разве грозит? Простите, грозило? Что, какие-то люди решили перепрофилировать работу крупнейшего предприятия?

— Я думаю, что весь сыр-бор мог разгореться и по этой причине.

— Может быть, в вас личная обида говорит, Филипп Алексеевич? Столько лет возглавлять такое предприятие, а никакой благодарности?

— Нет, помилуйте, ни в коем случае. Какие обиды? На кого обижаться-то? Тут у нас все гораздо сложнее. В двух словах не объяснить. Да и в трех, честно говоря, тоже. Жаль, что вам не удастся поговорить с Москаленко. Вот тогда была бы полная ясность.

— Так мне бы и самому не хотелось мимолетных объяснений. Впрочем, если у вас нет желания ехать на предприятие вместе со мной, я настаивать не буду. Могу и к себе пригласить. Как вам удобнее? Но я думал, вы меня познакомите со своими соратниками, так сказать. Чтоб дальнейшие беседы не носили официального либо случайного характера.

— Ну что ж, если вы так ставите вопрос, давайте встретимся у проходной. Я близко живу, пешочком доберусь, это вам далеко ехать. Вам объяснят как?

— Расскажут. А почему вы вспомнили о Москаленко? Вам известно что-нибудь о нем и его товарищах?

— Вероятно, то же самое, что вам. И всему городу известно... Да-а... — Он вздохнул. — Если желаете, вот вам тема для размышлений, пока вы будете добираться до комбината. Ведь если Миша убит, значит, дело уже зашло слишком далеко. И речь не только о перепрофилировании производства, хотя и этого нельзя исключить, а о прямом владельце открытого акционерного общества «Химкомбинат».

— В каком смысле?

— А я вам скажу по секрету, хотите — верьте, хотите — нет. Я был в какой-то степени номинальным руководителем. Я и сейчас не владею акциями. Я отвечал за уровень производства и его номенклатуру. За те доходы, процент от которых отчислялся в краевой и федеральный бюджеты. А вот вопрос процентов — он меня почти не касался, для этого существует правление акционерного общества. И там верховодили двое — Миша Москаленко и Юрий Киреев. И когда на производстве такого уровня, как наше, начинаются внутренние разборки для выяснения, чья власть сильнее, вот тогда и убирают одного из претендентов на абсолютную власть. Я понятно говорю?

— Конечно.

— Тогда вам должно быть ясно, что убирать меня, иначе говоря, убивать им нет никакого смысла. Можно просто отодвинуть в сторону и назначить другого послушного менеджера.

— А вы были послушным?

— Да как вам сказать? С Мишей, во всяком случае, мы понимали друг друга. А Киреев? Он был нашим главным поставщиком сырья, являясь гендиректором «Кубанцемент». Такой вот расклад...

Александр Борисович. Так что подумайте, стоит ли вам терять время на беседы со мной? Тем более что в их играх я не участвовал категорически. Оттого, вероятно, и жив сегодня.

— Знаете, теперь вы мне, Филипп Алексеевич, вдвойне интересны.

— Это вам так кажется. Но раз я обещал, буду ждать у центрального входа.

2

У Вячеслава Ивановича перед проведением обыска в квартире Трегубовых чуть было не возникла неожиданная проблема. Оперативник, которого Грязнов послал в жилотдел, заявил начальнику ЖЭКа о том, что опечатанную квартиру будут вскрывать для проведения в ней обыска и его присутствие там необходимо. А тот сказал оперу, что в жилотделе уже была пожилая женщина, которая представилась старшей сестрой погибшей супруги вице-губернатора, показала свои документы, подтверждающие ее слова, и потребовала, чтобы любые следственные мероприятия в квартире Трегубовых проходили обязательно при ней. Это известие было, с одной стороны, кстати, а с другой — осложняло роль Гали Романовой в качестве «дальней родственницы» погибшей. Но Галя тут же предложила свой вариант действий, и с ней согласились и Грязнов, и Старков.

Девушка немедленно отправилась по адресу старшей сестры погибшей, которую звали Ульяной Петровной Машковой. Идея оказалась правильной. Галя без труда сумела убедить «тетю Ульяну», что для избличения преступников необходимо ей, Романовой, на время как бы стать их родственницей. Это тем более просто сделать, поскольку она довольно долго жила в этом городе, многих знает, да и ее еще не забыли. Надо только пустить слух, что Романовы и Машковы происходят от одного казацкого рода,

никто ведь проверять не станет. Раз говорят, значит, так оно и есть.

Как ни странно, они были даже немного похожи — обе крепенькие, что называется, подбористые, черноглазые, чуть скуластенькие. Только Ульяна была вдвое старше черноволосой Гали и с обильной сединой в волосах.

Подивились «родственной» схожести Грязнов со Старковым и решили, что так тому и быть.

Двое пожилых понятых — муж и жена, жильцы того же дома, — немедленно принялись сочувствовать «родственникам». Они, оказывается, были знакомы с Трегубовыми, во всяком случае, здоровались при встрече, болтали о том, о сем, больше с Лилией Петровной, такой милой и вежливой молодой женщиной. И очень переживали по поводу ее нелепой гибели.

Грязнов краем уха услышал и поинтересовался — почему «нелепой»? Оказалось, что Павел Иванович, приглашенный в качестве понятого, был уверен, что Лилию Петровну ограбили и убили. Это была новая версия, и Вячеслав Иванович немедленно заинтересовался ею.

Бывший второй секретарь крайкома партии Павел Иванович Закутский, по его глубокому убеждению, имел все основания говорить так. Он вообще словно бы изрекал, а не разговаривал с собеседником — типичная привычка ответственного в прошлом партийного работника. Он и московскому генералу изложил ситуацию так, как воспринимал ее лично. А у Вячеслава Ивановича создалось ощущение, что этот семидесятипятилетний старик успел провести собственное расследование и его точка зрения не совпадает с официальной.

Грязнов настроился на долгий и подробный разговор, пока сотрудники угрозыска вместе с Галей проводили в огромной трехкомнатной квартире обыск.

Итак, по мнению Закутского, Трегубова стала жертвой обычного ограбления. Во-первых, при ней не было обнаружено кошелька с деньгами, без которого женщины на улицу не выходят. Во-вторых, при ней не оказалось хозяйственной сумки. Апельсины рассыпались по асфальту, а того, в чем она могла их нести, не было — не в охалке ж она их держала! Как не оказалось на месте преступления и обрезка железной трубы, который валялся возле низкой оградки газона. Видел его Закутский до приезда милиции, обратил внимание — кривой такой, изогнутый обрезок трубы с рваным краем. Он тогда подумал о превратностях судьбы — вот стукнет кто-нибудь человека этакой штукой по голове и — он покойник.

Грязнов тут же взглянул в протокол осмотра, составленный вечером на месте происшествия дежурным следователем. Никакого упоминания об апельсинах там не оказалось, хотя не заметить их, конечно же было нельзя, слишком яркие фрукты. Впрочем, так ли уж это важно? Ну, может быть, их уже кто-то успел подобрать? Зачем фруктам валяться? Но в протоколе осмотра трупа фигурировало глубокое, проникающее черепное ранение тупым тяжелым предметом и ставшее причиной смерти. А вот о самом оружии, которым преступник нанес смертельное ранение, не упоминалось. Тогда когда же Закутский этот обрезок видел? Станные дела тут творятся...

Грязнов любопытствовал, каким образом сам Павел Иванович оказался вчера на месте преступления?

Выяснилось — до удивления просто. Он вышел на лестничную площадку, чтобы вынести кухонное ведро с мусором. Окно во двор было открыто настежь. И вот, взявшись уже за ручку мусоропровода, он услышал громкий, донесшийся со двора сдавленный женский крик. Всей фразы он не разобрал, но почему-то запомнилось слово «гнать». Словно там, внизу, прогоняли кого-то. Закутский, естественно, выглянул

из окна и увидел лежавшую у подъезда ничком женщину в светлом плаще. А крупный такой, лысый мужчина — лампочка над подъездом хоть и хилая, но разглядеть с третьего этажа можно было — прыгнул в стоящую рядом черную машину с работающим мотором, которая тут же резко взяла с места и, сделав полукруг по двору, выскользнула через противоположную арку на соседнюю улицу.

Павел Иванович, видя, что женщине плохо, — об убийстве он как-то сразу не подумал, — кинулся вниз, чтоб помочь, но опомнился и, забежав в квартиру, на всякий случай позвонил по ноль-два, сообщил о нападении на женщину, продиктовал адрес, после чего, естественно, спустился в подъезд. И тут увидел описанную выше картину.

Он специально и обрезок трубы подобрал, и положил рядом с женщиной, полагая, что милиция в темноте может его не заметить, а она очень не любит, когда ей подсказывают. Пошлют подальше, да и все!

Словом, и минуты не прошло, как примчалась машина с синим милицейским маячком и двумя патрульными. Те вышли, осмотрели, грубовато сказали ему, чтоб он тут не торчал, не путался под ногами и следов не затапывал, а шел домой. Дежурную бригаду они сами вызовут. На что он возразил им, что уже звонил в милицию и сообщил о происшествии, и спросил: разве они не по его вызову? Они как-то странно отреагировали. «По вызову, по вызову, — быстро ответил высокий такой, светловолосый милиционер. — Иди, отец, не мешай работать...»

— А как вы узнали, что женщина убита, а, скажем, не ранена? — спросил Грязнов.

— Я же не мальчик, — пожал плечами Закутский. — Проверил пульс на шее... Да и как там остаться живой после такого зверского удара? У нее все темя было разнесено вдребезги. Это ж какой силой надо обладать!..

— Вы дали милиционерам свои показания?

— Я пытался. Но патрульный заявил, что ему все это по фигу, лишняя морока и ничего он записывать не будет, а вот когда придет следователь, тот пусть и пишет протокол. Они и в самом деле походили вокруг, но едва послышалась сирена, тут же уехали.

— Так, может, это они и собрали апельсины? — неловко пошутил Грязнов.

— Не исключаю, — печально ответил Закутский. — Я за их действиями не следил.

— Вы бы их узнали?

— Ну, если покажут... Один, я говорю, высокий и светловолосый, а другой — пониже. И оба в пятнистой такой форме, модной, говорят, нынче. Она серо-синяя, с голубыми пятнами. Я видел, такую носят многие из тех, кто побывал в Чечне.

— Машина милицейская была? Не обратили внимания?

— К сожалению. Но синий маячок на крыше работал, это я помню. А про машину? Ну что, обычная «девятка». И на номер я тоже как-то... Ах, Господи, вот что значит старость!

— Но вы об этом, надеюсь, рассказали дежурному следователю? Что те уехали, не дождавшись?

— Господин генерал, — насмешливо заметил Павел Иванович, — вас ведь теперь так кличут? Господами, а не товарищами, верно? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Кому мои показания нужны? Ну, сказал я, что здесь было это, а там лежало то. Он оглянулся и спрашивает: «А где это все?» Что я ему могу ответить? Что, наверное, те двое из патрульной машины свидетельства убрали? «А зачем, — тут же спросит он, — с какой целью? Вы их что, подозреваете?» Я же еще и виноватым останусь. А мне это на старости лет надо? Нет, господин генерал, не надо. Вот вам я сказал, может, думаю, хоть какая-нибудь польза будет. Ну а нет, так и суда, как говорится, нет. Поэтому я и полагаю, что было ограбление, отяго-

щенное убийством. Вероятно, женщина закричала, и тогда грабитель ее ударил.

— Одну минуту, — сказал Грязнов и позвал Галю, а когда девушка подошла, попросил: — Вы, как я знаю, юрист. Помогите записать показания Павла Ивановича Закутского, а я попробую выяснить, что за машина приезжала на труп по телефонному звонку Павла Ивановича и фамилии членов экипажа. Далее, возьмите фотографию покойной, да хоть эту, — Грязнов показал на фото Лилии Петровны в рамке, стоявшее на письменном столе, — и обойдите ближайшие магазины. Дело вчера вечером было, наверняка вспомнят ее. Постарайся узнать, что у нее было с собой — сумка там, прочее — и что она покупала. — И, чуть понизив голос, он добавил: — Что же это ты, «родственница», пропустила такого важного свидетеля?

— Извините, — Галя перевела взгляд с генерала на понятого, — я вас действительно вижу в первый раз. Вы из какой квартиры? Я ведь весь дом обошла. Правда, многих не застала.

— Я вас тоже не видел. Мы с женой, расстроенной после вчерашнего происшествия, утром ездили в нашу городскую больницу. Лиза еле на ногах стояла от переживаний. Это сейчас она уже отошла немного. А квартира у нас пятнадцатая, на третьем этаже, в первом подъезде. Они... Анатолий Юрьевич с Лилией Петровной, как раз над нами жили. Не шумели, нет, претензий тоже у нас никогда не было... Тихие люди. Это очень странно — сперва его убивают, теперь ее...

— В наше время, Павел Иванович, ничего странного нет, — вздохнул Грязнов. — Не буду мешать. А вас прошу рассказать обо всем максимально подробно. Да, и еще, придется, Галя, пригласить других понятых. Закутский у нас пойдет в качестве свидетеля. Вы, надеюсь, не возражаете?

— Я-то нет, но... Свидетелей ведь сегодня тоже убивают.

— А мы не будем афишировать вашего участия в деле. И охрану постараемся обеспечить.

— Да не боюсь я, — усмехнулся Закутский, — возраст уже не тот.

Зазвонил телефон в квартире.

— Вячеслав Иванович, вас! — позвал оперативник и, передавая трубку, Добавил: — Старков на проводе.

— Слушаю, Влад!

— Нашли, Вячеслав Иванович. Сегодня в девять утра искомый гражданин под своей фамилией вылетел в Санкт-Петербург. Его также без труда опознали дежурные на паспортном контроле, которым была предъявлена фотография. Что будем делать? Он уже, я полагаю, давно приземлился.

— Отлично, спасибо твоим ребятам, Влад. Дальше я им сам займусь. — Грязнов обернулся к Гале и сказал: — Ну вот и объявился след предполагаемого убийцы. Кстати, покажи Павлу Ивановичу фотографию Игната.

— Игнат? — воскликнул Закутский. — Почему ж вы сразу-то не сказали?

— А что? — нахмурился Грязнов.

— Так я же говорил, что слышал слово «гнать», которое и врезалось в память. Это его прокричала Лилия Петровна. Значит, не гнала она грабителя, а, вполне возможно, узнала! Вы понимаете?

— Так, спокойно. — Грязнов напрягся. — Минуту! А откуда она могла его знать? И кстати, почему узнал его сам Трегубов? Этот Игнат здесь что, звезда телевизионного экрана? Вот вы знаете, например, что-нибудь про Игната Русиева, а, Павел Иванович?

— Русиев? Русиев... Не могу сказать определенно, но что-то слышал. У Лизы спросите, только аккуратно. Лиза! — крикнул он тут же. — Подойди к нам, пожалуйста. Как ты себя чувствуешь? Ты бы выпила что-нибудь успокоительное, тебе же нельзя волноваться!

— Всем вредно волноваться, — возразила она. — Я нормально себя чувствую, Паша, какой вопрос?

— Тебе имя Игнат Русиев что-нибудь говорит?

— Ах, этот? Так это ж он у нашего нынешнего губернатора вроде охранника или доверенного лица по особым поручениям. Например, убить кого-нибудь. Так про него говорят.

— По нашим сведениям, — заметил Грязнов, — Игнат Русиев — уголовник, неоднократно судимый за грабежи и рэкет, ныне является личным телохранителем дочери вашего губернатора.

— Господи! — всплеснула руками женщина. — Так это ж одна сатана! Что губернатор, что его семейка!

— Лиза, — укоризненно сказал Закутский.

— А что — Лиза? — завелась женщина. — Разве не известно, что все последние убийства, которые произошли в городе, связаны с переделом собственности на химическом комбинате? А губернатор вместе с остальными своими поделельниками нанимает кондотьеров, то есть отпетых бандитов, которые и устраивают эти кровавые разборки!

— Лиза, что за слова! — сконфуженно укорил супругу Закутский.

А Грязнова, в свою очередь, заинтересовало в ее лексиконе слово «кондотьер».

— Что делать, если других выражений уже никто не понимает? Ты телевизор смотришь? А там разве иначе разговаривают? Или, может быть, что-то другое показывают? — ехидно подначила она мужа. — Да нас всех нарочно отучают от правильного родного языка! Разве я неправду говорю?

— Ну, пошла, ну, не останавливайся... Извините ее, господин генерал. Лиза в недавнем прошлом учитель истории, — со снисходительной усмешкой объяснил Закутский, — но и сегодняшние проблемы ее, как видите, тоже чрезвычайно волнуют.

— Не надо извиняться, ваша жена права. К сожа-

лению. И что же, похож ваш вчерашний тип на этого человека? — Грязнов взял у Гали фотографию и протянул Павлу Ивановичу. — Вот, взгляните.

— Что я могу сказать? — задумчиво ответил тот, поворачивая перед собой фотографию и так, и этак. — Я его видел короткое мгновение и сверху. Добавим — в полутьме. Лысину заметил, или бритую наголо голову, как здесь. Он был крупный. Гораздо крупнее Лилии Петровны...

— Этот — под сто восемьдесят, — сказал Грязнов.

— Вполне может быть... Да, еще деталь. Кисти рук у него были светлые, словно он надел перчатки. Может, для того, чтобы после себя следов не оставлять? Я поэтому и поднял тот обрезок трубы. Как же иначе — я понимаю, в свое время курировал правоохранительные органы, кое-чему научили... Да, но теперь, я чувствую, моя версия об ограблении повисает? Одного не пойму — зачем было убивать милую, беззащитную женщину? Вдову, к тому же!

— Вероятно, тот, кто послал убийцу, или своего кондотьера, как выразилась ваша супруга, был уверен, что вдова Трегубова знает нечто, чрезвычайно опасное для него. А Русиев попытался изобразить ограбление. Извините, мне надо кое-что уточнить. А вам, Павел Иванович, спасибо, продолжайте работу, — сказал Грязнов.

Он вышел в соседнюю комнату и оттуда позвонил Старкову:

— Послушай-ка, Влад, тут у нас появляются новые факты. Где производится вскрытие тела Трегубовой и кто этим занимается?

— Я полагаю, в морге городской больницы, где обычно. А кто конкретно — это мы сейчас узнаем. Тебе срочно надо?

— Спроси у судебного медика, не было ли у жертвы на шее следов удушения? А то все настолько зациклились на разбитой голове ее, что ничего другого уже не видят.

— Не понимаю, а зачем одно, другое?

— Да я вот послушал тут свидетеля и подумал, что убийца, исходя из его габаритов, вполне мог попытаться задушить женщину, иницируя обычное ограбление, но она закричала, назвав убийцу по имени, и тогда ему пришлось срочно добивать ее. Вместо контрольного, понимаешь, выстрела. Опять же ничего не известно о тех двоих из патрульно-постовой службы, что мгновенно примчались на труп и так же быстро убрались, едва послышалась милицейская сирена. Интуиция мне подсказывает, что эти мальчики в камуфляже, приехавшие на машине с синим маячком, на самом деле подстраховывали убийцу. Потому и исчезло оружие убийства.

— Слушай, Вячеслав Иванович, а если твоему свидетелю... он как, нормальный? В смысле сам передвигаться способен? С памятью в порядке?

— Столько вопросов! — засмеялся Грязнов. — Обычный пожилой человек. Ну, может, не совсем обычный, Закутский его фамилия, тебе наверняка...

— Закутский? Павел Иванович? Да не может быть! Жив еще? Смотри-ка, а я думал, что он давно помер. Ну, передай ему от меня привет. Ха, интересные дела! Так я к чему? Может, ему тех киреевских охранников предъявить, которых ваш парень уже определил в кутузку? Вдруг опознает? Там же, как я чую, одна шайка-лейка!

— А ты сумеешь это проделать так, чтобы подозреваемые не видели старика? Мы ж ему толковую охрану обеспечить не можем, а сколько будет тянуться следствие, одному Богу известно. Ведь уберут свидетеля. Тем более такого.

— Хорошо, я подумаю, как это сделать. Но с Павлом Ивановичем ты уж сам договорись, и машина у тебя есть. А я пока прикажу тех ко мне доставить.

— Вячеслав Иванович, — в комнату заглянула Галя, — ребята там секретный сейф обнаружили.

— Да ну? — удивился Грязнов. — А зачем он ему

был нужен?.. Ну, ладно, сейчас. — И сказал в трубку: — Договорились, но сделай это, пожалуйста, аккуратно, чтоб старик потом не пострадал. Есть у тебя такое помещение, чтоб он их увидел, а они его нет?

— Придумаем что-нибудь.

• 3

Вечером члены группы собрались в номере Турецкого, чтобы подбить итоги первого дня работы. Их оказалось, на удивление, не так уж и мало.

Во-первых, обозначились подозреваемые в исполнении убийств, трое из которых, не исключено, находятся в настоящее время в бегах.

Во-вторых, появились веские основания для соединения расследования трех эпизодов убийств в одном производстве.

В-третьих, Закутский без труда опознал в охранниках Старостенко и Лютикове тех патрульных милиционеров, которые примчались во двор бывшего обкомовского дома якобы по его вызову.

С этим опознанием, кстати, произошла своя история, хотя и достаточно короткая.

Как договорились с Грязновым, Владилен Старков нашел-таки на удивление простой способ. Он приказал в одном из кабинетов, отгороженном от соседнего стеклянной перегородкой, эту самую перегородку затянуть на высоту человеческого роста противосолнечной пленкой. Ее в отделе было достаточно, и пленкой этой пользовались обычно летом, когда солнце палило нещадно и в кабинетах было невозможно работать, несмотря ни на какие вентиляторы и сквозняки. Теперь в одном кабинете половина стены блестела, как зеркало, а из второго можно было спокойно наблюдать за происходящим у соседей. После этого полковник приказал своим сотрудникам надеть похожую униформу, также имевшуюся в отделе, а затем по трое — один охранник, привезенный

из следственного изолятора, и двое сотрудников угрозыска — рассаживались вдоль стены. Пригласили и двоих понятых — женщин, проходивших по улице. Тем все это было в диковинку, и они робко молчали.

Павел Иванович, едва только подошел к переговорке, сразу указал пальцем на блондина, сидящего справа.

Потом эти вышли из кабинета, а их место заняла следующая тройка. Но в ней Закутский никого не узнал. А вот в третьей тройке он обнаружил второго «сотрудника» патрульно-постовой службы.

— Оба, голубчики, — удовлетворенно сказал он. — А остальных я не знаю. Значит, они уже арестованы? И им предъявлено обвинение?

— Сейчас мы с вами и с понятыми подпишем протоколы опознания данных лиц, затем с благодарностью отпустим женщин, которые оказали нам помощь, а потом я вам, Павел Иванович, объясню, что к чему.

Когда процедура составления протоколов была завершена и посторонние покинули помещение, Старков продолжил:

— Они пока взяты под стражу, Павел Иванович, но обвинение им еще не предъявлено. А ваше участие поможет нам в дальнейшем вести с ними куда более жесткую работу, чем они сами сейчас, вероятно, предполагают. А вам, как человеку лично мне давно и хорошо знакомому, я могу добавить, но пусть это пока остается между нами, да?

— Разумеется, Владилен Егорович, уж на меня-то вы всегда можете рассчитывать!

— Этим двоим, опознанным сейчас вами, как, впрочем, и третьему тоже, может быть предъявлено в конечном счете обвинение в убийствах акционеров химкомбината.

— Вон даже как! — Закутский явно не ожидал такого поворота. — Быстро вы, однако!

— Да это не совсем мы, к сожалению. Москвичи

приехали, опытная бригада, которой все наши иерархи, как говорится, до одного места.

— А вот в наше время... — словно воспрянул старик, но Старков вежливо остановил бывшего секретаря крайкома.

— В то время, Павел Иванович, и проблем таких не было — кому владеть комбинатом! Ведь так?

— Ах, да что теперь говорить? Воду в ступе толочь... Отвратительно это все, Владилен Егорович. Я и телевизор не могу смотреть без сердечной боли...

Вот так, фактически каких-то двадцати минут хватило на всю операцию, ну, плюс переодевания и доставка задержанных из следственного изолятора.

Охранники, конечно, догадались, зачем их привозили сюда, но на их вопросы никто не отвечал — пусть еще помучаются. Дойдет и до них очередь.

Об этом Грязнову рассказал Старков, ну а уж Вячеслав Иванович поведал собравшимся сыщикам все подробности прошедшего дня, избавив заодно и Галю от рассказа о ее беготне. И в этой связи предложил сделать следующий шаг, но только завтра с утра.

Ввиду того что сотрудники отдела вневедомственной охраны ведут себя слишком самостоятельно и вовсе не отягощены служебными обязанностями, самое время взять за жабры их организацию, более похожую на организованную преступную группировку. И в первую очередь — начальника отдела полковника Медведева. Как еще днем заметил Влад Старков, у Андрея Константиновича прямо-таки приятельские отношения с Юрием Петровичем Киреевым. Возможно, по этой причине его сотрудники чувствуют полную безнаказанность и ничем не отличаются от обыкновенных бандитов. Оружие, «мигалки» на автомобилях — самостоятельные ребятки...

— Да, кстати, — напомнил Грязнов, — надо бы еще раз, и теперь уже максимально тщательно, обыскать «девятку», стоявшую в киреевском гараже. Не

исключено, что именно ею пользовались и Игнат Ру-
сиев, и задержанные охранники.

— Сделаем, не ночью же ехать? — возразил
Рюрик.

— Будем надеяться, что за ночь возможные улики
из машины не исчезнут, — пожал плечами Грязнов,
но настаивать не стал. Было действительно поздно, а
люди за день устали.

— А что, есть какие-то особые улики? — Настыр-
ным все-таки был этот Елагин.

— Да вот Галя нашла магазин, где Трегубова по-
купала продукты. Там ее легко опознали — было
поздно, народу немного, да и знали ее там. Слушай,
Галина, а что я за тебя говорю? Ты бегала, ты и рас-
сказывай!

Присутствующие засмеялись, а Галя даже не-
много обиделась.

— Да вы сами же мне слова не даете!

Но Грязнов, увидев на лицах улыбки, лишь мах-
нул рукой и разрешил:

— Валяй, пока тут только свои...

И Галя рассказала, как обежала всю округу с фо-
тографией Трегубовой. И в одном небольшом мага-
зинчике, скорее павильончике, женщину узнали. И
не только узнали, оказывается, девушки-продавщицы
уже слышали страшную историю, как их знакомую
покупательницу не то зарезали, не то задушили гра-
бители. Так же дружно девушки стали вспоминать, за
чем приходила женщина. Она взяла килограмм апель-
синов, пачку краснодарского зеленого чая и банку
кофе. Про последнее долго спорили, сошлись на кофе
«Гранд», который часто рекламирует по телевизору
несравненный Ивар Калнынын. А еще она купила
полкило конфет «Мишка косолапый», которые редко
привозят из Москвы, и они были только у них. А
уходя — она очень торопилась и была взволнована,
это все заметили, — женщина небрежно кинула чер-
ный кошелек сверху, в синий целлофановый пакет.

Девушки еще подумали, что зря она так, ведь это подарок любому воришке... А вон как оно все, оказывается, обернулось...

По свидетельству Закутского, рядом с убитой валялись несколько апельсинов и обрезок трубы. Никакого пакета не было. Вот почему, к слову, и кошелька при ней не оказалось — значит, он был в пакете, который подхватил и увез с собой убийца. Ну а уж раскатившиеся апельсины он собирать не стал, побоялся, что его увидят. Это за него сделали охранники, которые были, видимо, где-то рядом. Если не в той же машине.

Собственно, картина убийства Трегубовой теперь прояснялась.

Подслушивающее устройство, найденное в сумочке секретарши губернатора, положил туда Игнат Русиев, больше некому. Он же, вероятно, и прослушивал все разговоры Турецкого с Лидой в дальнейшем. И вот тут у Александра Борисовича возникла идея узнать у вдовы, что ей известно о гибели мужа. Видимо, вдова что-то знала, иначе бы ее не стали так торопливо убивать. Вдова сказала, что выйдет в магазин, потому что в доме шаром покати. И этот вариант бандитов вполне устроил. Но перехватить женщину они смогли только на обратном пути, надо ж было еще доехать до нее. Игнат окликнул Лилию Петровну, и она его, естественно, узнала. Как узнал его перед смертью и Анатолий Яковлевич. Ну а дальше дело техники. Сделав свое черное дело, Игнат затопился. И, вероятно, поэтому охранники Старостенко с Лютиковым решили его подстраховать. Но они появились у трупа, когда там уже находился Закутский. Да и еще какие-то люди выходили из подъезда. Словом, собиралась толпа, которую и обнаружили на подходе к дому Турецкий с Лидой. И охранники, слыша сирену приближающейся милиции, немедленно смылись. Унося, надо полагать, с собой рассыпанные апельсины и орудие убийства.

Версия была бы абсолютно гладкой и безупречной, если бы нашлись вещественные подтверждения. А они могут находиться только в машине.

— Может быть, все-таки стоит съездить? — задумчиво спросил Рюрик.

— погоди, — перебил его Поремский, уже доложивший о своих «подвигах» и выслушавший отчет Елагина, — ты же говорил, что вы осмотрели все машины, так?

- Ну .

— Значит, хозяева уверены, что обыск произведен, протокол составлен и к этому вопросу никто больше возвращаться не станет, верно?

— Предположим.

— А раз это так, значит, они не будут предпринимать никаких действий и с машинами. Ни бардачки очищать, ни пепельницы. А завтра с утра вы обнаружите в пепельнице обертку от того же «Мишки косолапого», и пусть они потом рассказывают, как она там оказалась. Покажут, где купили, когда и так далее. К примеру, могут оказаться и другие вещдоки, на которые вы, не имея точной информации, просто не обратили пристального внимания. Вплоть до апельсиновой корки, той же пачки зеленого чая или банки кофе из магазина с отпечатками пальцев. Так бывает. Я помню, у меня случалось, что повторный обыск, когда ты уже твердо знаешь, что искать, приносил куда больший результат. Ты по этому поводу особенно не переживай.

— Володя прав, — подтвердил Турецкий. — Оставим до утра. А теперь и я вам кое-что расскажу...

Александр Борисович встречался с бывшим директором химического комбината. Савельев не хотел идти на комбинат, хотя там все еще имелось множество дел, которые ему следовало бы, по правде говоря, передать новому руководителю. Но так как офици-

ально таковой еще отсутствовал, а директорские функции временно исполнял человек, к которому у Савельева никогда не лежала душа — его бывший заместитель по сбыту, сыгравший, кстати, весьма не красивую роль в его отстранении от должности, — о деталях Филипп Алексеевич рассказывать не хотел — короче, формальной причины появляться в дирекции у него не было. Однако поговорить с Турецким он согласился, но предложил сделать это в скверике напротив центральной проходной, возле также бывшей теперь Почетной доски работников комбината. Там стояли скамейки и никогда не бывало много народа.

По-своему логично, подумал Турецкий и принял предложение. Во всяком случае, «хвосту», если ему таковой приделали, спрятаться было бы негде — сквер просматривался насквозь.

А еще Александр Борисович убедился лишний раз, что неожиданное смещение с должности может резко изменить характер человека. Не так давно Савельев был крупным руководителем, от которого напрямую зависела жизнь миллионного города, причем не только величина его бюджета, но и совершенно конкретные судьбы людей. А сегодня, лишившись в одночасье своего поста, он превратился в обыкновенного, никому не нужного обывателя, о «звездных часах» которого никто не вспоминает. Конечно, оскорбительно. Поэтому, наверное, Савельев и не хочет смотреть в глаза бывшим товарищам, проголосовавшим на собрании против него. Или, что вернее, послушно выполнивших волю нового хозяина.

О том, как его снимали, Филипп Алексеевич рассказывать не пожелал, объяснив свой отказ невозможностью говорить объективно. Но, видимо, просто само воспоминание об этом было для него болезненным, и демонстрировать свои чувства постороннему он не хотел. А вот о причинах, приведших к конфликту на комбинате, готов был поведать.

Турецкий, еще в Москве познакомившийся с вер-

сией, которую в Костином кабинете изложил прокурор Южного Федерального округа Щукин, а затем выслушавший варианты той же версии «в исполнении» губернатора Шестерева, искренне удивился. Даже обидно стало от того, что его такие взрослые дяди держат за мальчика.

Да, основой конфликта, который привел к кровавым последствиям и заставил взбунтоваться целый город, послужило противостояние на химическом комбинате. Это слишком лакомый пирог, на часть которого мог претендовать фактически каждый из городских и краевых руководителей, не говоря о членах их семейств. Но ведь ни государственный служащий, ни тем более выборное парламентское лицо не должны заниматься частной коммерческой или финансовой деятельностью. К примеру, Государственная дума приняла такое решение в отношении депутатов, но ведь по жизни-то все как раз происходит наоборот. А что делается в регионах, тем более ни для кого не секрет. Депутатские мандаты покупаются, и что бы ни говорили, а население будет голосовать именно за тех кандидатов, на которых ему укажут «богатые дяденьки», либо бандиты, либо государственные чиновники. И ни о каком там свободном волеизъявлении никто не вспоминает. А такие депутаты нужны финансовым группам, олигархам, да тем же преступным группировкам для того, чтобы те «курировали» важнейшие отрасли экономики и, если угодно, местной политики.

При чем здесь химкомбинат? Савельев его назвал той каплей воды, в которой, образно говоря, отражается океан. Малая модель, где в «подковерной», а то и в открытой битве схватились, можно сказать, взаимоисключающие интересы финансовых группировок, осуществляющих строительство капитализма «на просторах Родины чудесной», как пели еще, кажется, совсем недавно...

Поначалу противостояние было, по словам быв-

шего директора, более-менее цивилизованным. Одни скупали акции, другие их продавали, создавались «пакеты влияния», но все эти акции не оказывали явного давления на экономику предприятия. Это было понятно и естественно — собственник хочет большей отдачи от своей собственности. И собрание акционеров, среди которых были как работники комбината, так и люди, не имеющие к нему прямого отношения, проводило правильную, в общем, политику — нужную обществу и полезную государству.

Но с какого-то момента начался процесс передела собственности. Непонятные люди — вероятно, подставные лица с явными уголовными замашками — стали в буквальном смысле осаждать акционеров, предлагая — опять же, пока «предлагая»! — продать им свои акции. С согласными никаких проблем не возникало, а с теми, кто отказывался, поступали довольно круто — еще не убивали, нет, но жизнь делали, мягко выражаясь, невыносимой. Угрожали семьям, поджигали дачи, устраивали автомобильные аварии, портили машины. Жаловаться и искать правду люди боялись. Видя такую ситуацию, некоторые поставщики сырья для химкомбината, прежде верные и честные компаньоны, начали срывать поставки, находить тысячи причин для неисполнения утвержденных ранее договоров. В общем, атмосфера и вокруг комбината, и на нем самом, в трудовом коллективе — а это тысячи людей! — сложилась крайне тягостная и взрывоопасная.

И тут обнаружилась одна деталь, которая неожиданно словно высветила возможные причины ухудшения обстановки на производстве и общей атмосферы в городе.

Дело в том, что сорок восемь процентов акций предприятия принадлежали дочери покойного ныне директора комбината, предшественника Савельева — Сергея Николаевича Камшалова. Точнее, после его

смерти от рака эти акции по наследству перешли к его дочери Насте.

— Рассказывать о ней я не буду, Александр Борисович, — заметил Савельев, — но если хотите узнать как можно больше об этой истории, советую пообщаться с ней. Возможно, она с вами будет откровенной.

— А что она собой представляет? Как с ней беседовать?

— Дама тридцати лет от роду, была недолго замужем. Но характером обладает отцовским — решительная, отчасти упрямая, своевольная. Ну и... симпатичная. Многие искали к ней подход, но повезло какому-то москвичу, по слухам, сбежавшему через год. Поинтересуйтесь, она может рассказать немало любопытного.

— Ну, например?

— Скажем, о том, как на ее акциях схлестнулись интересы дяди и племянника Киреевых и что из этого потом вышло. Но я, Александр Борисович, сплетен и слухов не люблю, стараюсь ими никогда не пользоваться, а вот Настя наверняка догадывается, из-за чего и когда разгорелась война, которая сегодня достигла своего пика.

Савельев помолчал, словно обдумывая сказанное, и закончил на том, что идти на комбинат им совсем не обязательно. Уже прощаясь, Филипп Алексеевич с нотками извинения в голосе сказал, что сам факт его снятия на собрании акционеров выглядел настолько оскорбительным, что у него пропала всякая охота встречаться с теми людьми. Хотя он может честно признаться, что гибель — ну, пусть пока исчезновение — семерых людей, близких ему в прошлом по духу, по сути предавших его, не вызывает у него глубокой печали или чрезмерного сочувствия. Нет, все в пределах, так сказать, гражданской нормы. Семьи, конечно, не виноваты, их жаль. И, разумеется, он не сторонник столь радикальных «наказаний», но если

уж говорить откровенно, то в этом акте просматривается какое-то проявление вселенской справедливости. Зло-то в конечном счете должно быть наказано или нет?

Бывший директор, конечно, высказал странное признание, но оно не заставило Турецкого заподозрить в чем-то Савельева. Его можно было понять. Если еще, естественно, и принять во внимание его своеобразную трактовку применения «гражданской нормы».

Вот ведь так и случается в иной ситуации. Кто-то обижает тебя, откровенно портит жизнь, гадит по-черному, причем не по делу, а просто по каким-то своим, неизвестным тебе причинам. Зло в твоей душе копится, разгорается и наконец достигает такого градуса, что ты, и это самое страшное, однажды как бы срываешься с резьбы и искренне желаешь обидчику смерти. Ну то, что это не по-божески, как говорится, и ежу понятно. Оно даже, по большому счету, и не по-человечески. Но — бывает такое, ничего не поделаешь. И вот проходит какое-то время, и с обидчиком твоим случается беда. И неважно, поскользнулся ли он и разбился до смерти, либо машина его сбила, молния по башке ударила, он простудился под дождем, покашлял и помер. Нет его больше на белом свете. А ты успокоился? Враг получил заслуженное, по твоему убеждению, наказание. Задумайся в этот момент — действительно «черный» у тебя глаз или ты в приступе самомнения сам так решил? Опасная игра с судьбой — брать на себя такую роль. Или не очень? Нет уж, пусть каждый решает сам за себя...

Они расстались, возможно, несколько более сухо-вато, чем было необходимо — справедливости ради. Но Турецкий понял, что надо обязательно найти эту загадочную акционершу, возможно, она и в самом деле знает какой-то секрет, который поможет вскрыть пружины преступлений.

И еще запомнился намек на драчку, разгоревшую-

ся между дядей и племянником. Это странно, так как Александр Борисович только что своими глазами рассматривал фотографию, на которой именно оба Киреевых вместе с губернатором с одинаковой показной печалью провожают в последний путь того, кого сами же, надо понимать, и отправили к праотцам. Ну что за город?! Что за люди?!

Как там у Булгакова? Люди как люди, только их испортил квартирный вопрос. Кажется, так. Тогда был квартирный вопрос, а сейчас что? Ну да, конечно, с квартирами они уже решили...

Неожиданный философский настрой Александра Борисовича был понятен окружающим. Но реально на завтра уже обозначались конкретные направления дальнейшего расследования. Это радовало. Однако возникли и почти непреодолимые трудности.

После подробной информации Володи Яковлева Турецкий с Грязновым пришли к ожидаемому, впрочем, выводу, что фактически все, за малым исключением, местные правоохранители и силовики начинают им ставить палки в колеса. А они рассчитывали хотя бы на нейтралитет с их стороны — так, во всяком случае, полагал и Щукин. Но они ошиблись. А значит, и на батальон солдат для прочесывания местности в поисках спрятанных людей или, скорее, трупов рассчитывать пока нельзя. А своими усилиями с такой задачей справиться нереально. Остаются исполнители. Вот на них и надо сосредоточить все внимание в первую очередь.

Грязнов сообщил, что уже созвонился с Питером, подробно переговорил с нынешним начальником ГУВД Виктором Гоголевым и проинструктировал его относительно Игната Русиева. Виктор, в свою очередь, попросил узнать из прошлых уголовных дел Игната все, без исключения, его связи по стране — с кем сидел, когда, сколько и так далее. Словом, без этой оперативной информации не обойтись. Но при этом Гоголев обещал своим друзьям — впрочем, тоже

не в первый и далеко не в последний раз — приложить максимум усилий. Звучало, может, и с долей иронии, но они слишком хорошо знали Виктора Петровича, чтобы не сомневаться ни на йоту в его уверениях.

Хорошо, что с этим вопросом они разобрались. Но вот где искать остальных преступников?

Ни Турецкий, ни Грязнов ни слова не сказали о необходимости расследования именно их группой убийства Трегубовой, это теперь как бы подразумевалось само собой? Значит, и дело, которое возбуждено районной прокуратурой, надо было забирать в свое производство. Все же понимали, что убийства мужа и жены тесно связаны между собой. И Лилия Петровна определенно знала, за что убили ее супруга. Доказательство тому сегодня обнаружено в секретном сейфе Анатолия Юрьевича. Это были акции химического комбината. Получается так, что он тоже имел непосредственное отношение к переделу собственности. Правда, это обстоятельство еще не указывало на нечистоплотность помыслов Трегубова, да и хотелось ему искренне верить. Грязнов отлично помнил его по прошлым временам как честного и ответственного человека. Турецкий, также общавшийся с Трегубовым, когда он приезжал в этот город для расследования одного важного дела, но знавший о начальнике ГУВД больше по словам Славки, верил другу. Нет, им не хотелось разочаровываться в человеке, которого уважали. А факты? Их еще надо доказывать...

Вот так, наметив себе первоочередные планы на следующий день, группа сыщиков получила разрешение своего начальства расходиться по домам. Галя с Яковлевым отправились на Портовую, где их ожидал домашний уют и скромный ужин, а Елагин с Поремским — в свою гостиницу, на окраину города. Правда, уже на выходе, Поремский мельком заметил, что должен позвонить по одному номеру, и на вопроси-

тельный взгляд Рюрика небрежно отмахнулся — мол, так, мелочи жизни.

— Ты, — добавил он, — поезжай, а я подгребу чуть позже. Ужинай без меня.

— Ах, — с сарказмом отметил Елагин, — ты полагаешь, что тебя там еще и накормят? По-моему, это пахнет превышением полномочий, статья двести восемьдесят шестая УК — до трех лет, старик!

— При чем здесь это?! — деланно возмутился Владимир.

— Да нет, — засмеялся Рюрик, — просто ты сейчас, как тот солдатик: «Дамочка, не дадите кружечку воды испить, а то так жрать хочется, что переночевать негде». Смотри не перенапрягись! Не надорвись, друг! Как я понял, шеф именно на тебя хочет «повесить» ту акционершу.

— Почему это ты так решил? — с подозрением спросил Владимир.

— А кто у нас главный ходок? Не самому же шефу братья, извини, за столь низменное дело — охмурять местных миллионерш! Для этого у него имеются уже проверенные кадры.

— Иди, иди! — самоуверенно и без всякого смущения бросил ему в ответ Поремский. — Тоже мне советчик!..

4

Портье в '«Кубани», у которого Владимир спросил, как проехать на Портовую улицу, немедленно поинтересовался, какой номер дома ему нужен. Поремский удивился, какое это может иметь значение? Но портье охотно и вежливо объяснил, что улица — длинная, и если этого не знать, можно потерять много времени. Лучше проехать вдоль набережной реки несколько остановок на автобусе.

Володя подумал и назвал начало улицы, объяснив, что ему нужен один из первых домов, а номер он не

помнит, но на месте сориентируется. Портье ответил, что туда лучше взять такси. Собственно, городские пятиэтажки начинаются где-то с двадцатого номера, а все, что до них, то обычные окраинные хаты, окруженные садами, даже асфальта там нет — «станишники», одним словом. Похоже, толково объяснил. У Владимира уже чуть было охота не отпала ехать в такую даль, куда даже городской транспорт не ходит. Тем более когда была почти ночь на дворе. Но жажда приключений, а главным образом возникший перед внутренним взором облик улыбчивой, приятной женщины, в глазах которой плескалось бескрайнее море обещаний, толкнули его на «подвиг».

Если бы не некоторое ослепление момента, Поремский наверняка обратил бы внимание на то, с какой иронией поглядел ему вслед портье. И еще больше его насторожило бы, что портье, проследив, как за молодым человеком задвинулись автоматические стеклянные двери, поднял телефонную трубку и стал что-то объяснять абоненту.

Такси нашлось сразу. На стоянке у гостиницы стояло несколько разномастных машин, водители которых, собравшись в кружок, курили. На вопрос, кто свободен, все, перебивая друг друга, спросили, куда ехать. Владимир ответил — на Портовую. И понял, почему народ тут же уточнил: какой номер дома нужен? Ответил, в начале улицы. И все сразу заскучали. Наконец вызвался один молодой парень. Скоро выяснилось, что нежелание ехать было у большинства водителей вызвано тем обстоятельством, что ночью на обратного пассажира там рассчитывать было практически невозможно, а гонять порожняком в городе, видно, не привыкли.

Парень заломил цену — сто рублей. А Поремский не раздумывая согласился. Водителю ничего не оставалось, как садиться за руль. И всю дорогу, которая оказалась действительно долгой, сумрачно молчал: скорее всего, переживал, что не запросил больше.

Наконец закончился асфальт с его многочисленными выбоинами, и колеса зарокотали по гравию. Фонари не светили — то ли энергию здесь сэкономили, то ли их вообще не было. Как сейчас жалел Поремский, что у Светланы не было телефона! Ведь он запросто мог притащиться в такую даль и оказаться у запертых дверей. Почему это он вдруг решил, что она с нетерпением ждет его? Закралась даже малодушная мысль — плюнуть на ночную авантюру и вернуться в гостиницу, пока шофер не высадил его — вот уж обрадуется!

Но настойчивость, которую Рюрик иногда называл ослиной, причем не профессиональное умение доводить каждое серьезное дело до логического завершения, а вот такая, бытовая «упертость» пересилила. И когда водитель остановился и спросил, какой номер нужен конкретно, Поремский отдал ему сотенную и вышел, сказав, что дальше найдет сам то, что ему нужно. Машина немедленно развернулась, осветив фарами длинную череду заборов из штакетника, и умчалась. Да, ситуацию глупее, пожалуй, не придумаешь, сказал себе Владимир и отправился вдоль бесконечного забора в поисках любого номера, чтобы с него начать отсчет.

Вопреки сомнениям, он сразу вышел на номер восемь, прибитый к калитке, и понял, что десятый номер — следующий. Нечетные дома стояли на противоположной стороне.

Темное одноэтажное строение, со слабо светящимися окнами, вероятно, и являлось тем домом, который ему требовался. Нет, все-таки еще не совсем стемнело, и Владимир быстро отыскал калитку. Толкнул, затем сунул руку в щель между штакетинами, нащупал задвижку, открыл. По ступенькам поднялся на крыльцо и понял, почему свет такой слабый — в доме смотрели телевизор.

Владимир постучал, и скоро на крыльце вспыхнул

такой яркий свет, что он даже зажмурился. Из-за двери раздался мужской голос:

— Кто там? Кого нужно?

— Простите, Светлана здесь живет?

— Светка? — удивился голос. — Слышь, к тебе кто-то!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Светлана. На ней был легкий, явно тесноватый ей халатик, который вызывающе подчеркивал женские формы, и домашние тапочки без задников.

— Вы-ы?! — изумилась она. — Какой сюрприз! — Но по ее глазам было видно, что она его очень даже ждала.

— Еще раз извините, Светлана, — начал оправдываться Поремский, — я ведь утром не спросил вашего отчества.

— Зовите меня просто Светой, я привыкла. Ой, да заходите ж! — Она отодвинулась, пропуская его мимо себя, и он, проходя в тесный коридорчик, просто не мог не задеть своей грудью ее бюста, и почувствовал, как его словно качнуло к ней.

Получилось как-то нахально с его стороны, но в глазах у Светланы блеснул игривый огонек, и неудобство вмиг исчезло.

В комнате перед телевизором сидели пожилые мужчина и женщина, вероятно, отец и мать Светланы, которые смотрели на непрошеного гостя с подозрением. Но она сразу прояснила ситуацию.

— Я уж, честно говоря, и не думала, что вы приедете. Дела, да?

— Разумеется, только что удалось освободиться. Совещание закончилось буквально полчаса назад. Да я еще и вашего города не знаю. И без телефона вы...

— Мама, папа, это товарищ из Москвы. Он приехал по делу, о котором вы слышали.

— Очень приятно. Владимир, — представился Поремский.

Родители невнятно пробормотали, что, мол, не

стоило бы дочке вмешиваться в такие дела, которые до хорошего не доведут.

— Извините, Светлана, давайте вернемся к нашему утреннему разговору...

— Ах, ну да, конечно! — с готовностью ответила она. — Где нам будет удобнее беседовать? Здесь или?..

— Давайте не будем мешать смотреть телевизор, а выйдем куда-нибудь?..

— Конечно! Можно во дворе, в курене, я только накину что-нибудь на плечи.

— Сидели б у хаты, — проворчал отец, — ничь на дворе...

— Ну, зачем же мы будем мешать вам своими разговорами? Да и времени у меня немного, — сказал Поремский. — Спасибо, мы сейчас переговорим на коротке, и я уеду к себе в гостиницу.

— То ж на чем? — без интереса спросил отец.

— Я на такси приехал, опять поймаю.

— Я провожу его, — быстро добавила Светлана.

— Як хочите,. — махнул рукой отец и отвернулся к телевизору, где шел какой-то фильм на украинском языке.

Повинуясь жесту Светланы, Владимир поклонился и вышел следом за ней. В коридоре она накинула на плечи пальто и призывно мотнула головой в сторону улицы.

В темноте они прошли по узкой дорожке к небольшому строению, напоминавшему сарай, откуда пахло куриным пометом. У Поремского мелькнула веселая мысль, что в курятнике он с дамами дел еще никогда не имел. Что ж, всему, выходит, свое время. Но он ошибся. Сарай был сараем, а куренем Света называла небольшую пристройку с задней стороны дома — нечто вроде летнего помещения, которое на юге обычно сдают приезжим отдыхающим.

В курене стояли старый диван, небольшой шкаф, стол и несколько стульев, то есть весь необходимый

минимум мебели для любого нетребовательного к уюту отпускника советских времен.

Светлана быстро закрыла на ключ дверь, зажгла тусклую лампочку, свисающую с потолка на витом проводе, и задернула плотные занавески. Затем сбросила на стул пальто и повернулась к нему. При этом халатик ее натянулся до такой степени, что казалось, еще мгновение — и полетят пуговицы во все стороны. Разве можно было позволить такое? А как же она потом домой пойдет? И что скажут родители, увидев ее, вернувшуюся, в халате без единой пуговицы?..

Он только вытянул к ней руки, слегка разведя их в стороны, а больше ничем не выдал своих намерений. Но и этого оказалось для нее вполне достаточно...

Сперва они истово состязались, категорически не желая уступать друг другу, чьи тиски крепче и чей затяжной поцелуй слаще и жарче. Затем со все возрастающим темпераментом они продолжали взаимно открывать тайны собственных тел. И, наконец, когда неутомимый спортсмен Владимир Поремский, как и положено борцу среднего веса, перевел свою неукротимую партнершу в партер — по той же борцовской терминологии, — вот тут уж действительно все смешалось. Где верх, где низ и кто на ком...

А когда во время краткой передышки Владимир обнаружил, что он и его подруга лежат в самом что ни на есть первозданном виде на смятой и крученой-перекрученной белой простыне, он как-то даже не смог вспомнить, в какой момент эта простыня, вообще-то, появилась. Нельзя отключаться или терять ощущение реальности, подумал он. Однако женщина и тут дала ему фору, отчего он немедленно ринулся в новую схватку и вскоре снова окунулся в призрачный, раскачивающийся и истово скрипящий, стонущий мир, в котором и забылся окончательно.

В середине ночи — так, во всяком случае, Владимиру показалось — Светлана накинула на обнажен-

ное тело пальто, отперла дверь и тихо выскользнула куда-то. И вскоре вернулась с большим кувшином и кружкой в руках.

— Это что, смертельный яд? — не имея уже сил, попробовал пошутить он.

— А ты попробуй, — засмеялась она. — Мертвых на ноги поднимает!

Это было черт знает что — то ли густое вино, то ли медовая настойка на травах, то ли все, вместе взятое. Но, только начав, Владимир с наслаждением единым махом выпил большую кружку и сказал, чтоб Света далеко кувшин не уносила. И до самого наступления утра они по очереди приникали то к кувшину, то друг к другу, пока не осушили до дна и кувшин, и себя. Но, самое поразительное, Поремский не чувствовал больше никакой усталости. Ну разве что обычная человеческая, мужская порядочность подсказывала ему, что если уж он на этот раз оказался столь крепким и выносливым, то слабой женщине сам Бог велел давать передышку.

Он попробовал сформулировать эту мысль, хотя всего, что касалось слабости, Света категорически не хотела принимать и по-прежнему тянулась к нему. Что ж, похоже, они нашли друг друга. Оставался последний козырь: мужчине следовало уйти до того момента, когда проснутся родители и соседи, ибо компрометировать незамужнюю женщину Владимир не собирался. Вникнув в смысл сказанного, Света, кажется, почувствовала себя на вершине блаженства — замечательный кавалер еще и заботится о ее репутации! «Господи, есть же еще такие мужчины!» — без труда прочитал Владимир в восхищенном взгляде женщины. Ну, теперь-то тем более нельзя было ронять своего престижа.

Несмотря на ее слабые протесты, быстро одеваясь, он не преминул этак ненавязчиво продемонстрировать женщине кобуру с пистолетом, которую привычно закрепил под пиджаком на ремнях оперативной

сбруи. Заметил ее почтительный взгляд и подмигнул со значением.

— Ох и страшный! — засмеялась она.

— Положено, — коротко ответил Поремский.

Уже во дворе Владимир плеснул себе на лицо пару горстей холодной воды из водосточной бочки, смочил волосы, причесался и повернулся к Светлане, которая тоже надела халат, сунула руки в рукава пальто — прохладно все-таки — и смотрела на него с ожиданием. Чего? Повторения? Условий новой встречи?

— Мы ведь так и не поговорили, — сказал он, пряча глаза.

— А надо было? — наивным тоном спросила она.

— Дело в том, что я хотел...

— Ну и получил, чего хотел, — спокойно ответила она. — Когда еще захочешь, приезжай. Я рада буду. Только не надо так поздно, а то мама с папой сердчают, я ж видела.

Она была проста, как чистое стеклышко. И мысли с желаниями у нее такие же ясные и откровенные. Какие могут быть сомнения в ее искренности? А может, так оно и должно быть? Поремский усмехнулся и, не стесняясь случайных свидетелей, крепко поцеловал ее. Так крепко, что она едва устояла на ногах, только прерывисто охнула.

Светлана хотела проводить его, как она сказала, «до асфальта», но Владимир сказал, что сам доберется. Еще раз обняв ее уже перед калиткой, он спокойным шагом отправился по пустынной улице в сторону города.

Но это только казалось, что улица пустынна. Нет, прохожих не было, но в сотне метров впереди стояли «Жигули» шестой модели и из-за приспущенного стекла заметно выползала струйка табачного дыма. Правда, не со стороны водителя, а справа. Значит, там уже был пассажир. Жаль, а то можно было бы прокатиться до гостиницы.

Подойдя ближе, Владимир увидел, что в машине двое. И когда он миновал ее, сзади окликнули:

— Эй, парень, не беги, побазлать надо!

Какое-то нехорошее чувство появилось у Поремского. Он обернулся и увидел, как у машины разом открылись обе дверцы и из них выбрались двое верзил — даже странно, что они помещались в этом «Жигуленке». Они неторопливо, словно отходя от длительного сидения в неудобной позе, побряхтывали, расправляя руки чуть в стороны. И собирались они, скорее всего, не базлать, а устроить с ним маленькую разборку. Они ничуть не сомневались в своих возможностях и потому криво улыбались, как улыбаются бандиты, видящие перед собой трясущуюся от страха жертву, которая никуда от них убежать не может. Да и вообще, о чем говорить, если у него только ноги, а у них колеса? Не поймут, так задавят. А улица — широкая, пустая, и бежать ему некуда.

Почувствовав холодок, проскользнувший по спине, Поремский не стал ждать, когда те подойдут совсем близко — их намерения были очевидны.

— Не спится, парни? — крикнул он, останавливаясь и поворачиваясь к ним. — Или сторожите кого?

— Да вот по твою душу, — некрасиво ощерился тот, что был справа — с бритой до блеска круглой головой и пудовыми кулаками, которыми он недвусмысленно постукивал один о другой.

— По мою? — удивился Владимир. — А на хрена я вам сдался?

Ему не хотелось вступать в конфликт. Да и настроение было не драчливое. Он чувствовал в себе поразительную легкость и подумал, что, может, все еще и обойдется.

— А чтоб ты, сука ментовская, по чужой земле не шлялся, усек? Чего тебе в Москве не сидится? Чего ты здесь вынюхиваешь?

— Пустые вопросы! Отдыхайте лучше, рано еще, — скучно ответил Поремский и сделал движе-

ние, чтобы повернуться и идти дальше, но его остановил уже наглый, повелительный окрик:

— Не торопись, базар не кончен.

Эти молодцы были действительно уверены, что он никуда от них не денется, а базар — это так, вроде разминки. Нет, просто так разойтись не удастся, придется обострять отношения, решил Владимир.

— И кто ж это вас послал, таких раздолбаев, следить за мной?

— Смотри, сам нарываешься, козел! — с удовольствием констатировал лысый. — А у него поджилки трясутся, ага? Боишься, шкура ментовская?

— Не, погоди, — тронул его рукой второй, черно-волосый, но одетый тоже в спортивный костюм. — Он, кажется, не понял. Он решил, что мы шутим, Кулек, да? А мы разве шутим?

— Кончайте трепаться, кульки, — поморщился Поремский. — Кто вас послал?

— А тебе это надо? — засмеялся лысый.

— Мне — надо, — твердо сказал Поремский, ставляя ноги на ширину плеч. — Должен ведь я вашему хозяину позвонить, чтоб он за вами «скорую» прислал, как вы считаете? Так кого будить? Юрия Петровича Киреева? Или Федора Алексеевича Шилова?

— Ну, дает! — уже заржал лысый, многозначительно хлопая кулаком в раскрытую свою ладонь. — Смотри, сколько знает! Да как же его после этого живого отпустить?

— Ну, короче, ребятки, вы как знаете, а я вас предупредил. И в воздух стрелять меня не учили.

Поремский обманчиво медленно сложил руки на груди, затем ловко выхватил из подмышечной кобуры пистолет, вмиг оттянул затвор и не целясь выстрелил под ноги лысому. В воздухе сухо трахнуло, Кулек невольно подпрыгнул и растерянно уставился на Владимира.

— Ты че делаешь, гнида? — взревел черноволо-

сый, но следующий выстрел выбил фонтанчик уже у его ног, заставив отступить.

— Следующий — по ногам, — негромко предупредил Поремский и чуть приподнял пистолет. — Ну так что, не хотите колоться? Ладно, ребятки, ваше дело, но советую на глаза мне больше не попадаться. И номер у своей тачки смените, этот я уже срисовал.

Он медленно сунул пистолет обратно в кобуру, повернулся к ним спиной и спокойно, хотя все внутри подсказывало ему, подталкивало, что надо исчезнуть как можно быстрее, пошел дальше. Не оборачиваясь прислушался, задерживая дыхание, — шагов за спиной не услышал. И машина тоже не урчала.

Потом, уже через два десятка шагов, Порбмский почувствовал, как у него онемели руки, и сунул их в карманы. Вот в такой, почти мертвой тишине еще не проснувшегося города, остро лова каждое возможное движение за спиной, он и прошел расстояние до первой автобусной остановки, где можно было остановиться хотя бы попутку. И ни разу не обернулся. Чем, вероятно, и вызвал растерянность у тех бандитов. Наверно, им велели только хорошенько отделать его, чтобы напугать. А вступать в перестрелку команды не было?

Но шутки шутками, а ведь кто-то их навел на его след. Не дай бог, еще Свету вычислят... А как ей сказать?

Владимир прикинул и так и этак и пришел к выводу, что виноват во всем тот хитромордый портье, который старательно пытался выпытать у него номер дома на Портовой улице. Но Поремский так и не «прокололся», и тогда за ним поспешили эти молодцы, но, видимо, потеряли из виду, а потом приехали сюда и стали ждать, когда он появится. И вот дождались на свою же голову.

А еще Поремский спрашивал себя: стал бы он стрелять в людей? Ну, под ноги — это старая страшилка, не больше, хотя и действует, но в основном

как фактор неожиданности. Все-таки с вооруженным ментом нахрапом не справиться. Да еще с таким, которому не надо отчитываться перед начальством за расстрелянную обойму, — так наверняка они подумали. И отстали же! Но это совсем не значит, что теперь они не постараются подкараулить его в каком-нибудь темном месте в другой раз.

Конечно, следовало бы проверить, кому конкретно служат бандиты, которым, как и их хозяину, не нравятся действия московских сыщиков. Они ж ведь не ошиблись, остановив именно его, выходит, уже знали в лицо. И на фамилии Киреева с Шиловым отреагировали однозначно, значит, скорее всего они из их команды.

Но, опять же подумал Поремский, обсуждать эту тему придется только с Александром Борисовичем, и лучше наедине, ибо никто, кроме него, не захочет понять, каким образом оказался на Портовой улице его сотрудник, да еще в часы, когда, по словам известного поэта, все чистое ложится, а все нечистое встает. Впрочем, в данном случае чистое успело проснуться, а вот нечистое вышло на большую дорогу.

В общем, про выстрелы поутру наверняка уже к обеду заговорят в городе. И хотя вряд ли бандиты станут хвастаться своей неудачей, предупредить Турецкого все равно придется. Он опытный человек и обязательно что-нибудь придумает.

5

Разбуженный Поремским, явившимся с повинной в начале шестого утра, Турецкий, вопреки уверенности Владимира, что все обойдется в лучшем случае изрядной порцией нравоучений, попросту растерялся, когда шеф вдруг захохотал. Отсмеявшись и вытерев ладонью глаза, Александр Борисович попросил еще раз столь же красноречиво изобразить, как

подпрыгивали изумленные бандиты, и только потом сделал многозначительный вывод:

— Ну, ты их достал, Володя, и они тебе своего позора не простят, эти, как их, кульки?

— Там был один — Кулек, здоровенный такой, а другого я не знаю как зовут.

— Да какая теперь разница!

— Но чего ж вы нашли здесь смешного? — почти обиделся Поремский. — Вынужденная самозащита, продиктованная недвусмысленной угрозой расправы.

— Это ты будешь объяснять в прокуратуре, когда тебе попытаются вчинить превышение должностных полномочий. Ты лучше с другим вопросом определись: какого беса ты там делал, на этой Портовой улице?

— Так у меня же там свидетель проживает, — возразил Поремский, — а разглашать фамилию я не собираюсь ради его безопасности.

— Его или ее? — ухмыльнулся Турецкий. — И потом, ты уверен в своем свидетеле? Она-то тебя не продаст?

— Я очень старался, шеф, не должна, — честно ответил Поремский.

— Впрочем, я думаю, что и кулькам твоим тоже нет особой нужды афишировать свой конфуз. Но с этой минуты я не принимаю больше никаких ваших отговорок, и Елагину это скажи. И к каждому из вас, включая и Славкиных сотрудников, отныне будут прикреплены по сотруднику ОМОНа в качестве личной охраны. Попробуйте только отказаться. А что в оперативности потеряете — это уже ваши заботы, сами виноваты. Ну, у Рюрика хоть другого выхода не было, он им всем там крепко насолил, а ты — уж извини. Девка хоть хорошая? Стоило рисковать?

— Она не девушка уже...

— Это понятно.

— Да нет, в смысле моя ровесница, за тридцать, я думаю, была замужем.

— Вот это хорошо, — серьезно сказал Турецкий, чем вызвал у Поремского недоумение. — А я как раз вчера, после того, как вы разошлись, все думал, какой подход найти к Анастасии Сергеевне.

— Это кто?

— Володя, ты невнимательно слушал. Видимо, по той причине, что мозги были направлены не на дело, а на... извини, понял? Настя Камшалова — владелица едва ли не контрольного пакета акций химического комбината...

— Не продолжайте, шеф, я вспомнил. Это из-за ее пакета акций и разгорелась борьба между дядей и племянником, так?

— Возможно, но это утверждает Савельев, который сменил на руководящем стуле Камшалова после его смерти и которого теперь изгнал Киреев, чтобы усесться самому. Не знаю, а чего не знаю, того и не обсуждаю. Но Савельев говорил, и, по-моему, искренно, что Москаленко со товарищи хоть и были на его стороне, однако в решительный момент схватки предали. Я напоминаю, он не винит их, но считает, что сама судьба в данном случае их наказала. Теперь видишь расклад? Киреев — с одной стороны, Москаленко — с другой, Савельев — жертва интриг. Но в центре всего — акции мадам, или мадемуазель, хотя вряд ли, кажется, и она тоже, как эта твоя «свидетель», побывала замужем. К чему я это все, ты не понял?

— Как мне представляется, в наказание за промах вы намерены поручить мне и душевную беседу с Настей Камшаповой? Неужели, шеф, в вас столько жестокости?

— Скажу честно, хотел я эту миссию взвалить на свои плечи. Но сейчас передумал. Если бабенка с фокусами, то там самое место тебе. И даже не думай

отказываться. К сожалению, я вынужден оставаться вне всяческих подозрений, ибо тогда некому будет защищать вас. В то время как небольшое добавление к твоей уже устойчивой славе ходака мирового равновесия не нарушит. Как и не вызовет у людей умных непонимания. Я прав?

— Да, в общем, шеф... — с сомнением пробормотал Поремский.

— И в общем, и в целом, действуй.

На том и закончилась «шефская взбучка с нравоучениями».

После чего Турецкий дал Владимиру плед и велел ложиться спать на диване в гостиной, поскольку вид у важняка, несмотря на его показную бодрость и не прошедший еще азарт, был далеко не важный. Разве Александру Борисовичу следовало объяснять, как чувствует себя молодой человек после бессонной ночи с женщиной и утренней встряски? Короче говоря, Турецкий отправил Владимира на три часа спать, тем более что Камшаловой звонить раньше десяти утра было просто неприлично.

А в девятом часу, когда проснулся Грязнов и постучал в дверь номера Турецкого, чтобы пригласить друга окунуться в бассейне, который в отеле был выше всяких похвал, и затем позавтракать, Александр рассказал ему о ночной одиссее Поремского.

Грязнов тоже посмеялся — Господи, как им было все давно зйакомо! — а потом позвонил Шилову и договорился, что тот приставит к каждому участнику оперативно-следственной группы по вооруженному сотруднику ОМОНа.

— Это правильно, Саня, — сказал довольный Грязнов. — Мы убьем двух зайцев сразу. Помешать в работе нашим ребятам омоновцы не смогут, поскольку их дело — сидеть в машине рядом с водителем, а не присутствовать при допросах. И о чем пойдет речь, узнать они не смогут. Зато теперь никакая местная

шпана не посмеет и пальцем тронуть наших ребят, которые будут находиться, в сущности, под их же защитой! Хитро, ничего не скажешь. Уж если сам Шилов вынужден приставить охрану, значит, никакие шутки не принимаются. А то, что Федя и с ним все остальные заинтересованные лица будут знать, куда и к кому отправились сыщики, так они и так все знают, раз «хвостов» нам понавесили. Наоборот, у них теперь всякая нужда в слежке отпадет. Ну, что скажешь, разве мы не мудрые с тобой?

— Мы — очень мудрые, — усмехнулся Турецкий.

Глава пятая

ГОНКА ЗА ИСТИНОЙ

1

Словно догадываясь о том, что ему предстоит, Поремский отпустил машину с охранником, чтобы тот не маячил у подъезда шикарного дома, в котором проживали, как ему уже успели объяснить, многие важные и даже «крутые» люди города. Впрочем, это можно было определить по фасаду здания — на всех окнах стояли дорогие пластиковые стеклопакеты, подъезд охранялся, и рослый секьюрити сначала потребовал у Владимира удостоверение, а затем позволил в квартиру и, убедившись, что следователя действительно ждут, пропустил, подозрительно тем не менее поглядывая вслед гостю, поднимавшемуся к лифту. •

Машину Поремский отпустил. Договорились, что, когда будет нужно, он позвонит водителю.

Анастасия Сергеевна Камшалова оказалась женщиной привлекательной. «Еще бы, — подумал Поремский, — с такими деньгами можно позволить себе что угодно, и лучшую косметику, и массажистов прямо, что называется, из Парижа». И обстановка, которая ее окружала, указывала на достаточно высокие претензии хозяйки — евроремонт в столичном

исполнении, докатившийся до провинции, модные мебельные и кухонный гарнитуры. Ну да, в такой большой квартире молодая хозяйка, если судить по атмосфере в доме, женщина одинокая, могла позволить себе даже роскошь. Настя, как она попросила себя называть, одарив Поремского поощрительной улыбкой (да что тут у них, подумал Владимир, совсем уже туго с женихами?), оказалась женщиной веселой и бойкой на язык. Однако едва речь зашла о химкомбинате, она будто замкнулась в себе, отделяясь неопределенными жестами и мимикой, которые должны были, вероятно, продемонстрировать постороннему человеку полное ее непонимание предмета разговора.

Но зато она с удовольствием щебетала с приятным москвичом о Москве и Петербурге, перечисляла отели, бары и казино, где в последнее время побывала, с огромным восторгом живописала Париж, откуда вернулась совсем недавно. Словом, старалась произвести впечатление.

Несмотря на то что стрелки часов даже и близко не подошли к полуденной отметке, она стала настойчиво предлагать Владимиру, к которому, по ее словам, сразу ощутила откровенную симпатию, напитки — на выбор. И виски, и джины, и всякие ликеры с водками и французскими, разумеется, винами.

Шикарный бар был забит разнообразными бутылками до отказа. На стойке бара из темного полированного дуба громоздился великолепный итальянский агрегат для приготовления кофе-«капуччино» и разнообразные приспособления для смешивания коктейлей. Она делила просторную кухню пополам — вторая ее часть представляла собой весьма уютную столовую, окруженную цветами и декоративными деревьями в горшках и бочках. Но там все было первозданно-нетронутым, а земля в одном горшке, куда незаметно для хозяйки сунул палец Владимир, каменной. Похоже, что с идеей семейных завтраков,

обедов и ужинов здесь тоже напряженка. Но тогда зачем все это? Для кого?

Живет хозяйка одна, родителей нет. Мать умерла раньше отца, муж, по слухам, сбежал в Москву. Детей тоже нет. Нелепое богатство, бесполезное. Правда, если госпоже Камшаловой очень хочется, чтоб ее квартира напоминала Парижский салон, тогда другое дело. Но все равно скучно.

А Настя водила гостя из комнаты в комнату и не то чтобы хвасталась, а демонстрировала свое богатство, словно выворачивалась перед потенциальным женихом буквально наизнанку. Она показывала, что ей сделали специалисты, приезжавшие из Питера, а что она выписала из Италии... И так далее, и тому подобное — словом, Владимир воочию наблюдал рекламу того, как следует жить богатым людям в России, которой заполнено фактически все отечественное телевидение.

Поремский невольно усмехнулся, и Настя, тут же заметив это, спросила, по поводу чего его саркастическая усмешка. Но момент искренности между ними еще не наступил, и Владимир подумал, что, пожалуй, рано задевать больную, возможно, тему для хозяйки. Выход подсказала интуиция. Он ответил, что, с удовольствием разглядывая всю эту обстановку, невольно сравнил ее со своим бытом. Но ему его собственная служба устанавливает практически ненормированный рабочий день, часто без выходных и праздников, поэтому вполне достаточно квартиры в Москве, состоящей из одной комнаты и просторной, хотя и гораздо меньшей, конечно, кухни, где и собираются обычно друзья и коллеги. А из мебели — широченная тахта, шкаф, стол да стулья — необходимый минимум. В этой же квартире, больше напоминающей дворцовые помещения, по его мнению, никакие мысли о работе даже не приходили в голову.

— Здесь, — Поремский красноречиво посмотрел в ее чистые голубые глаза, — все предназначено, увы,

исключительно для наслаждений. Так что нет никакого сарказма, Настя. А зависть? Есть отчасти, но зависть хорошая — приятно, когда человеку повезло.

Тема везения, как он понял, оказалась для нее неожиданной, но Настя была готова немедленно ее обсудить. А чтобы разговор принял более доверительные, дружеские формы, захотела угостить Владимира хотя бы капучино. Он согласился. А Настя, зарядив свой агрегат и подставив чашки, продолжала его уговаривать выпить по рюмочке. Поремский понял, что ей самой этого очень хотелось. К сожалению, он и тут не поддался соблазну, и тогда она предложила чистые напитки заменить легкими коктейлями. Владимир в данном случае не нашел причин для отказа, и она с удовольствием начала их немедленно составлять, употребив для приготовления лимоны, апельсины, оливки и всякие соки, которых у нее в доме оказалось в избытке. Она с наслаждением трясла и переворачивала в руках французский шейкер, разливала, украшала, втыкала в высокие бокалы разноцветные трубочки-соломинки и маленькие зонтики.

Потом они перешли в гостиную, уселись в низеньких креслах возле натурального камина, облицованного розовым мрамором, которым здесь, похоже, ни разу не пользовались, но охапка дров тем не менее лежала в ожидании своего часа. И ярко блестели начищенные бронзовые причиндалы, висящие на такой же кованой стойке.

После нескольких глотков коктейля Настя, видимо, совсем успокоилась и расслабилась, высоко закинула ногу на ногу, как бы «нечаянно» продемонстрировав сидящему напротив гостю восхитительные кружевные резинки своих почти прозрачных чулок. Ну, соответственно, их зрелое содержимое.

Поремский несколько растерялся. Даже приятный кофе с шапкой взбитых сливок не помог ему преодолеть неожиданно возникшую сухость в горле. Все ему казалось слишком уж нарочитым, тем более

что в памяти немедленно высветилась восхитительная картинка вчерашней любовной схватки, прямо-таки ошеломившей опытного ловеласа горячей и искренней страстью. И он вдруг снова почувствовал неодолимое желание невзначай коснуться пальцами круглого, выставленного напоказ колена. Но, на его счастье, зазвонила телефонная трубка, лежащая на столике.

Настя рассеянно повела глазами и неохотно потянулась к ней. И вдруг оживилась. Теперь она только слушала, почему-то с возрастающим интересом поглядывая на своего гостя и перебивая речь абонента короткими репликами и отдельными словами:

— Ну, не может быть!.. Неужели?.. А ты?.. Ой, врешь!.. Нет, никогда тебе не поверю, потому что... В самом деле?!

Ее глаза в какой-то момент перестали блуждать по комнате, лишь задевая гостя. Продолжая прижимать трубку к своему прелестному ушку со сверкающей бриллиантовой сережкой, Настя уставилась в упор на Владимира и принялась со странным, заинтересованным выражением на лице разглядывать его, будто увидела впервые нечто невероятно привлекательное и забавное.

Поремский чувствовал себя чрезвычайно неловко под ее изучающим взглядом.

Наконец она завершила односторонний, по сути, разговор последней репликой:

— Давай вечером пересечемся, можно здесь, и поговорим подробнее, ты меня просто заинтриговала. Ну, пока...

Она положила трубку на стол, поменяла ноги местами и засмеялась:

— А вы, Володя, смотрите, зря у нас времени не теряете, молодец, мне нравятся такие мужчины.

— В каком смысле — не теряю? — смутился, точнее, продемонстрировал смущение Поремский. Он

все никак не мог вникнуть в причину ее странного веселья.

— А я вот о чем сейчас подумала.... — Настя посмотрела на свой навесной потолок, усеянный блестками утопленных в нем электрических лампочек, и, решительно скинув ногу, выпрямилась в кресле. — Вот о чем, — повторила уже твердым голосом. — Вы, я поняла, от меня все равно не отстанете и, скорее всего, добьетесь своего.

— Вы о чем, собственно? — загадочно улыбнулся Поремский.

— Да об этих проклятых акциях, о чем же еще!

— Ах, вон про что речь?.. — разочарованным тоном протянул Владимир.

— А разве у вас были какие-то другие мысли и намерения, когда вы явились сюда? — удивилась она.

— Мысли? Их невозможно запретить себе, правда, запретить на ключик можно. То же самое происходит и с намерениями.

— Вот и я так думаю. Зачем запирать и отказываться, верно? Предлагаю вам обмен. Вы — мне, а я — вам. Как такой вариант?

— Ну, чего я хочу от вас, скрыть уже просто невозможно, — весело произнес он, — я имею в виду пока только свое служебное задание.

— А есть что-то еще?

— Ну-у... — Он развел руками. — У меня, Настя, просто нет слов, но я готов с удовольствием выслушать ваши условия.

— А я вам действительно должна буду что-то подробно объяснять, если скажу, что минуту назад звонила моя подруга Света. Мы с ней дружим еще со школы. Судьба у нее сложилась несколько иначе, чем у меня, но мы продолжаем общаться, иногда встречаемся, а чаще перезваниваемся, вот как сейчас. Когда есть хорошая новость, которой можно поделиться с подругой, понимаете? Э-э! — лукаво засмеялась она. — А ведь вы краснеете, мой дорогой маль-

чик! Что ж это вы не научились чувств-то своих прятать? А еще важняк!

— Да вы с такими внешними данными и, полагаю, особым талантом можете кого угодно заставить покраснеть. А что касается Светланы, если мы имеем в виду одну и ту же женщину, которая...

— ...живет на Портовой со стариками родителями, — с улыбкой уточнила Настя.

— О, она мне очень понравилась. Умная женщина. И, кажется, наши чувства и старания были взаимными. И это о них она вам так долго рассказывала? — Поремский хитро посмотрел на хозяйку дома.

Настя не ответила, а почти так же, как совсем недавно подруга, сладко потянулась, словно выставляя себя на обозрение, затем медленно поднялась, плавно, но с силой огладила бедра и вдруг с вызовом подмигнула ему:

— Но для начала давайте посмотрим, как оборудована моя спальня. Туда ведь мы еще не заходили?

— Не заходили, — серьезно подтвердил Поремский, легко поднявшись. — Это я помню.

— Вот и взгляните. У вас, я заметила, есть вкус к красивым вещам... А потом я уж так и быть обещаю рассказать все, что хотите. Но надеюсь, что вы не употребите мою откровенность мне во зло.

— Клянусь! — более горячо, чем требовал момент, воскликнул Поремский. — Да мне в принципе и знать-то об этом нужно только с единственной целью — как построить дальнейшее расследование, которое лично к вам никакого отношения, по существу, не имеет. Скажу больше, меня даже сумма сделки абсолютно не интересует. И где вы храните свои деньги — тем более. Я — не налоговая служба, и любые ваши финансовые проблемы меня просто не касаются, можете быть на этот счет абсолютно спокойны.

— А я и не волновалась, — спокойно ответила Настя. — Я не занималась юридическими проблема-

ми, их решали компетентные люди, работа которых щедро оплачивалась. Ни у них ко мне, ни у меня к ним претензий нет. Вот и все!

— Очень рад за вас. Так с чего начнем?

— Я же сказала, с ознакомления с интерьером спальни. Не возражаете?

— Господи! — С покаянным выражением на лице Поремский поглядел в угол комнаты, где, по его понятиям, вполне мог находиться иконостас. — Прости мне мои вольные и невольные заблуждения! Это ж каким надо быть идиотом, чтобы в подобной ситуации искать повода для возражений!

Она захохотала и, схватив Владимира за рукав, весело, с неожиданной силой потянула за собой.

А он и не сопротивлялся...

День пролетел фактически незаметно, и на дворе стало по-осеннему смеркаться. Но это вовсе не значило, что наступал вечер — до него было еще далеко.

Максимально, насколько это было возможно, он постарался насытить страсть возбужденной женщины, которая, подобно своей подруге, оказалась сильной и темпераментной и сквозь сжатые зубы, мотая головой из стороны в сторону, требовала, чтобы он не сдерживался, а когда он выполнял это ее желание, сладко охала и задерживала дыхание, будто обмирала...

Наконец Владимир дождался, когда она сама заявила, что на сегодня ей, пожалуй, довольно. Она не хочет злоупотреблять, а потом надо же какие-то желания оставить хотя бы на завтра. Настя уже планировала свое ближайшее будущее и, скорее всего, не сомневалась в нем. Поэтому и не желала пресыщения. Сформулировано это было грамотно и, что удивительно, довольно трезво, если иметь в виду, что в коротких паузах она умудрялась в том виде, как была, то есть в одних чулках, убежать на кухню, к бару, и

возвращаться с новыми порциями коктейлей, становившихся от раза к разу все крепче. Впрочем, ответа от Поремского тоже не требовалось. Возможно, это входило в условия их устной договоренности.

Настя ушла под душ, затем туда же заглянул и он, закрепив изящным и страстным танцем под хлещущими струями воды их первое и столь многообещающее знакомство. А после, умиротворенные и причесанные, они уселись все у того же камина, чтобы заняться наконец тем, ради чего следовательно сюда и прибыл.

То ли Настя почувствовала в нем родственную душу, то ли его старания достигли-таки своей цели, но она была с ним предельно откровенна. Не помешало ей, в общем, и то, что он, испросив предварительно ее согласия, достал из кармана и включил миниатюрный диктофон. Он пообещал записать внимательно и на абсолютно трезвую голову прослушать, после чего стереть ее к чертовой бабушке.

Настя насторожилась, но искренний и просительный взгляд Володи, который действительно боялся за неутихшим ураганом чувств упустить что-нибудь важное из ее рассказа, заставил ее согласиться. Однако в течение всего своего рассказа Настя с подозрением поглядывала на черную коробочку.

Суть же дела оказалась незамысловатой, как и все на свете.

Сергей Николаевич Камшалов повел себя мудро еще в те годы, когда в стране, как грибы после теплого дождя, стали возникать акционерные общества и «господа приватизаторы» кинулись делить государственную собственность, присваивая себе львиные доли и отдавая истинным хозяевам производства — рабочим и служащим остатки того, что не получалось проглотить с первого раза. Как директор крупнейшего на юге России химического комбината, тоже превращенного в открытое акционерное общество, он, пользуясь и властью, и высоким, надо сказать, авто-

ритетом в рабочей среде, взял себе солидный пакет акций. Этим шагом он гарантировал остальным акционерам, которым достались кому небольшие пакеты, а кому всего несколько акций на душу, незыблемость своей экономической политики на производстве. Камшалов утверждал, что предприятие никогда не сменит профиля, будет всегда привлекать активных спонсоров, а всем акционерам таким образом твердо гарантировал постоянный доход.

Так было вначале. Но потом на предприятии наступили черные дни. Срывали задания поставщики, никому не нужной оказалась продукция, стремительно лезли вверх обезумевшие цены — короче, прежде благополучный комбинат с давними, устойчивыми традициями залихорадило. Словно охваченные повальным безумием, рабочие и служащие ринулись в частный бизнес, в торговлю чем угодно, лишь бы выжить. Народ стал увольняться, без сожаления расставаясь с ненужными теперь никому, по мнению большинства, акциями. Продавали по номиналу, то есть фактически за обесценивающиеся на глазах рубли.

Неожиданно обнаружили темные личности, которые, по слухам, начали скупать бросовые ценные бумаги. А затем на комбинате, который, по сути, уже дышал на ладан, появились новые, так называемые, хозяева, которым приглянулись огромные и удобные помещения — а их без особых затрат можно было переоборудовать и под склады, и под что угодно, вплоть до залов игровых автоматов и казино со стриптизом.

Тяжелое было время, и на директора оказывалось невероятное давление, ему сулили «золотые горы», если он разрешит использовать свободные якобы площади под частные коммерческие интересы. Но Камшалов стоял твердо. Он верил, что к комбинату, построенному, в общем-то, и его руками, снова вер-

нется былая слава. Не может бардак в стране, спровоцированный ее правительством, длиться вечно!

Веря в это, Сергей Николаевич и сам скупал акции у бывших акционеров, покидающих предприятие. И к тому моменту, когда продукция комбината оказалась все-таки нужной государству и в производство потекли и бюджетные, и спонсорские средства, Камшалов владел почти сорока процентами акций.

А затем случилось несчастье. Тяжелый труд и нервная обстановка на комбинате неожиданно обострили его болезнь. По словам Камшалова, он прозевал «точку возврата» и теперь вынужден был расплачиваться за собственное невнимание к своему здоровью. Сделали операцию, потом — другую, но все было бесполезно. Повлияла, естественно, на течение болезни и смерть супруги. Трудно было держаться, но этот мужественный человек избегал постели и спокойного, щадящего режима. Оттого, верно, на городское кладбище за его гробом пошла половина города...

Не успела осесть земля на могиле, как на Анастасию Сергеевну обрушился шквал самых заманчивых предложений. Единственная наследница, она владела, по существу, теперь всем комбинатом. И столько противоречивых и антагонистических интересов столкнулось над нею, никогда не имевшей даже понятия о том, что такое конкурентная борьба и как выглядит пресловутый «оскал капитализма», что ей, тогда еще незамужней девушке, стало страшно за себя.

Ну, насчет замужества — не проблема. Ей потребовался серьезный и сильный спутник в жизни. И такой быстро нашелся. Но его интересовали, как она поняла, опять же только деньги. В результате брак скоро распался, к счастью, без последствий.

Но потом Настю начали осаждать юристы — каждый со своим заманчивым предложением немедленно, причем абсолютно бескорыстно, начать вести ее

дела. По совету старого друга отца, недавно погибшего от руки убийцы, Анатолия Юрьевича Трегубова Настя взяла себе юриста — того, кого порекомендовал дядя Толя. Но теперь и его нет. Нет, юрист-то есть, и именно он начал уговаривать ее избавиться от принадлежащих ей акций. По его словам, такой шаг воистину гарантировал ей всю дальнейшую жизнь безбедное и беспечное существование.

Сперва он свел ее с Юрием Петровичем Киреевым — Настя еще с отцовских времен знала этого удачливого директора «Кубаньцемента», с которым постоянно имел дела Сергей Николаевич. Тот предложил за ее пакет акций баснословную сумму. А она, не давая своего согласия, обещала подумать, как и советовал юрист...

Тут Настя вопросительно уставилась на Володю, но тот отрицательно замотал головой, показав движением ладони, что сумма в огласке не нуждается. Настя улыбнулась и продолжила.

Но неожиданно ее юрист сменил тактику. Однажды он представил ей второго претендента на ее ценные бумаги. Им оказался родной дядя Юрия Петровича — Семен Васильевич, который долгое время жил не здесь, в городе, хотя имел роскошную квартиру в центре, а в Москве, где исполнял должность постоянного представителя администрации края при Правительстве Российской Федерации. Говорили, что вообще-то он постпред при самом президенте, но Настя видела его официальные документы. Суть же, однако, была в другом. Этот Семен Васильевич являлся гендиректором «Кубаньэнерго» и владел корпорацией «Планета», которая также имела общие интересы с химическим комбинатом. Тут, в городе, все переплетено настолько, что даже непонятно порой, кто от кого зависит в большей степени, а кого можно считать самостоятельным и независимым. Но последних практически и не сыскать...

Короче говоря, поскольку Настя не дала Юрию

Петровичу окончательного и твердого ответа, то она вполне могла воспользоваться предложением его дяди. Тем более что он сразу предложил сумму, в полтора раза превышающую ту, о которой говорил его племянник. Ну какие могли остаться сомнения?

Причем перевод денег на любой указанный ею счет или на несколько, как Насте будет угодно, осуществит известный в городе банк «Марс», который является филиалом знаменитого на всю страну московского Коммерческого банка.

Вместе с юристом и Семеном Васильевичем Настя посетила «Марс». В банке с ней доверительно побеседовал обаятельный управляющий, который подтвердил условия Договора о продаже и покупке акций, добавив, в свою очередь, что в их приобретении крайне заинтересован известнейший российский бизнесмен, который и инициировал эту многомиллионную сделку. После некоторого Колебания, но, взяв с Насти слово, что та не станет афишировать имя покупателя, достаточно сослаться на Семена Васильевича Киреева, банкир назвал ей имя Николая Викторовича Асташкина. Конечно, она слышала о нем!

Ну что ж, значит, так тому и быть. После смерти отца Настя и слышать ничего не хотела о химкомбинате, который, собственно, и погубил его. Камшалов умер в пятьдесят шесть лет. Разве это возраст для мужчины? Вот то-то и оно..-

А дальнейшее произошло фактически помимо ее участия. Настя была в первый раз в Париже и там открыла себе счет в «Лионском кредите». Оказалось, что его филиал имеется и в Москве, что было очень кстати. На ее счет в этом международном банке, а также и в самом «Марсе», были переведены крупные суммы за проданные акции. У кого они сейчас, ее не интересовало.

Сделка законна, и теперь она получила возможность превратить огромное и безвкусное помещение

в хорошо обставленную, устраивающую ее квартиру. Все дальнейшее покажет время.

Последнюю фразу Настя произнесла со значением, пытливо поглядывая при этом на Володю. Так она назвала его, поднявшись из постели, и только так собиралась называть в дальнейшем.

«Поремский, — строго предупредил себя Владимир, — срочно делай выводы!»

Все ему было понятно. Неясным оставалось, к сожалению, главное: стрельба-то все-таки из-за чего началась? В том, что Настя сказала правду, он почему-то не сомневался. Но это обстоятельство только усиливало его подозрение, что вряд ли причиной кровавой разборки могло стать противостояние дяди и племянника Киреевых. Что-то здесь не сходилось! Ведь они же рядом стояли на похоронах Анатолия Трегубова.

Нет, тут всё сложнее, но Настя наверняка об этом даже не догадывается.

И тут он подумал о том, что ему пора сматываться. Ведь они же со Светой собирались сегодня встретиться. Не хватало только натолкнуться на свою вчерашнюю подружку у подъезда. А интересно, о чем они будут рассказывать друг другу? Вот бы послушать!

«Есть же у тебя совесть, Поремский? — снова строго обратил он свое внимание на несуществующую абстракцию. — А если есть, то что ты сидишь? Чего ждешь? Беги, пока они тебя не изловили и не устроили публичных разборок! В этом южном городе женщины слишком эмоциональны...»

Турецкий смеялся, слушая рассказ Поремского. И, может, впервые его словно укололо странное чувство, похожее на ностальгию по себе любимому — такому же, как Володька, молодому, отчаянному и нахальному. Но также, как почти полтора десятка лет назад, бесшабашность поступков тут же подверглась

сухой логике анализа — все ли было сделано в пределах необходимости и нет ли здесь некоего самообмана, продиктованного эмоциями момента?

Он прослушал запись разговора с Анастасией Сергеевной, отметил для себя отдельные эпизоды ее повествования, ухмыльнулся по поводу некоторых, слишком уж явных ее интонаций, чем немедленно вверх Поремского, внимательно наблюдавшего за реакцией шефа, в краску.

Когда кассета закончилась, Александр Борисович снисходительно похлопал Владимира по плечу и заметил, что запись качественная, фактура имеется и ее следует еще раз внимательно прослушать и проработать. А потом с улыбкой добавил:

— Что ж это ты, брат, совсем загнал дамочку?

— Да с чего вы взяли? — окончательно смутился Поремский.

— А ты послушай, как она дышит. Ни фразы не произнесла без придыхания. Или это у нее такая манера разговора?

— Не знаю, я не заметил...

— Ладно, будем считать, что она всегда так разговаривает. Значит, говоришь, это не твоя, а ее была инициатива?

— Ну-у... я был, во всяком случае, не против. А с чем связан ваш вопрос?

— Исключительно с моментом истины. Хочу понять, она была искренна с тобой или, пользуясь подходящей эмоциональной ситуацией, ловко вкручивала нужную им версию? Ты-то сам что думаешь?

— А зачем ей врать? И вообще, она рассказывала об отце и об акциях как о давно прошедшей и фактически забытой части жизни, возвращаться к которой она не собирается. И вспомнила об этом только потому, что я спросил... Да и то — расслабилась от души, сняла напряжение...

— Ну, это уж тебе судить, — хмыкнул Турецкий. — О чем еще договорились? Вне протокола, —

показал он на диктофон. — Кстати, было бы неплохо оформить это дело официально, на всякий случай.

— Александр Борисович, нехорошо получится, я обещал ей, что запись нигде фигурировать не будет. Да вы и сами слышали... в разговоре.

— Меня не эмоции в данном случае интересуют, а чистая фактура. Тот материал, который касается юристов, семейства Киреевых, дяди Толи, понимаешь? А насчет акций ты прав, если все было проделано по закону, нам незачем вообще поднимать эту тему. Но вот по закону ли — без четкого ответа на этот вопрос мы обойтись не можем, и в любом случае пришлось бы им заняться. Поэтому выбери нужное, оформи, как положено, а она пусть подпишет. Это и ей пойдет на пользу — мол, сама Генеральная прокуратура не имеет претензий. На будущее. Если, говоришь, она — умная женщина, значит, поймет. Ты мне пока запись оставь, я ее еще разок внимательно прослушаю... А что ты думаешь по поводу того юриста?

— Вы имеете в виду адвоката, оформлявшего сделку?

— Ну а кого же еще? Чей он, откуда взялся? Почему именно его посоветовал ей Трегубов? Вопросов к нему у нас наберется немало.

— По ходу, вы слышали, я не уточнил его фамилии, но такая возможность всегда есть. Сделаю.

— Не только сделай, но и возьми его в оборот. Либо мне отдай, я с ним побеседую. И документы по поводу той сделки изучи максимально внимательно, они должны у нее быть. Чем объяснить этот твой интерес — тебя учить не надо. Да, и последнее. Номер той «шестерки», что ты запомнил, не вымышленный, есть хозяин. Это пенсионер с Садовой, у которого, видимо, еще вечером увели машину, но пропажу он обнаружил только утром, о чем и заявил в милицию. Машина была найдена в районе Портовой улицы целой и невредимой. Типичный бандитский почерк, хорошо хоть, что не сожгли за ненадобностью, ока-

зывается, еще совесть встречается у местных отмозгов. Или ты их сильно перепугал.

— Ну да, испугались они, как же! А как нашли?

— Спасибо Владилену Егоровичу, это его ребята постарались. А ты будь внимательнее. Зачем охрану отослал?

— Ну, торчали б они полдня под окнами, разве хорошо? А так я и за себя спокоен, и они не отсвечивали. У Рюрика как дела?

— Елагин — молодец, — ответил Турецкий, — он жестко ведет свою линию...

2

С раннего утра Рюрик вместе с сотрудниками угрозыска и двумя понятыми явился в «Белый лебедь», на виллу, где вместе с супругой проживал господин Киреев-младший.

Со стороны новой охраны, взамен той, что уже парилась в местном СИЗО, возражений не возникло. Вероятно, слухи о суровом и бескомпромиссном следователе из Москвы, который наводил на вилле шмон, достигли ушей всех сотрудников вневедомственной охраны, и спорить с москвичами никто не захотел. Просто старший наряда посмотрел документы, пожал плечами и приказал поднять шлагбаум. Он даже, как заметил Елагин, не побежал в свою будку к телефону — докладывать хозяину. Спросил только, причем без видимого интереса:

— Вы ж, говорят, вчера были? Чего еще-то надо?

— А это мы посмотрим, — ответил Рюрик и показал рукой водителю «рафика», чтобы тот ехал прямо к гаражу. И добавил уже охраннику: — А вы господину Кирееву все же сообщите о нашем прибытии. Пусть придет в гараж, ему будет интересно.

— А если его нет дома, что станете делать? — усмехнулся охранник.

— Да куда он денется? Он же под подпиской. Сбежит — себе хуже сделает.

И Рюрик пошел к дому. А охранник, снова пожал плечами, достал из кармана трубку мобильного телефона.

Юрий Петрович находился дома, осложнения с москвичами ему были совершенно не нужны, да к тому же о каждом шаге приезжей бригады ему постоянно докладывал сам генерал Шилов. Вот только об этой новой акции сыщиков Киреев не знал, и это ему показалось странным. Тем более что Федор уверял, будто у Грязнова от него нет никаких тайн. И что же получается, он о предстоящем обыске на вилле не слышал? Или узнал, но решил промолчать? Неужели и Шилов за собственную задницу испугался? Что-то они вдруг все перепугались? Вчера, совсем поздно уже, позвонил тесть драгоценный — мать его! — и для чего, спрашивается? Чтобы вежливо и просительно убедить его, Киреева, не делать резких движений, не предпринимать против москвичей акций, которые могли бы нечаянно навредить всему руководству края! Вот и корми их после этого, дармоедов трусливых!

За исключением лишь одной акции, когда у него просто нервы не выдержали и он сорвался, почуввав в недавнем еще партнере лютого врага, а с врагами разговор может быть только один, — словом, кабы не Москаленко с его угрозами, ничего серьезного, никакой вины Юрий Петрович за собой и не нашел бы. Ну а поскольку всего раз сорвался, вот и потянулась цепочка — одно за другим. А тут еще охрана — мерзавцы, лентяи, ничего поручить нельзя! Столько улик оставили, это ж ума непостижимо!

Очень он теперь сожалел, что все так громко получилось. Надо было по-тихому утопить концы в воду, самому проявить беспокойство, а не отмалчиваться, пока другие скандалили. Но жалел Юрий Петрович лишь о неудачном способе устранения сопер-

ников, а вовсе не о результате — тут-то все как раз получилось правильно. Просто надо было действовать грамотнее: те, мол, начали первыми стрелять, эти отстреливаться, стволы тем подбросить, вот пусть бы менты разбирались, кто прав, а кто виноват. А Киреев тут ни при чем! Ну, вставили бы, на худой конец, фитиль тому же Медведеву за отсутствие работы с кадрами, даже уволили бы, так разве ж его свои оставили бы без дружеской помощи? Да собственное частное охранное предприятие организовал бы! Нет, как пошло с самого начала через пень-колоду, так и закончилось сплошными неприятностями...

И еще одна навязчивая, назойливая мысль без конца сверлила мозг: а ведь подставил его родной дядька! Да еще как подставил! Однако утешала мысль, что тут все же другое дело. Бизнес — штука суровая, безжалостная. Хочешь наварить приличные дивиденды, плюй на любые родственные отношения, убирай с дороги всякое препятствие. Вот дядя Сема и плюнул, обойдя племянника на повороте, только копыта перед глазами сверкнули. Единственное, что, пожалуй, оправдывало дядьку в этой гонке, — оба они, в сущности, не так уж и для себя старались, а за свое Юрий Петрович ему бы первому глотку перегрыз. Вот поэтому, наверняка догадываясь об истинной причине смерти Толи Трегубова, дядька сам подошел на кладбище, посмотрел сочувствующе в глаза, старый волчара, Шестереву пожал руку, потом ему, Юрию, да так и остался рядом с ними до самого конца, демонстрируя публике семейное единство. Понял Юрий Петрович и для чего он так сделал — не хотел, чтобы кому-нибудь из посторонней публики могла в голову мысль прийти, будто громкие преступления в городе явились следствием внутрисемейных киреевских разборок. Вероятно, большинство присутствующих там, на кладбище, тоже именно так все и понял.

Так эти-то чего снова явились? Неужели проверить, не сбежал ли он?

Со следователем, как понял Юрий Петрович, договориться невозможно — молодой, пупок рвет, чтобы благодарность начальства заслужить. Но странно, что ему помогали местные, из конторы Федора Шилова, которые тоже смотрят злыми волчатами. И эти забыли, кто их кормит, из чьих рук они премии свои получают...

Получается, что его окружают продажные шкуры. Что в ментовке, что у Глухого с его отморозками. Звонил сегодня Федор, рассказал, как оправдывался перед ним Глухой, которому такое погоняло дали свои же за то, что тот глух к любым просьбам и жалобам. Дал он задание двоим своим «быкам» найти и сделать больно одному шустрому важняку, не милиции же этим заниматься! А те и сами жидко обгадились, и всю московскую бригаду насторожили. Им теперь генерал охрану выделил. Шилов оправдывается, что это не так уж плохо, можно без проблем следить за действиями приезжих, да только от этих наблюдений пока никакой видимой пользы. Вот же, явились, и никто об этом не знал...

Новых неприятностей Киреев не ждал, вчера ищейки каждую щель обнюхали и ничего не нашли. А может, есть то, о чем он и сам не знает? Может, все-таки об Игнате что-то пронюхали, хотя тот божился, что все сделал чисто? Ну а всякие разговоры, что кто-то что-то видел, пустяки. Это — не доказательства, а обычная болтовня. Несерьезно.

Киреев именно поэтому сам отпустил Русиева, чтоб он не маячил здесь. А вот если бы Игнат где-то прокололся, засветился, тогда на этот случай всегда имелся в запасе тот же Глухой со своими уголовниками. Игнату знать об этом не следовало. Пока он был нужен, Киреев держал его под рукой. Но если бы появилась необходимость, он ни на секунду не задумался бы дать команду Глухому заставить Игната замолчать навсегда.

Но чего менты снова хотят? Они ж на любую провокацию способны!

Решив посмотреть в оба, Юрий Петрович огрызнулся на супругу, которой до всего было дело, ведь она со своим языком могла наплести таких глупостей, что потом век не развяжешься, и отправился в гараж на новый обыск.

— Для удобства при проведении следственных мероприятий, господин Киреев, — неприятным тоном, будто они были незнакомы, начал следователь, — я, с вашего согласия, включаю диктофон, запись которого будет расшифрована и передана вам на подпись.

— Валяйте. — Ему было все равно.

— Чья эта машина? — спросил следователь, показывая на запыленную «девятку», особняком стоящую в гараже.

— Моя разъездная машина.

— Кто ею пользуется?

— Любой, кому требуется выехать в город. По делу, а не на гулянку, разумеется.

— Кто и когда ею пользовался в последний раз?

— Не знаю, может, вчера, может, позавчера. Или неделю назад. Я не слежу, кто и куда на ней перемещается. Лично для меня это не имеет ни малейшего значения.

— А для кого имеет?

— Для того, вероятно, для кого имеет, — насмешливо заметил Киреев. — Не понимаю, вам от меня-то что надо? Я на этой машине вообще не езжу. Возможно, жена кого-нибудь в город, в магазин, посылала.

— Что ж, давайте пригласим вашу супругу, Юлию Георгиевну?

А вот этого совсем не желал Киреев. И он поторопился снять напряжение момента.

— Это что, очень важно, куда ездила машина?

— Неважно, если вы беретесь утверждать, что данное транспортное средство в течение... — Елагин за-

думчиво посмотрел в потолок, — не покидало гаража в течение двух последних суток.

Киреев взглянул на двоих своих водителей, сидящих в стороне на лавочке, те отрицательно закачали головами.

— Не покидало, — сказал он твердо. — Вот и мои водители подтверждают. Уж вчера-то точно это транспортное средство с места не двигалось.

— Меня волнует скорее позавчера, — уточнил Елагин.

— А позавчера разве что-то случилось?

— А позавчера, — с той же издевательской интонацией ответил Елагин, — в городе, господин Киреев, произошло убийство вдовы Трегубова, если слышали.

— Ах, вот вы о чем? Мне и в голову не могло прийти, что вы хотите связать эту машину с ограблением бедной женщины.

— С убийством и имитацией ограбления, — поправил Рюрик, пристально глядя в глаза Кирееву.

— Значит, у вас имеются доказательства? — хмыкнул Киреев.

— А вот их мы с вами сейчас и попробуем найти. Итак, господа понятые, попрошу подойти ближе. — Рюрик раскрыл папку и развернул листы протоколов допросов Закутского и продавщиц из магазина, напротив дома, где жила Трегубова. — Вот, в показаниях свидетелей сказано, что погибшая имела при себе синий целлофановый пакет, в котором лежали следующие предметы: килограмм апельсинов, пачка зеленого краснодарского чая, банка кофе «Гранд», полкило шоколадных конфет «Мишка косолапый» и черт, ный кожаный кошелек с деньгами. После убийства женщины на месте преступления остались обрезок трубы и несколько апельсинов, которые выпали из пакета при падении женщины на землю. Далее прошу вас обратить внимание на следующий факт. Как показывает один из свидетелей, синего пакета рядом с

телом женщины не оказалось, предположительно его увез с собой убийца, имитировавший ограбление. Собрать на земле апельсины ему было некогда, да и обрезок трубы был им отброшен в сторону, а искать его, чтобы увезти с собой, тоже времени не хватило, тем более что женщина, по показанию свидетеля, узнала своего убийцу и крикнула: «Гнат», что следствием трактуется как имя Игнат. Иными словами, Игнат Русиев, личный охранник супруги господина Киреева, — Рюрик, демонстративно и не глядя, ткнул карандашом в сторону Юрия Петровича, застывшего с каменной улыбкой, — неоднократно судимый за уголовные преступления, пустившийся нынче в бега и уже объявленный в федеральный розыск. У вас нет комментариев, господин Киреев?

— Это все сплошной бред и полная чушь, — с презрительной усмешкой ответил Киреев, чувствуя, как неприятно похолодела спина. — Могу поспорить, что у вас нет ни единого доказательства. А за ошибки юности Игнат давно отбыл наказание и чист перед законом. И не сбежал он от правосудия, а уехал в свой законный отпуск. Я его отпустил.

— Звучит красиво, конечно, но каждое ваше слово, к сожалению, неправда. Тем более что бандитизм и рэкет никак нельзя назвать ошибками юности. Но вы хотите доказательств? Они в уголовных делах Русиева. Захотите познакомиться, вам их обязательно покажут. Идем дальше. Приехавшие вслед за сбежавшим на машине вот этой марки, темного цвета «Лады» девятой модели, якобы сотрудники дорожно-патрульной службы, кстати, на точно такой же машине, на самом деле таковыми не были, и появились они не по вызову свидетеля, как утверждали, а по собственной инициативе и с единственной целью — удостовериться в смерти женщины и уничтожении оставшихся улик. Ими, кстати, были увезены с собой рассыпавшиеся апельсины и обрезок трубы. На их машине был установлен синий маячок, но никаких

иных опознавательных знаков патрульной милиции не имелось. Между прочим, вчера во время обыска «мигалку» мы обнаружили в багажнике этой машины. Но главное в другом: свидетель преступления хорошо запомнил этих оборотней из милиции и уже уверенно опознал их. Это были сотрудники отдела вневедомственной охраны Лютиков и Старостенко, осуществлявшие свою службу здесь, возле шлагбаума перед виллой господина Киреева. Надо понимать, они охотно исполняли и другие указания господина Киреева, которые никак не входили в их прямые должностные обязанности. Оба сейчас находятся в следственном изоляторе и уже дают показания. Не желаете прокомментировать, господин Киреев?

— Не желаю, — резко ответил тот. — Это бред и голословное злостное обвинение! Я буду жаловаться!

— Вы?! Жаловаться?! Помилуйте, господин Киреев, разве вам известно такое слово? Впрочем, — хмыкнул Рюрик, — ваше право. Итак, перед нами машина, с помощью которой или на которой могло быть совершено преступление. Причем не одно. Есть все основания считать, что убийство вице-губернатора Трегубова осуществил все тот же Русиев, ездивший на этой машине. Ибо свидетельница этого происшествия утверждает в своих показаниях, что Трегубова окликнул водитель и вице-губернатор, как и его жена, узнал его, даже наклонился к окну, после чего и прозвучал выстрел, произведенный фактически в упор. На лице покойного были обнаружены частицы пороховой гари. Но вчера, во время проведения обыска в гараже, сотрудники уголовного розыска были еще не знакомы с новыми данными, полученными после допросов свидетелей. Поэтому, собственно, и принято решение повторить обыск с учетом последних фактов. Приступаем. Понятых прошу подойти ближе и наблюдать за действиями сыщиков. Чтобы потом у кого-либо не появились сомнения, будто улики

могли быть подброшены сотрудниками уголовного розыска специально.

Обыск длился недолго. Вытряхнули резиновые коврики на пол гаража и обнаружили пяток смятых бумажных фантиков от конфет «Мишка косолапый». А в багажнике машины нашли аккуратно сложенный синий целлофановый пакет и пустой черный кожаный кошелек. И то, и другое, сказал Елагин, будет подвергнуто криминалистическому анализу на предмет обнаружения отпечатков пальцев как погибшей женщины, так и лжепатрульных, а возможно, и убийцы.

Киреев с сарказмом возразил, что все это — чистая туфта. А фантики могли валяться в машине и год, и больше. На что Елагин возразил: эти конфеты, произведенные на московской фабрике «Красный Октябрь», появились в городе недавно и продавались только в одном магазине. В этой связи охранникам придется хорошенько вспомнить, где конкретно они их покупали. Впрочем, им-то без разницы, убийство им на шею никто не вешает, они только пособники преступления либо соучастники, а это — другие статьи Уголовного кодекса и, соответственно, иные наказания.

Понятые с явной опаской поглядывали на бледного от ярости хозяина усадьбы, взрывной характер которого здесь был хорошо известен. Но они всего лишь понятые, поставили свои подписи, что при обыске присутствовали и увиденное подтверждают, и сразу ушли, как только Елагин сказал, что понятые могут быть свободными. А найденные улики присутствующий на следственном мероприятии эксперт-криминалист аккуратно упаковал для последующей экспертизы.

На том обыск закончился. Киреев был безмерно озабочен. Эти бесконечные мелкие проколы просто выводили его из себя, но поделать он сейчас ничего не мог. Вот и приходилось терпеть и ждать, когда

фортуна наконец повернется к нему лицом, и уж тогда он ей все выложит сполна, ничего не утаивая.

И еще он подумал, что, кажется, пришла пора самому без посредников встретиться с Глухим. Похоже, что Федька Шилов, сука, трясаясь за свою шкуру, собрался кинуть его, своего кормильца...

3

Отправив Поремского отдыхать после напряженного трудового дня и решив, что с утра Владимир займется поиском юриста, Александр Борисович снова приступил к изучению магнитофонной записи. Хотел уточнить несколько мелькнувших после первого прослушивания мыслей. Он даже Грязнову позвонил и попросил заглянуть к нему.

Вячеслав ответил, что у него имеется в запасе еще целый час до очередной вечерней встречи с Шиловым за ужином. Он собирался среди прочих вопросов подробно обсудить с начальником ГУВД некоторые аспекты деятельности городского отдела вневедомственной охраны — до того, как Турецкий сам начнет жесткую беседу с полковником Медведевым. Такой ход они между собой уже обговорили. Причем Грязнов — поздно вечером, а Турецкий — рано утром. С одной стороны, Грязнов как бы лишний раз подтвердит свою лояльность к местным правоохранителям, а с другой — и у Турецкого не будет нужды скрывать своего жесткого отношения к тому бардаку, в котором вольготно себя чувствует служба вневедомственной охраны. Вас же, мол, предупреждали, почему не сделали выводы? Ах, только вчера, не успели, значит? Так это уже ваши проблемы, господа хорошие... В таком вот ключе предстояло работать, чтоб, как говорится, и невинность соблюсти, и капитал приобрести...

Славе объяснять ничего не требовалось. Первые фразы, прозвучавшие из уст женщины с необычным,

усталым придыханием, вызвали у него крайний интерес, а когда Александр подсказал, кто их производит и в какой ситуации, тут Грязнов с восхищением покачал из стороны в сторону когда-то рыжими, а ныне пегими своими кудрями:

— Ну, молодец! Ну, артист! Слушай, а тебе не кажется, что ученик дает своему учителю сто очков форы?

— Ты не об этом думай, а о тексте. С форой у нас все в порядке, слава богу.

— Нет, ну когда они кругом поспевают, уму непостижимо? По-моему, в наше время...

Но последнее было сказано, скорее, в качестве собственного оправдания, потому что «текст» пошел интересный и Вячеслав в буквальном смысле завис над диктофоном.

Пока они слушали запись и обсуждали услышанное, позвонил Рюрик, который вместе с криминалистом полдня занимался утренними находками в киревском гараже.

На кошельке, доложил он, обнаружены следы отпечатков пальцев, идентифицированные с отпечатками Игната Русиева, взятыми из его последнего уголовного дела, а также с пальцев Лилии Петровны Трегубовой, тело которой находится в городском морге. Кстати, оружие убийства найти не удалось, возможно, тот обрезок трубы был выброшен где-то по дороге. Зато судебный медик зафиксировал следы в виде подкожных кровоизлияний с обеих сторон шеи покойной, оставленные пальцами убийцы. Удар был сам по себе очень сильным, но, как установил судмедэксперт, отнюдь не смертельным. И вот тогда Русиев — теперь это можно сказать с полной уверенностью — задушил ее. Отсутствие же характерных ссадин и царапин на коже покойной указывает на то, что преступник действовал в перчатках. Что, кстати, подтвердил и свидетель Закутский, отметивший в своих показаниях «светлые руки» убийцы.

Но, видимо, уже в машине, отъехав с места преступления, Русиев снял перчатки и занялся кошельком и целлофановым пакетом пострадавшей. А вот последний, точнее, их было два — один вложен в другой, как часто делают домохозяйки, — оказался настолько «грязным» в смысле отпечатков, что работа над ним предстоит немалая, и когда появятся результаты, говорить сложно. Но зато между пакетами неожиданно обнаружили завалившийся туда чек из магазина.

Рюрик позвонил Гале, которая была уже знакома с продавщицами, передал ей чек, та быстренько смоталась к ним и привезла официальное подтверждение из магазина, что чек был выдан именно этой торговой точкой. Далее в протоколе перечислялись проданные товары, указывалось время, которое и подтверждали данные на чеке, и следовали приметы покупательницы. Большого желать было невозможно.

А в общем, и картина убийства теперь становилась предельно ясной.

Русиев окликнул свою жертву, и она его узнала. Тогда он нанес ей удар обрезком трубы по голове, но тут же понял, что он может оказаться не смертельным, и, отбросив оружие в сторону, задушил ее, после чего опустил тело на землю, подхватил упавший пакет, из которого выкатилось несколько апельсинов, прыгнул в свою машину и быстро уехал. Но где-то неподалеку его ожидали соучастники, которые вместо него сели в ту же машину, выставили маячок на крышу и вернулись во двор, чтобы проверить, как прошла операция. Убедившись в смерти женщины и видя, что собирается народ да какие-то свидетели объявились, они ловко подобрали трубу и апельсины, чтобы симитировать именно ограбление, и так же быстро уехали, заслышав рев sireны милиции.

Вероятно, позже они где-то подхватили Русиева и отправились на виллу докладывать об исполнении, не преминув при этом заглянуть в продуктовый пакет

покойной. Конфеты и апельсины им, очевидно, пришлось по вкусу. Кошелек оказался почти новым, с множеством отделений, такие и на рынке дорого стоят, зачем же выбрасывать? Тем более что они наверняка были уверены в собственной неуязвимости.

Что касается зеленого краснодарского чая, то эту продукцию можно обнаружить в любом доме, да и отпечатков с пачки не снимешь, зато на стеклянной банке кофе «Гранд» наверняка остались следы пальцев и продавщицы, и Трегубовой, и кого-то из участников преступления. Вот ее поиском и надо заняться. И с утра, теперь уже поздно, учинить обыск в квартирах, где проживают эти трое преступников.

Отправив отдыхать и Елагина, но подключив к нему в помощь на завтра Володю Яковлева — с согласия Грязнова, разумеется, Александр Борисович вернулся к собственным заботам. Попутно вспомнил, что без дела на завтра осталась Галя Романова, но Вячеслав Иванович попросил ее помочь сестре покойной Трегубовой с организацией похорон — городские власти по этому поводу словно воды в рот набрали. Вот такое у нас к людям отношение...

Итак, вернулись к магнитофонной записи.

Лично Грязнова озаботило упоминание того факта, что борьба за обладание химическим комбинатом была уже не по слухам, а вполне конкретно санкционирована известным московским бизнесменом Николаем Асташкиным. Правда, окончательное подтверждение этому может дать юрист, работавший с Анастасией Камшаловой. Тот, который свел ее поначалу с Юрием Киреевым, а затем переметнулся на сторону его дяди — Семена Киреева. Что ж, подобные ситуации случаются, но, надо понимать, не часто, и продиктованы они только одним фактором — размером гонорара. И если дядя предложил за пакет акций предприятия в полтора раза больше, чем племянник, значит, над ним стоял куда более могущественный поручитель, нежели над Юрием Кирее-

вым. Во всяком случае, такое предположение вполне может иметь место.

Но если теперь положить в основу конфликта борьбу двух олигархов, один из которых, можно сказать, известен, а назвать имя другого, в конечном счете дело техники, то какое отношение к такому переделу имеют все те убийства, которые произошли в крае за последние две недели? Они-то чем вызваны? Олигархам такого уровня, какими бы они сами, впрочем, ни являлись по характеру, нет резона связывать свои приобретения с кровавыми событиями. И уж того же Асташкина, известного угольного магната, ни у кого язык не повернулся бы наградить званием убийцы. Так что пока факты не стыкуются.

Выслушав аргументы Вячеслава Ивановича, Турецкий предложил свой вариант развития событий — условный, естественно, ибо каждое соображение будет нуждаться в твердой доказательной базе, которой пока нет и в помине.

— Нет, ну кое-что все-таки уже есть! — возразил Грязнов.

— Есть, Слава, но это «кое-что» касается исключительно исполнителей, а не заказчиков. И если относительно первых у нас имеются некоторые доказательства, то по поводу вторых — ничего, пока только одни предположения. А тут возникает еще и третий, высший уровень. А для выхода на него незачем сидеть здесь, надо возвращаться в Москву. Это в том случае, если и такая версия может подтвердиться.

— Ехать не надо, Саня. Давай созвонимся с Витей Солониным. Если он закончил срочные дела, может, в порядке помощи займется олигархами. Для начала хотя бы Асташкиным. У него среди этой, довольно замкнутой в своем кругу публики, по-моему, имеется собственная агентура.

— Наверное, ты прав. И вот еще что. Попроси своего Старкова поискать двух сбежавших охранников — Алымова и Барышникова. По той же схеме,

что Русиева. Выезжать или вылетать под чужими фамилиями они наверняка не стали, по обычаю большинства киллеров — сделали дело и отвалили. Точнее, их могли отправить подальше, когда узнали о приезде нашей группы. Куда — вот это вопрос. Соответственно, придется и по числам проверять. А вот их отпускными документами я прямо с утра пораньше завтра и займусь. В присутствии Медведева. Посмотрю, как он будет чувствовать себя на горячей сковороде. И одновременно проведем обыски в квартирах охранников. У Русиева своего жилья, как выяснил Рюрик, не было, он обретался на вилле, там имел комнату в пристройке для прислуги, но обыск ничего не дал — осторожный, мерзавец. А вот тебя бы, Славка, я попросил о чисто дружеской услуге.

— Валяй! — усмехнулся Грязнов.

— Ребята тебе передадут завтра все наработанные по убийству Трегубовой материалы, а ты сам, лично, займись теми двумя охранниками. Орехова пока трогать не будем, пусть сидит, мучается и созревает помаленьку. Но на Старостенко с Лютиковым можно давить по-черному. Чтоб они насквозь мокрыми были! Все факты против них.

— Ты хочешь, чтоб именно я?

— Им подскажут, кто ты. И если уж Рюрик на них страху нагнал, то что будет, когда за дело примется генерал, представляешь? Зато у тебя, который, в отличие от звёря-следователя, имеет возможность проявить некоторое к ним снисхождение в обмен на признательные показания, ты же ведь все-таки приятель генерала Шилова, и это теперь многим тут известно, будут основания «лепить» им не убийство, а, например, соучастие. Либо пособничество. Пусть прочувствуют разницу.

— Это мы можем! — засмеялся Вячеслав. — Да, тут что-то есть, старина... Я — за! А ты, кстати, не хочешь с нами поужинать?

— Я буду лишний в вашей компании, Славка, а уж вы как-нибудь, с глазу на глаз, я уверен, сумеете договориться.

4

Столик у них был отдельный, в углу, под натуральной пальмой. Провел их к нему сам мэтр — благообразный армянин. Предложил меню, зажег традиционные свечи. Фирма!

Заказывал, как знаток местной кухни, Федор Шилов — полностью доверился его вкусу Грязнов. Попросил только что-нибудь рыбное для себя.

По этому поводу пошли шутки, потом перекинулись на рыбалку, и, вообще, большую часть ужина они провели, пересказывая друг другу разные байки, соленые анекдоты и сплетни высшего министерского и правительственного уровня. Весело прошел ужин, исключительно по-дружески. Шилов чувствовал непринужденную откровенность Грязнова и тихо радовался про себя.

А когда стрелка часов перевалила за одиннадцать, когда выпито и съедено было уже достаточно, а о десерте и не помышляли, Вячеслав захотел вдруг поделиться с Федором некоторыми своими соображениями относительно вяло текущего, по его мнению, расследования.

Самое время, подумал Шилов, который, собственно, и затеял этот ужин, по большому счету, ради этого разговора.

— Федя, — сказал Грязнов, глядя в глаза сидящему напротив генералу с нарочитой проникновенностью хорошо принявшего на грудь человека, — ты ведь понимаешь, что при всем моем глубококом к тебе уважении есть вещи, о которых я просто обязан молчать, ибо являюсь не руководителем бригады, а всего лишь Саниным помощником, хотя и утвержденным самим

министром. Понимаешь? Без его разрешения я могу высказывать только свои личные соображения.

Вежливый кивок был ответом.

— Вот и прекрасно! Поэтому я могу посвящать тебя в те детали, в которые... могу. Правильно?

Генерал поощрительно и понимающе развел руками.

— К тому же у нас появились некоторые отдельные моменты, и по их поводу я чисто по-товарищески хотел бы посоветоваться с тобой. Как с человеком, владеющим местной ситуацией в совершенстве. Ты тут, как говорится, по определению, про всех и про все знаешь. Так могу?

И это было принято безоговорочно, хотя, как успел заметить Вячеслав, с некоторой осторожностью. Хорошо держался Шилов, и выпил более чем достаточно, а выглядел молодцом — школа!

— Вот скажи мне... Поехали наши ребята проверить версию о похищении, поскольку в городе много говорят именно о таком варианте развития событий с пропажей людей. Ты в курсе. И на одном из постов, притом совершенно случайно, выясняют, что твоим главным гаишником в городе было дано указание по всем постам не оказывать никакого содействия московской группе. Мне незачем напоминать тебе, как такой вызывающий демарш называется. Погоди, не перебивай, я еще не закончил, — добавил Грязнов, увидев протестующий жест Шилова. — Даже если это инициатива какого-нибудь безответственного мудака, нам же с тобой от этого не легче, верно? И как на это дело должен смотреть я, который подписал соответствующий документ? Как на дис.. дискредитацию, да?

— Согласен, но...

— Погоди. А ребят еще и обстреляли. Один из них, кстати, сотрудник вашего уголовного розыска, получил ранение, но, слава богу, все живы остались...

— Вячеслав, я лично, едва узнал об этом факте,

немедленно распорядился послать людей с проверкой. Обнаружили то место, откуда стреляли, и гильзы нашли. Словом, выяснили, что это были обычные дорожные бандиты, которых у нас, к сожалению, хватает. Проезжающих дальше, на юг, грабят, раздевают, угоняют автотранспорт. Народ-то здесь не бедный ездит, а горы рядом, так чего ж ты хочешь? Абреки, одним словом, для них это основной род занятий! Поэтому и версия с похищением, ты меня понимаешь, возникла у нас тут не случайно. На этом некоторые, особенно из чеченов и ингушей, большие деньги делают...

— Значит, указания не было? — Грязнов с хмельным подозрением уставился на генерала.

— Сто процентов! Костя Лиховцев — наш человек.

— Это в каком смысле — ваш?

— В прямом. Умный, толковый, оперативный... Замечаний не имеет.

— Ну-у... тогда готов поверить. А вот скажи мне еще... Довелось сегодня посмотреть материалы обысков на вилле этого вашего — как его? — Киреева. Слушай, он, вообще, что за мужик? Тебе он нравится?

— Ты странно ставишь вопрос!.. Он же не девица, — засмеялся генерал, — он как раз наоборот. Нравится — не нравится, с такими критериями к нему подходить нельзя. Я бы сказал иначе: есть от него польза городу или нет? И, подумав, причем хорошенько подумав, ответил бы: есть. Но я тебе еще скажу, сугубо между нами, можно?

— Ну а как же!

— Будь у меня достаточно власти, я нашел бы все-таки повод прижать его. Но нет у меня такой власти, Вячеслав, нет.

— Это потому, что, наверное, он диктует свою волю вашему губернатору?

— Сам догадался? Или кто умный подсказал? —

засмеялся Шилов. — Разумеется! В этом-то все и дело!

— А что его этот... родственник? Как его?

— Ты имеешь в виду Семена? Этого, не в пример племяннику, вполне можно назвать местным олигархом. В последнее время они как-то рассорились, а причина — все те же акции химкомбината, кто-то кому-то перебежал дорожку — такие разговоры идут. Но я уверен, что это — хитрая игра, и они скоро помирятся, понимаешь? Подумай, что им делить, если один владеет практически всей энергетикой края, а другой — при любом владельце — держит в руках градообразующие предприятия, как их теперь называют. Тут тебе и цемент, и сырье для него, и химия, куда уж больше-то! А они — родня, ближе нет! Но ко всей этой истории с пропажей людей они оба вряд ли имеют отношение.

— А кровь на усадьбе, а выстрелы, а пули, наконец?

— Ну, так экспертиза ведь не может утверждать с уверенностью, что следы крови принадлежали пропавшим людям? Или что пули были выпущены именно в них? Другое дело — происхождение этих улик. Вот пусть охрана и держит ответ. Вы их, кстати, взяли, вот и колите на здоровье.

— Взяли, да не всех, — поморщился Грязнов. — Ну, пусть баллистики идень... идень... тифицируют, — справился наконец с трудным словом нетрезвый Грязнов, — пули и стволы, из которых они были выпущены. А в кого — это действительно вопрос!

— Ну а я о чем? — тактично поддакнул Шилов. — Наверняка скажут, что тренировались, либо Киреев возьмет на себя ответственность. Скажет, что это палили в бога и черта его гости, как и проходило по одной из версий, верно? А те подтвердят.

Оказывается, генерал был в курсе тех рассуждений, которые москвичи вели между собой, а ведь ему специально никто не докладывал.

— А убийства мужа и жены Трегубовых? Они-то кому были выгодны? — неожиданно, но полностью в соответствии с пьяной логикой сменил тему Грязнов.

— Да кому угодно! И ты прекрасно знал Толю, а уж я тем более. Честный, порядочный человек. Но нашелся негодяй, гнида, который, видимо, решил отомстить. За что, спросишь? А поводов в нашем деле, сам знаешь, всегда найдется немало. Да на каждого из нас наверняка вагон и маленькая тележка.

— Значит, ты считаешь, причина в прошлой или настоящей служебной деятельности? Тогда супругу зачем?

— Она могла знать предполагаемого убийцу.

— Значит, версия об ограблении у тебя тоже не проходит?

— Да какое там ограбление?! Чего у Лили брать-то?

— А если мы вычислили убийцу?

— Это ты Игната, что ли, имеешь в виду? — напрямую спросил Шилов, видно, и здесь был уже в курсе, но когда же успели донести ему?

— Ну-у... — Грязнов сделал вид, что медлит. — Возможно, и его.

— А что, вполне проходит и такая версия... Игнат не раз сидел. И садился главным образом в те времена, когда Толя осуществлял в крае милицмейскую власть. Так что лиуно я бы не исключал, нет... Но я почти уверен, что сам Киреев к этому делу отношения не имеет.

— Почти, говоришь?

— Ну, не я же веду расследование. Вам виднее. Не хотелось бы просто, чтобы честного, в общем, человека со всякой грязью мешали. Видное лицо в городе, а славы такая молва не принесет. И пользы делу — тоже.

— Это кому не хотелось бы? — хитро ухмыльнулся Грязнов. — Ему или тебе?

— При чем тут я или он? Наш губернатор эту

мысль буквально на каждом совещании высказывает... И его тоже понять можно. Срок кончается, что впереди — неизвестно. Как посмотрит на это дело президент — примерно представить можно, раз такую силу в край направил. Да чего я тебе объясняю?

— А тут у вас, я слышал, этот Семен Киреев был якобы соперником Шестерева на прошлых выборах, он-то как?

— Он не соперником был, я уверен, а просто удобной кандидатурой, чтоб формальность соблюсти.

— Вон как, гляди ты...

— Так они ж все — рука об руку, — похоже, разоткровенничался Шилов. — А если и спорили, то могли обойтись без убийц.

— Значит, полагаешь, что Москаленко с товарищами не убивали? Говорят же, что депутат был с Киреевым якобы в добрых отношениях.

— Вот видишь, тем более!

— А если это дело рук тех бандитов, которые во вневедомственной охране служат, а? Кто он, этот Медведев, по-твоему?

Такой новый поворот темы, видимо, озадачил генерала. Не ожидал он. Хотя и держался настороже, уж это опытному глазу Грязнова заметно было.

— Медведев? — задумчиво, явно оттягивая время, протянул Шилов. — Да как тебе сказать? Он из местных. В смысле коренной. Если желаешь, познакомлю.

— А зачем он мне? — небрежно ответил Грязнов. — Я думаю, вопросы ему Саня задавать будет, а я не хочу в это дело вмешиваться. Я ведь сказал тебе уже, что с бандитами из медведевской команды — и сбежавшими, и теми, что в СИЗО парятся, — вот с ними разговор будет суровый. Много материалов на них набралось, поглядим, как будут вертеться. Но это я между нами, сугубо по дружбе, ты понимаешь? — Грязнов уставился на Шилова немигающими глаза-

ми, что должно было продемонстрировать собеседнику особую степень доверия к нему.

— Конечно! — горячо заверил генерал и постарался незаметно взглянуть на собственные часы.

Торопится, подумал Грязнов, но решил спуску не давать и предложил посмотреть, что заказать на десерт. Может, дыньку хорошую разрезать? И под коньячок расправиться с нею? Очень любил дыни Вячеслав Иванович. Ну, как мог после такого признания встать и бросить товарища в одиночестве генерал, сам вызвавшийся проявить сегодня подлинное казачье гостеприимство?

«Вот и посиди рядом, дорогой, — сказал себе Вячеслав Иванович, — пока я не устану... Да и поздно тебе уже звонить куда-то, предупреждать. А утром Саня даст вам всем прикурить, мало не покажется. И я со своей стороны тоже хорошенько постараюсь».

5

Шилов, вероятно, успел-таки предупредить полковника Медведева о том, что Генеральная прокуратура собирается проявить к нему пристальный интерес и что ему следует подготовиться к трудному разговору с Турецким.

Когда утром Александр Борисович позвонил начальнику отдела вневедомственной охраны и пригласил его подъехать к нему, в краевую прокуратуру, где по указанию Щукина оперативно-следственной группе были выделены два кабинета, Медведев выразил немедленное согласие прибыть, как если бы он только и ждал этого приглашения. Не было для него неожиданным и требование помощника генерального прокурора захватить с собой личные дела пятерых сотрудников отдела, двое из которых находились в федеральном розыске, а трое парились в следственном изоляторе. С последними уже начал работу Грязнов — с каждым, естественно, в отдельности. И Ту-

редкий с Вячеславом договорились постоянно держать друг друга в курсе дел, как только появится что-нибудь новенькое.

Был Андрей Константинович довольно высоким, под сто восемьдесят, абсолютно лысым человеком с резкими чертами лица — глубокими провалами глазниц, крупным носом и раздвоенным квадратным подбородком, выдающимся вперед. И руки были под стать суровому выражению лица — грубые, покрытые темным волосом, и с тяжелыми короткопалыми ладонями. Турецкий привычно обратил внимание на его ногти — большие, широкие и плоские, какие, по наблюдениям еще со времен средневековья, обычно характерны для убийц и палачей. У него и речь была отрывистой, словно испорченной постоянной привычкой отдавать команды, и низкой по тону. Трудный, другими словами, характерец... Такой вину на себя брать не станет ни при каких обстоятельствах. Хотя и оправдываться тоже не захочет.

Действительно, а чем лично ему грозит голословное, по его убеждению, обвинение в том, что в его ведомстве обосновались бандиты и убийцы? Да ничем. Годов ему, видно, немало, генеральский чин явно не светит, а на пенсии он доживать свой век не захочет, всегда найдет удобную охранную службу. Да и связи имеет немалые — чего ж волноваться?

Однако беспокойство все же было заметно, как он его ни скрывал. Чего же Медведев все-таки боится? Скорее всего, его может всерьез заботить лишь единственный факт — это если арестованные подчиненные начнут на допросах валить основную вину на него, то есть попробуют выставить его впереди себя паровозом. Попытаются, другими словами, представить его если и не организатором преступлений, то одним из тех, кто передавал им указания убирать опасных свидетелей.

Может быть такое? Наверное, иначе чего бы ему волноваться?

Турецкий первым делом, не обращая никакого внимания на полковника, стал пролистывать личные дела. Медведев мрачнел, ибо ситуация выставляла его как бы в роли курьера, которую, кстати, мог выполнить любой из сотрудников его отдела. Так с какой же целью вызвал его первый помощник генпрокурора? Всерьез допрашивать или таким вот образом просто мотать ему нервы?

В личных делах Алымова и Барышникова — об этом уже знал Александр Борисович со слов Владилена Старкова — находились заявления охранников с просьбой предоставить им внеочередные отпуска по семейным обстоятельствам. У обоих — одинаковая формулировка. Но если у Барышникова в самом деле имелаась семья — жена и семилетний сын, то Алымов был холост. И на это немедленно обратил внимание Турецкий, но словно бы походя, как на незначительную нестыковку.

Полковник, не поднимая глаз, начал нудным голосом объяснять, что Сергей собирался жениться, возможно, хотел отдохнуть вместе с невестой, но вот кто она — этого полковник не знал. А что охранники вместе уехали, так это их законное право, может, у обоих дела какие-нибудь в Испании объявились.

Он настаивал на испанской версии. А, между прочим, проверка, которую провели сотрудники Старкова, показала, что оба эти охранника вылетели в Москву, хотя отсюда, из города, имелся раз в неделю чартерный рейс в Барселону. Но, может быть, им в Мадрид понадобилось, например? Так думал полковник. В общем, чепуха полная.

Турецкий не стал «разочаровывать» Медведева, не сообщил ему о том, что Вячеслав уже звонил в Москву и дал указание своему Управлению, с привлечением сотрудников МУРа, срочно поднять агентуру, отрабатывая возможные московские связи Алымова с Барышниковым.

А вот жена Бориса Барышникова, с которой имела

короткую встречу и беседу Галя Романова, утверждала, что у ее мужа нет знакомых в Москве. А про Алымова она ничего не знала. Галя сказала, что Ленке можно верить — они были фактически ровесницами и даже учились какое-то время в одной школе. Не то чтоб подруги, но, в общем, были знакомы — город-то хоть и миллионный, но, в сущности, небольшой — по столичным меркам.

Зато с тремя другими охранниками вышел в некотором роде конфуз. Оказывается, приказом по отделу, подписанным самим же Медведевым, Орехов, Лютиков и Старостенко были освобождены от занимаемых ими должностей в связи с уголовным делом, возбужденным против них. Но срок их задержания еще не истек, конкретных обвинений им не предъявлено, значит, и дела против них, как такового, тоже быть не могло. Поторопился полковник, вчерашним числом подписал свой приказ, как только прослышал о вызове к помощнику генерального прокурора.

— Ну, раз уж вы твердо уверены, Андрей Константинович, в виновности своих сотрудников, давайте теперь об этом и поговорим.

— При чем здесь моя уверенность? — возразил Медведев. — Их ведь арестовали? Значит, у вас имеются доказательства их вины. А я... а мы... наша служба в своих рядах преступников не потеряет!

Сказано это было с изрядной долей пафоса.

— И часто у вас такое случается? — И на непонимающий взгляд полковника Александр Борисович уточнил: — Вычищать свои ряды от «оборотней»?

— На моей практике — впервые!

— Похвально. Значит, либо опыта нет, либо дело поставлено идеально. А вот из показаний свидетелей, допрошенных на вилле господина Киреева, следует, что об идеальном порядке, к сожалению, говорить не приходится. По их показаниям, сотрудники отдела вневедомственной охраны были фактически личными телохранителями названного господина. Разве

такая роль соответствует их служебным обязанностям⁹

— Впервые слышу об этом, — с каменным, словно у истукана, лицом ответил полковник.

— Поживем, еще и не то услышим... — небрежно бросил Турецкий. — Значит, об истинной деятельности своих сотрудников вам ничего не известно?

— Я уже ответил на ваш вопрос.

— Хорошо, прервемся на минуточку, посидите, мне нужно сделать один телефонный звонок, вы не помешаете.

И Турецкий позвонил Грязнову, в следственный изолятор, где тот в настоящий момент работал с задержанными.

— Слава, есть что-нибудь новенькое?

— Ты меня протелепатил. Я только что хотел отзвонить тебе. Лютиков буквально все отрицал, но наконец дал показания. Я ему закинул идею насчет паровоза. Ну, что мы, мол, вряд ли отыщем их приятелей, сбежавших в Испанию. Он тут же нашелся, вспомнил и вывалил на Алымова с Барышниковым все, что мы могли бы инкриминировать ему самому. Теперь, по его показаниям, они виноваты, а он, как послушная овечка, не смел отказаться. И начальник давил, Медведев, и Орехов, как старший, но главным образом те, которые сбежали от правосудия. Включил он в этот список и Русиева. Пользуясь особым доверием хозяина, он их всех держал в ежовых рукавицах. От участия в убийстве семерых человек отрешивается категорически. Никого не видел, но выстрелы на усадьбе слышал, Орехов ему сказал, что это гости развлекаются. Туда он не ходил, дремал в подсобке, где у них временное жилье, пока его Орехов не разбудил — менты приехали. А по поводу Трегубовой сознался, что приезжал в машине по приказу того же Русиева, но женщина была уже мертва, и он вместе со Старостенко убрался от греха подальше. Видеть он, понимаешь, не может трупов, плохо ему становится.

В общем, скажу тебе, песня известная. Сейчас начну колоть Старостенко, а Орехова оставляю на закуску. А что у тебя?

— Позже узнаешь. Срочно подошли ко мне эти показания.

— А-а... Он еще у тебя?

- Ну .

— Понял, сейчас Галку вызову и отправлю к тебе, больше некого. Тут, похоже, никому нельзя доверять полностью... Единственного, кого я не имею в виду, — это Влада.

— Ну, вернемся, Андрей Константинович, к нашим баранам, — сказал, откладывая телефон в сторону, Турецкий. — Скажите, какое отношение к вашим сотрудникам, к вашему ведомству имеет или имел Игнат Русиев?

— Абсолютно никакого.

— А почему тогда он командовал вашими сотрудниками?

— Откуда это вам известно? Это же неправда! Он к нашей службе никакого отношения не имеет.

— Но вам-то он известен?

— А какое это имеет значение? Я, может, полгорода в лицо знаю. А Русиев...

— Его кличка — Сибиряк. Не знаете, по какой причине?

— А вот это обстоятельство мне совершенно неизвестно и не интересует... Мало ли кого и как зовут? Он в губернаторской семье телохранителем был, это многие знают.

— Да? Ну, подождем, что на этот счет расскажут ваши сотрудники. Значит, как я понял, вы утверждаете, что пятеро сотрудников вашего отдела на вилле господина Киреева исполняли исключительно свои должностные обязанности? И ничего больше?

— Я так не утверждал. В свободное от дежурств время они, вполне возможно, выполняли какие-то частные его распоряжения, но только не в ущерб

службе. Зарплаты у нас небольшие, а жить надо, у многих семьи, которые приходится кормить.

— Получается так, что именно в свое личное время Старостенко с Лютиковым, как мы говорим, подчищали по указанию Русиева — Сибиряка место преступления? Ну, после того, как тот убил женщину? Это уже доказано рядом свидетельских показаний и иных обнаруженных нами улик, можете не сомневаться.

— Лично я об этом ничего не знаю, мне не докладывали, но полагаю, что в своем предположении вы, возможно, и правы. Если они что-то и могли делать, то исключительно во внерабочее время.

— Тогда за что же вы их, по сути, уволили? Сами ничего толком не знаете, официального обвинения им тоже пока не выдвинули, так за что же? Меня вопрос этот интересует чисто гипотетически.

Медведев задумался над смыслом последнего слова, но, так, видно, и не разобравшись, дал классический уклончивый ответ по известному анекдоту:

— Да пошли они все... к матери, чтоб я об этих мерзавцах теперь еще думал! Считаете, они виноваты? Вот и судите! А без вины у нас в каталажку не сажают.

— Вы уверены в этом, полковник?

— Абсолютно, — буркнул тот.

Пока Турецкий то с одной, то с другой стороны подходил к полковнику Медведеву, проявившему истинно медвежье упорство в том, что невиновных в тюрьмах не держат, и по этой причине отказавшемуся от всякой защиты своих сотрудников, по существу, сдав Их без всякого сожаления, Грязнов разматывал очередного охранника — Виктора Старостенко.

Выслушав те же самые аргументы Вячеслава Ивановича, которые тот уже высказывал Лютикову, Старостенко даже не стал раздумывать, а с готовностью их принял. Было бы странно иное — если бы он стал

возражать! А тут ему прямо подсказывают удобный ход: я, мол, такой-сякой, сирота казанская, мной командовали, мне приказывали, меня заставляли... А кто конкретно? И вот тут и появился новый мотив в аргументации.

Начальник, полковник Медведев, фактически передал их группу Юрию Петровичу Кирееву чуть ли не в собственность. Они и на службу-то являлись только в день полочки. А личное оружие держали всегда при себе.

— Стрелять-то хоть из него приходилось? — небрежно спросил Грязнов.

— Ну а то как же!

— А патроны где брали? У полковника получали? Отчитывались за отстрелянные?

— Да зачем? Юрий Петрович...

И тут осекся Старостенко, сообразив, что по инерции проговорился. Но Грязнов, ухватившись за этот факт, слезать с него уже не собирался. Он пространно стал рисовать картину баллистической экспертизы, о которой Старостенко думал в настоящий момент меньше всего, а в конце концов подвел дело к тому, что пули, извлеченные из стволов деревьев, по заключению экспертов выпущены из автоматов, принадлежащих ему, Старостенко, и Лютикову. Притом, что автоматные рожки у них обоих оказались полными. Добавил Вячеслав Иванович и что акт экспертизы подвезут с минуты на минуту, так что дело верное, сомнений быть не может.

Сообразив, о чем идет речь, охранник стал клясться, что сам не стрелял, хотя про Лютикова такого утверждать не может, поскольку просто не видел. А стреляли наверняка Алымов с Барышниковым, тоже дежурившие в ту ночь. Не исключено, что могли отстрелять, а потом заменить пустой рожок на полный и у его автомата, который обычно хранился в дежурке, в металлическом шкафу, откуда оружие и забрали при задержании.

Сказав «а», бедный Виктор Прокофьевич вынужден был говорить и «бэ».

В кого стреляли-то? Да в людей, которые приехали к Кирееву на переговоры. Но хозяин разговаривал только с Москаленко — у себя в беседке, это в глубине усадьбы, а когда остальные, сидевшие в машине, в микроавтобусе, услышали в саду выстрелы и кинулись к Москаленко на выручку, тут уж и по ним, наверное, начали стрелять Барышников с Алымовым. Больше-то и некому. А вообще, ими Орехов командовал как старший наряда. Они там все и были, а Старостенко и Лютиков находились у шлагбаума и на саму территорию не ходили. Но выстрелы слышали, да.

— А вот Лютиков утверждает, что он спал в дежурке и ничего не слышал.

— Не знаю, может, когда и спал, но только у шлагбаума мы с ним в ту ночь были вдвоем. И Орехов потом к нам пришел.

А позже, продолжал он рассказывать, когда приехала милиция и, так ничего не добившись, уехала обратно, тела убитых — их было семь человек — по приказу Орехова запаковали в целлофановые темные мешки, уложили в две машины, в тот самый микроавтобус и в джип, и Барышников с Алымовым тихо увезли их куда-то. А вернулись на джипе рано утром.

«Вот тебе и вся твоя железная уверенность, Федор Алексеевич!» — подумал Грязнов о генерале Шилове.

Пары суток сидения в камере — без поделщиков и их советов — оказалось вполне достаточно для того, чтобы заставить Старостенко, да, впрочем, и того же Лютикова, мертвой хваткой цепляться за любую предложенную им спасительную идею, лишь бы только скинуть с себя вину. Кого сейчас нет рядом с тобой? Кто не сможет возразить или уличить тебя во лжи? Ну, конечно, Барышников с Алымовым! Вот на них, стало быть, и надо все вааишь.

После такого признания, словно бы облегчившего

душу Старостенко, вопрос об убийстве Русиевым Лилии Трегубовой разрешился просто. Охранник, в общем-то, и не скрывал теперь, что приезжал на место, но только посмотреть — и все. А зачем? Так проверить, не осталось ли улики, так Игнат приказал.

На этой же версии настаивал и Лютиков.

Интересно, что теперь будет рассказывать Орехов? У него ведь, судя по признаниям охранников, была особая роль в этом кровавом деле. Это он якобы постоянно бегал к хозяину и командовал потом — кому и что надо делать...

Старостенко увели. Уходя, он с надеждой взглянул на генерала Грязнова, оказавшегося, по его мнению, не таким уж и коварным, как говорил о нем в камере один сиделец, урка со стажем, знававший в свое время бывшего начальника МУРа.

Грязнов понял смысл этого взгляда.

— Хотите что-нибудь передать жене?

— Пусть придет... — Помолчав, Старостенко добавил: — Только не придет она... Гордая.

— Да, преступнику в глаза смотреть — приятного мало. Вы бы хоть о жене-то своей вспомнили, когда шли на убийства?

— Не убивал я никого! — снова, уже со слезами на глазах взмолился Старостенко.

И Грязнов готов был уже поверить ему, но по старой муровской привычке не делать окончательных выводов на полпути приказал конвоиру задержанного увести, а к'нему доставить Орехова, но сделать так, чтобы они ни в коем случае не могли встретиться в коридоре.

Глава шестая

ПО СЛЕДАМ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

1

Дотошный Рюрик Елагин, изучая уголовное прошлое Игната Русиева, отыскал-таки одну зацепку. В девяносто втором году он был осужден по делу о вооруженном ограблении обменного пункта валюты. Его напарник оказался проезжим из Питера. Не собираясь задерживаться в городе, он по собственной беспечности даже маску для безопасности, как Игнат, на себя не натянул. Вот его-то и запомнил раненный Игнатом охранник. Этого питерского Семькина взяли уже в поезде, на подъезде к Сухуми. Ловко тогда у ментов получилось. Ну а тот, недолго думая и не собираясь брать на себя чужую кровь, сдал Игната.

Оба налетчика отсидели свои сроки и вышли на волю. А теперь, вероятно, когда у Русиева возникла необходимость где-то отлежаться, не исключено, что таким дном для него стало жилье его бывшего питерского подельника, которого Игнат мог считать в определенном смысле своим должником.

Фамилия Семькина оказалась известной в питерском угро. Виктор Петрович Гоголев без особого труда вспомнил этого вора-рецидивиста, домушника,

которого неоднократно отправлял за решетку, работая еще в Ленинградском уголовном розыске.

А вооруженный надет на валютный обменник, кстати, этот Семькин оправдывал на суде смехотворным заявлением — собственной глупостью — вор не должен «менять масть» — и отсутствием карманных денег. Пока ехал на юг, в пух и прах проигрался в карты, спустил хитрому «катранщику», ловкому поездному шулеру, все свои «отпускные» — вот и пришлось как-то выворачиваться. Да и на Игната он тогда вышел случайно — разговорились на базаре, где Семькин, ввиду острой денежной нужды, продемонстрировал ловкость рук, а Игнат его «углядел».

В общем, сложилась как бы целая цепь случайностей, которые в итоге оказались звеньями единой преступной закономерности.

Получив все необходимые данные на скрывающегося уголовника, Виктор Петрович позвонил Грязнову и сообщил, что, если этот Русиев действительно в Санкт-Петербурге, его задержание — дело техники. А он, как было им уже сказано, отвечал за свои слова. Вячеслав Иванович заверил, что очень надеется на оперативные и агентурные кадры славного города на Неве, тем не менее изъявил желание взять бандита, ставшего уже матерым убийцей, лично. Гоголев посмеялся, посчитав слова Вячеслава очередной дружеской шуткой, но Грязнов настаивал.

— Ты пойми, Витя, для этого мужика, наверняка почувствовавшего свою значительность и неуязвимость, мгновенный арест может оказаться сокрушающим ударом. Кое-кого перед жестким допросом, бывает, надо выдержать, помуржить в камере, заставить разувериться в себе. А вот такого, как Игнат, я думаю, надо брать грубо и безжалостно, именно как рецидивиста-убийцу, и немедленно начинать его колоть, пока он не успеет опомниться. У нас набралось на него столько фактов, что ему уже не отвертеться.

— Ладно, считай, уговорил, я дам тебе знать, как

пойдут дела. Но только и ты вылетай сразу, мы долго ждать не сможем.

На том и закончили. После этого разговора Виктор Петрович достал свою старую записную книжку, хранившуюся в сейфе, и стал ее тщательно перелистывать.

Работая в уголовном розыске, даже будучи потом его начальником, большинство этих номеров он помнил практически наизусть. Но теперь, когда он командует Главным управлением внутренних дел города, такая надобность отпала.

А разыскивал он телефонный номер и адрес известного в прошлом тамбовского авторитета Ефима Харитоновича Зырянского, который давно отошел от дел, дожив, правда, не без труда, до восьмидесятилетнего возраста. Покушались на него не раз, и его машины взрывали, когда в середине девяностых годов в городе развернулась в буквальном смысле война тамбовских, казанских и прочих преступных группировок, связанная с дележом бывшего государственного имущества. Но старику поразительно везло. Теперь, по слухам, старый «законник» Зыря жил в уединении где-то в районе Зеленогорска.

Номер телефона, разумеется, нашелся, и был он, возможно, одним из последних, поскольку остальные оказались перечеркнутыми.

Гоголев набрал номер. Долгие гудки тянулись, намекая на неудачу. И Виктор Петрович хотел уже положить трубку и перезвонить в уголовный розыск, чтобы справиться о Зыре, когда трубку таки подняли.

— Вам кого? — спросил хриплый старческий голос с очень характерным акцентом.

Зырянского одни считали евреем, другие — почему-то греком, третьи — чистокровным поляком, а четвертые имели в виду и первое, и второе, и третье: мол, мама была красавицей польской еврейкой, а отец — коммерсантом из греков, либо наоборот. Впрочем, это неважно.

— Простите, уж не самого ли Ефима Харитоновича я слышу? — с изысканным почтением обратился Гоголев.

— Он самый, а вы, позвольте узнать, кто будете?

— Наверное, уже забыли, Ефим Харитонович. Челом бьет Виктор Петрович Гоголев.

— Господи, да разве такие знакомства забываются? Вы еще спрашиваете, да?

«Нет, он определенно больше еврей, чем грек», — усмехнулся Гоголев.

— Если бы вы не были против, я бы, пожалуй, решился испросить у вас одного совета.... — Он не заметил, что невольно и сам заговорил, подражая манере старика.

— Я скажу вам на это так, Виктор Петрович: я всегда был уверен, что смогу искупить там, наверху, некоторые свои вины хотя бы отчасти. Ой, о чем мы с вами беседуем! И еще по этому проклятому телефону? Вам действительно это очень надо?

— До разреза! — сострил Гоголев.

— Тогда садитесь в вашу машину и приезжайте сюда. Я буду совершенно один, потому что всех, кто в доме, немедленно отошлю подальше, найду им важное дело. А вы не стесняйтесь. Если имеете этот мой телефон, значит, вам известен и адрес.

— Он, я вижу, не изменился? Зеленогорск?

— Да, Кирочная, семнадцать. И на когда вы рассчитываете?

— А прямо сейчас, если вам удобно, как?

— Таки мне удобно, я жду...

Дом был из хорошего, рельефного кирпича. Территорию с привычным теперь европейским газоном, с фонариками и цветочными вазонами вдоль плиточных тропинок окружала чугунная кованая ограда — как на богатом кладбище. Калитка была приоткрыта, словно приглашала зайти.

Чтобы не привлекать ненужного внимания, Гоголев приехал в гражданской одежде и на обычной «Ладе» десятой модели.

На дверной звонок старик сам открыл дверь, прищурившись, снизу вверх осмотрел посетителя и только тогда, многозначительно покачав головой, протянул сухую руку, обтянутую белесой кожей с крупными рыжими пигментными пятнами. Гоголев, улыбаясь, пожал совершенно, казалось, безжизненную ладонь.

Зыря стал заметно меньше ростом, время согнуло его, обнаружив на спине сутулость, напоминающую горб, но старик никогда не был горбатым, он был долгие годы стройным и весьма представительным мужчиной. Но — годы, ничего не скажешь, сделали свое дело.

Они прошли в холл нижнего этажа, уселись в кресла напротив широкого окна, затянутого снаружи изящной кованой решеткой. Заметив взгляд Гоголева, Зырянский усмехнулся:

— Вам это кажется странным, да? А мне — нет, я как-то привык, напоминание о беспечной юности. Ну, я весь внимание, вы же не мою болтовню приехали слушать? А жаль, я мог бы рассказать вам, Виктор Петрович, немало поучительного. Ну-ну, вы начинайте. А то, может быть, выпить хотите?

— Не откажусь, но исключительно, чтобы сделать вам приятное, только потом.

— Не надо комплиментов, это действительно так. Так что же взволновало наш славный Питер? Я помню времена, когда ко мне даже из Москвы приезжали за советами, да, вы что, не верите?

— Не только верю, но скажу такое, что вы сами удивитесь. Мои друзья, которых вы тоже знаете, Вячеслав Иванович Грязнов, Александр Борисович Турецкий...

— Ну что вы, я прекрасно помню этого молодого человека! И даже имел с ним однажды доверительную

беседу. И он не подвел, как обещал, так и сделал, это очень ценное качество в наше время. Так и что же?

— То, о чем я вам расскажу, больше их просьба. Идет следствие по делу о ряде дерзких убийств. Не здесь и не в Москве, а на юге, на Кубани. Они сейчас оба там. А мне позвонили с просьбой помочь им отыскать очень опасного, серийного, как мы называем, убийцу по кличке Сибиряк, который, по их предположениям, залег у нас, в Питере, на дно. Ниточкой к нему может послужить один из его прошлых подельников, некто Федот Семькин, погоняло Шустрый. Последняя отсидка — с девяносто второго, когда он с Сибиряком взял «валютник», то есть на свою голову вздумал сменить масть домушника на грабителя. Вышел в девяносто девятом и больше не попадался, хотя из виду мы его не теряли. А относительно недавно, с полгода назад, он исчез, будто растворился в пространстве. Но вот теперь следы Сибиряка выводят на Шустрого.

— И вы хотите, Виктор Петрович, чтобы я посмотрел своими старческими глазами на этих шустрых, да?

— Мы очень рассчитываем на вашу помощь и ваши старые связи, Ефим Харитонович. Хотя бы узнать, где Шустрый и не случилось ли чего с ним? Остальное — это уже наши, как говорится, заботы.

— Ну, что я могу сказать? Таки придется потрянуть стариной. Я вас понял. Исключительно из доброго отношения, к вам, Виктор Петрович, я постараюсь так напрячь свои старые мозги и кое-кого вспомнить. Но не сейчас, не сразу, а позже, когда вы уедете. А теперь давайте пойдемте, и я угощу вас собственной смородиновой настойкой. А что еще остается очень пожилому еврею, да?..

И смородиновая настойка оказалась вполне достойным восхищения продуктом, и слово старика — твердым.

Зырянский перезвонил на мобильник Гоголева,

номер которого тот оставил ему, на следующее утро. Не было произнесено ни одного лишнего слова, только деловая информация:

— Днепропетровская улица, одиннадцать, квартира сорок четыре. И другой, более реальный шанс — станция Предпортовая, садовый кооператив «Вымпел», участок сто сорок два, рядом Литовский канал, вы меня правильно слышали?

— Записал.

— Всего хорошего. — И телефон отключился.

Не прошло и часа, как по указанным адресам выехали оперативные сотрудники, имея на руках фотографии Федота Семыкина, взятые из архива уголовного розыска и увеличенные до размеров 9х12, а также фото Игната Русиева, присланное Грязновым вместе с материалами уголовного дела на обоих.

А вечером того же дня Виктор Петрович получил сообщение, что в доме на Днепропетровской улице Семыкин был опознан жильцами по фотографии, но соседи не видели его в течение фактически всего лета, полагая, что он находится на своем дачном участке, местонахождение которого никто не знал. Сыщики, соблюдая все предосторожности, вскрыли довольно-таки хитрый замок квартиры и убедились, что в ней действительно никого не было довольно долгое время. Об этом свидетельствовал плотный слой пыли, покрывавший все предметы в квартире и мебель, а также затхлый дух давно не проветриваемого помещения.

Сотрудникам уголовного розыска, отправившимся на садовые участки, расположенные по правой стороне трассы в аэропорт Пулково, повезло больше. В сторожке садоводческого товарищества «Вымпел», в котором обосновались труженики морского порта, а домушник Семыкин оказался неизвестно каким образом, дежурные охранники без труда узнали по фотографии одного из владельцев участков. Сказали, что видели его относительно недавно, даже разгова-

ривали, и он сказал, что на короткое время собирается отъехать в Москву по делам, а на даче у него до его возвращения поживет родственник. Разговор состоялся дня два назад. А неразговорчивого рослого парня с бритой головой он представил сторожам, чтобы у тех не было вопросов к чужаку. Но с момента отъезда никто из охранников, да и соседей тоже, этого родственника не видел. И свет в доме по вечерам не горел. Может, и жил, а может, и он уехал куда-нибудь — никого это дело не касалось и не волновало. Посмотрев на фотографию Русиева, охранники уверенно сказали:

— Да, это, похоже, он.

Оперативники никаких действий в данной ситуации производить не стали, так как не имели конкретных указаний начальства. Но наблюдение за дачным строением на участке № 142 установили.

Куда и зачем уехал Семькин, Виктор Петрович, естественно, не знал, даже и предполагать не мог, но явно не в свою квартиру, иначе сыщики обнаружили бы там хоть какие-то следы пребывания.

А может, пришла мысль, этот Шустрый отправился искать для бывшего своего подельника другое, более безопасное пристанище? Но тогда он должен либо снова в ближайшее время появиться на даче, либо хотя бы позвонить, чтобы Игнат выехал тайно по новому адресу. В любом случае наблюдение снимать нельзя. А вот спровоцировать Русиева показать нос из своей норы — это можно.

И Гоголев принял решение. Он позвонил Грязнову и сообщил, что Игнат найден. Идет оперативная проверка, после чего можно будет предпринимать решительные действия. Тем самым он как бы приглашал приятеля прибыть в Петербург, но как бы по его собственному почину, а не за счет питерской милиции — на всем приходится экономить, даже на проявлении дружеских чувств.

Вячеслав заявил, что вылетает немедленно и

чтобы без него никакой операции не начинали. Он говорил уверенно, словно забыл, как в одночасье иной раз рушится самая твердая уверенность. Но не он был тому виной...

2

Инициатива наказуема — эту непреложную истину просто не может не знать всякий нормальный человек в нашем обществе. Но есть два фактора, которые подвергают сомнению это положение. Первый — непроходимая тупость самого человека, и второй — повышенное самомнение, которое не позволяет ему трезво оценивать собственные дела и возможности.

Вероятно, Игнат Русиев, почувствовавший уже определенный вкус своеобразной личной власти в губернаторском окружении и поощряемый к тому же своими прямыми и непосредственными работодателями, забыл, кем является на самом деле. А прежняя природная смекалка уступила место уверенности в том, что уж с ним-то ничего случиться не может. И это его сгубило.

Устроившись «под крылышком» у Шустрого, чему тот вовсе не обрадовался — это было заметно Игнату, он, недолго думая, поспешил сообщить своему хозяину, что у него все в порядке и он ожидает дальнейших указаний. Ничего худшего на свою голову придумать было нельзя. Но Русиев не анализировал своих поступков, он действовал как заведенная машина. Сказано было сообщить, он и сообщил.

И не мог он, конечно, знать того, что думал о нем хозяин, умевший угадать и его, и свою собственную перспективу, которая, кстати, довольно четко рисовалась теперь в действиях сыщиков, в буквальном смысле обложивших его, словно волка. Несмотря на все заверения Игната о том, что все им было проделано чисто, Юрий Петрович не мог не видеть, как бездарно тот наследил, и понимал, что его собствен-

ная судьба напрямую зависит от того, будет схвачен Игнат или нет. Сможет он дать показания или же заткнется навсегда, прежде чем появится у него такая возможность.

Но Игнат не догадывался, что менты уже вышли на его след и свободная шконка в камере на десяток уголовников в ближайшем будущем едва ли не единственный для него спасительный шанс. Потому что все остальные варианты фактически не оставляли ему вообще никакой надежды.

А вот Киреев, так и не вспомнивший, когда он давал команду Игнату сообщить о месте своего нахождения, обрадовался неожиданному известию. И он сделал то, к чему старался не прибегать лично, прежде действуя исключительно через посредников. Но теперь нельзя было терять времени, решение требовалось принимать мгновенно, как и убирать с дороги опасные проблемы. Киреев позвонил Глухому и назначил этому «законнику» стрелку. По телефону такие вопросы не решаются.

И еще он достал из ящика туалетного стола Юлии пачку фотографий, среди которых были и отдельные и групповые снимки. На одном из них его жена была запечатлена вместе со своим «бодигардом», мать его...

Киреев ножницами аккуратно вырезал из фотографии одного Игната, а остатки машинально скомкал и швырнул в корзинку для мусора.

Глеб Карякин, которого свои звали Глухим, и он не обижался, хотя слух имел отменный, предложил для встречи маленький ресторанчик в порту, который «крышевали» его братки. Юрий Петрович не стал разыгрывать из себя важную персону и приехал один, без охраны, на своем джипе. Возможность наткнуться здесь на кого-то из следственной группы была практически нулевой.

Киреев загнал машину во двор, куда показали ему двое «быков», охранявших своего бригадира. Через служебный вход он прошел в отдельный кабинет, где

уже сидел невысокий, тщедушный мужичок, стриженный ежиком, со впалыми, туберкулезными щеками, обтянутыми серой кожей.

— Садись, — сказал тот, не вставая и не протягивая руки. — Ешь, пей чего хочешь. Ну что, совсем затрахала тебя ментовка?

— С чего ты взял? — пытаюсь сохранять спокойствие, равнодушно пожал плечами Киреев.

— Да беспокойный больно. Сам полез, доверие к своим потерял? Ну, да ладно, это я так, для затравки, чтоб базар скорей пошел. Чего надо-то?

«А он прав, — подумал Киреев, — нечего тянуть...»

И, ничего не стесняясь и называя вещи своими именами, понимая, что никаких магнитофонов эти уголовники не придумали, а если и установили где-нибудь, то на свою же голову, рассказал, какая у него нужда. Надо быстро и тихо убрать Сибиряка. Есть его адрес в дачном поселке под Питером, где он сейчас один. Дорога в оба конца и срочная работа оплачивается по закону: половина — сразу, хоть сейчас, а расчет после того, как будут представлены доказательства. И тоже без базара.

— А чего это ты с ним так грубо? — язвительно сощурился Глухой.

— Не хочу этот вопрос обсуждать. Ты берешься, Глеб, или нет?

— Да вот не по закону получается. Это мы выносим свои приговоры. Что братва скажет потом?

— Братве хватит и твоих собственных объяснений. А я могу сказать тебе только одно: Игнат очень грязно выполнил свою работу. Причем дважды наследил и вывел на свой след ментовку. Выход сейчас один — запечатать ему рот. Пятьдесят кусков даю, поскольку он — не авторитет, а обычная пехота.

— Боишься, если ему вилы покажут, станет дятлом? — усмехнулся Глухой.

— Почти уверен. Совсем гнилой стал.

— Ну, твой суд — тебе и масть держать. Маляву давай. И хрусты.

— Когда твои отправятся? Лучше самолетом, — посоветовал Киреев, доставая из кармана три пачки долларов. — Можешь не считать, тут ровно двадцать пять.

— Заранее приготовил? — Глухой ощерился белыми вставными зубами. — А если б я борзанул?

— Среди «законников» вроде тебя дураков нет, — возразил Киреев. На бумажной салфетке он написал адрес дачного поселка «Вымпел» и номер дома, в котором спрятался Игнат Русиев, его верный слуга, исполнявший любые желания своего хозяина. До поры, до времени. — Да я бы, может, и не стал торопиться, если бы он сам меня за галстук не взял, — добавил он, отдавая записку. — Другого выхода не вижу.

— Крепко ты своих, однако... А отправятся, когда я скажу. Ну, налей и себе — на дорожку.

— Не могу, за рулем, а ментам сейчас только повод дай, совсем скурвились...

Глеб Карякин после ухода Киреева еще долго сидел в кабинете, попивая горячий чаек с молоком и раздумывая над предложением Киреева. Ничего необычного или опасного в нем не было. Но возникло неожиданно другое, более удобное да и простое, как ему показалось, решение проблемы. Зачем гонять братанов через полстраны, заставляя их работать в незнакомой для них обстановке, когда можно позвонить в тот же Питер и передать «заказ» кому-нибудь из местных авторитетов? Важно только договориться. Разве там своих достойных бойцов нет? И они там — у себя дома. А кого мочить, им без разницы, да и двадцати кусков им выше крыши. А доказательства — не самое главное, найдут у него в карманах что-нибудь. Опять же и экономия...

И он, порывшись в своей богатой памяти, нашел-таки человека, которому мог со спокойной душой передать «заказ». Ну а уж созвониться с корешем и

договориться о том, что двадцать кусков уже сегодня будут положены на его счет в банке, проблемы не составило. Они продиктовали друг другу все, что им было нужно. Глухой пообещал также, чтоб верняк получился и не вышло ошибки, немедленно передать по факсу фото того «заказанного» блатаря — не в пустыне живем, пользуемся достижениями двадцать первого столетия! Но тут собеседник Глухого словно насторожился. По телефонной паузе почуял это Карякин. Потом тот сказал, что ему нужно подумать, и наконец пообещал дать окончательный ответ ровно через час.

Сергею Конюшову, с немудреной кличкой Конь, с которым договаривался о «мочиловке» Глухой, действительно было о чем задуматься. Не сам вопрос, как ловчее выполнить «заказ», озаботил его, а странное совпадение. Не далее как вчера, в середине дня, ему позвонил сам Зыря, легендарный питерский «законник», которому в обед, что называется, сто лет стукнет. Но его интерес касался только Шустрого, которого хорошо знал Конь, поскольку по своей работе он изредка пересекался с этим домушником. Зырю интересовали адреса, по которым можно было найти Шустрого. Конь знал и квартиру, и дачу его, где, бывало, даже отсиживался накоротке, избегая излишнего шума и милицейского шмона. Признавая высокий авторитет Зыри, Конь не задумываясь подсказал ветерану воровского труда, где может быть сейчас Шустрый.

И вот теперь новый звонок, и другой «законник», но гораздо моложе, уже с Кубани, просит его убрать затаившегося на даче у Шустрого какого-то Сибиряка. И двадцать штук предлагает, когда там, может, красная цена — всего две штуки. Странно и подозрительно. Но ведь и старика тревожить со своими сомнениями тоже негоже. Может, и Шустрый здесь вовсе ни при чем, не о нем же речь. Ведь не называл его клички Глухой.

Словом, подумав и так и этак, Конь наконец отмахнулся от своих доводов и стал звонить Глухому, чтобы теперь продиктовать ему номер факса, на который можно сбросить фотографию. А сам тем временем подумывал, кому из своих братанов поручить это тонкое и деликатное дело. С Шустрым из-за какого-то там Сибиряка ему «бодаться» совсем не светило, как не желал он и себя выставить в некрасивом виде перед стариком Зырей. А работа есть работа. На то имеются и свои «игровые», то есть исполнители.

3

На удачу Игната Русиева, эмвэдэшная система не умеет еще работать без сбоев. Он, правда, не знал о том, что его объявили в федеральный розыск, хотя и предполагал, что его исчезновение из города все равно озаботит ментов, что бы им про его отпуск ни говорил хозяин. Важно было сейчас просто выиграть время, чтоб осесть на дно и отлежаться, пока шум не утихнет. Но найти Шустрого сразу не удалось, он словно почуял назревающие неприятности для себя и залег. С немалым трудом удалось «раскачать» одного алкаша-соседа Семькина. И тот только после крупного возлияния «вспомнил» про дачу, на которой мог обрестаться Федот.

Но до этого пришлось несколько дней скитаться по съемным углам у теток, дежуривших в ожидании выгодного клиента у пяти железнодорожных и двух автовокзалов северной столицы. Без конца это продолжаться не могло, в конце концов его замела бы милиция. И вот сосед раскололся.

От неожиданного везения, а также чтобы сосед кому-нибудь не рассказал о приезде хотя бы в течение недели, Игнат на радостях купил ему ящик дешевой водки — пусть зальется до полной потери памяти. А сдохнет, так еще лучше.

Федот встретил своего давнего подельника без ра-

дости. Он ожидал мести со стороны человека, которого, по сути, сдал ментам, желая отмазаться от чужой крови. Но Игнат, казалось, забыл про старое. Он сказал, что ему надо спрятаться на время. Дачка Шустро-го была не самым подходящим местом для такой цели, надо было найти что-нибудь более отдаленное от ментовки, но и более комфортное.

Шустрый немедленно согласился с ним. Зная, на что способен Сибиряк, он и без расспросов догадывался о причине появления Игната у себя «в гостях». Отказать в такой ситуации было то же самое, что подписать себе немедленный смертный приговор. И тогда Федот предложил Игнату денек-другой пожить у него тут, пока он сам съездит кое-куда, тут, неподалеку, в области, и договорится об «отдыхе» своего приятеля.

Ну а далее он сообщил о своем отъезде настырным охранникам, которые по два раза на дню обходили все участки, следя, не взломаны ли двери и окна, особенно у тех хозяев, которые по каким-то причинам отсутствовали на своих дачных участках, и во все щели совали свои носы. Он и Игната представил им как старого приятеля, который поживет здесь немного, не более недели, пока сам он съездит в деревню, к далекой родне, чтоб привезти на зиму картошки и других овощей для собственного погреба.

Дело было для всех привычное, и никто не придал ему значения.

А сам Федот решил больше не искушать судьбу общими заботами с Игнатом и действительно уехал в деревню, в Кировскую область, поставив себе задачу как можно дольше оттуда не возвращаться. Сибиряк не сможет безвылазно сидеть на даче. Ну, со жратвой еще как-никак, а что делать без выпивки? Особенно когда тебе делать нечего и выходить наружу можешь только темной ночью, да и то с опаской. Короче, однажды исчезнет он, а отговорок для себя Федот мог

найти сколько угодно. А что не звонил по мобиле, так подзарядку забыл, да мало ли причин!

И этого всего тоже не знал Игнат Русиев. Да если бы и знал, что сумел бы предпринять? В любом случае приходилось сидеть и ждать. Разве что хозяину иногда позванивать, сообщать, что жив и здоров.

Он уже узнавал сменных охранников, которые регулярно обходили участки и внимательно оглядывали замки на калитках нежилых домов. А где жили, туда заходили, спрашивали, как и что, все ли в порядке. Сам же без нужды за порогом не появлялся. Даже ведро приспособил для себя, которое выносил и выливал в сортир в углу участка только глубокой ночью, в полной темноте. На всякий случай — береженого, известно, и Бог бережет...

Через щелку в занавесках на окне он внимательно разглядывал неказистый дом напротив, в котором никто сейчас не жил. Наблюдал внимательно и в разное время, словно чуял, что там могла притаиться неизвестная опасность.

Вероятно, интуиция закоренелого преступника не подвела его и на этот раз. Был в том доме наблюдатель. Он прятался за проемом чердачного окна, вкривь и вкось забитого почерневшими от дождей дощечками.

Сидел там сотрудник уголовного розыска славного города Санкт-Петербурга и в бинокль разглядывал через узкие щели между досок дом, стоящий напротив, пытаясь уловить хотя бы колыхание занавесок на окнах, огонек, блеснувший в глубине комнаты, чтобы сделать вывод о находящемся внутри человеке. Но вот уж сутки прошли, а движения никакого.

Игнат по устоявшейся привычке не подходил близко к окну. Вот и сейчас он увидел знакомую картину. По узкой улочке, заросшей вдоль заборов кус-

тарником, двигались, громко разговаривая — голоса слышались, но слов было не разобрать, — двое охранников. Одного из них Игнат уже видел, другой появился впервые. Они что-то обсуждали, держа в руках пачку белых листов бумаги.

Возле калитки дома напротив они постояли, потом знакомый охранник взял из пачки, что держал в руках второй, один листок и, свернув его пополам, просунул сквозь щель между штакетинами в почтовый ящик, висевший на внутренней стороне ограды. После этого они повернулись и пошли через дорогу к дому Федота Семькина.

У Игната что-то сжалось внутри. Рука машинально потянулась к пистолету с навинченным на него глушителем, лежащему всегда рядом, на тумбочке у кровати. Он стал вспоминать, закрыл ли за собой дверь, когда выходил в последний раз под утро уже. Но вспомнить не мог. Кажется, закрыл. Но на всякий случай быстро лег на кровать, взял в руку пистолет и накрылся одеялом, будто спал.

На ступеньках слышались грузные шаги. Поднимались двое. В дверь постучали, потом подергали ее. Игнат услышал голоса.

— Дома он наверняка.

— А чего не отвечает? Помер, что ли? — засмеялся другой.

— Да не, это он еще с рыбалки, видать, не вернулся. На канале...

— А ты видел его?

— Так он, видать, в обратную сторону пошел, там дыра в заборе, и через лесок — напрямки.

— Ну, так давай оставим ему повестку, придет — прочтает. Пошли дальше...

Игнат вспомнил, что говорил охранникам перед отъездом Федот. Мол, родственник приехал, порыбальить на канале хочет, отдохнуть. Как же это он упустил из виду?

Шаги удалились. Но звериная осторожность не

позволила Игнату немедленно выглянуть за дверь и посмотреть, что за листок оставили ему охранники — может, что-нибудь важное, а может, пустяк. Что за повестка? В суд, что ли? Мелькнула такая дурацкая мыслишка. Вызов на допрос к следователю? И чего только голова не придумает... Он решил сделать это вечером, когда стемнеет, а пока не высовываться.

Игнат пошел на кухню, единственное окошко которой выходило к сараю и погребу, включил электроплитку и, вырезав ножом крышку у банки с тушенкой, вывалил содержимое на сковородку. Водки почти не осталось. И это было плохо. Если в ближайшее время Федот не появится, придется самому как-то выбираться к шоссе, где есть магазины. А на виду у всех этого делать очень не хотелось.

Махнув последний стакан и зажевав его горячей тушенкой, Игнат улегся на кровать и, почувствовав под рукой холодный металл пистолета, заставил себя заснуть.

Наблюдатель видел, как охранники, один из которых был, как и он сам, сотрудником угрозыска, кнопками прикрепили к двери дома Федота Семькина, проходившего в картотеке отдела под кличкой Шустрый, лист бумаги и ушли. Да, это была толковая ловушка. Если в доме обосновался убийца и не высовывается наружу, значит, у него есть на то веские причины. Но он же просто обязан поглядеть, что на той бумаге. А вдруг там то, что может грозить ему серьезной опасностью?

Но день прошел без происшествий. Хозяин не появился, его гость, если он действительно все еще находился в доме, тоже ничем не выдал себя. У наблюдателя складывалось ощущение, что дом пустой и они, по существу, ловят, как говорил герой известного детектива, черную кошку в темной комнате, не зная, что ее там нет. О том, что эту пословицу при-

думали еще древние китайцы, наблюдателю ведомо не было. И он уже отчасти успокоился.

Позже, когда совсем стемнело, он скорее для порядка взглянул в бинокль на дверь дома напротив и... обомлел. Бумажного листа на ней не было.

Прозевал! Проспал, мать его!.. Ну, не ветром же сдуло! Ведь коллега прикрепил его на совесть... И значит? А что значит? Надо немедленно докладывать! Ведь группа захвата дежурит в «рафике», на стоянке, возле конторы дачного поселка.

Сказано же, убийца, если он в доме, живым не сдастся, слишком много на нем висит трупов. Вот никто и не хотел рисковать зря. Но если бы появилась твердая уверенность, тогда другое дело, тогда можно и спецтехнику применить. А так только спугнешь, и тогда вообще пиши пропало!..

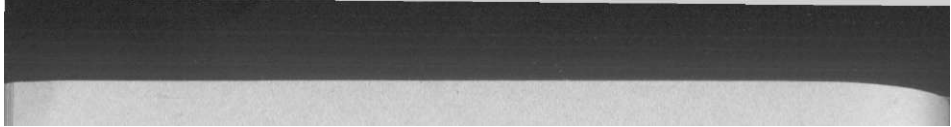
Никто в течение второй половины дня к дому не подходил. Нет, мимо-то проходили, видно, местные, из этого поселка, но любопытства они не проявляли. Выходит, сам не удержался.

Предполагая, что его дальнейшее сидение здесь никому не нужно, наблюдатель сложил в сумку разложенные предметы, передернул затвор пистолета на случай, если придется стрелять, и взял телефонную трубку, чтобы сообщить руководителю группы о своих наблюдениях и соответствующих выводах.

Старший выслушал и велел никаких шагов не предпринимать, оставаться на месте и продолжать производить тщательное наблюдение, а он сейчас же доложит обстановку Виктору Петровичу, который, не исключено, сам захочет возглавить операцию по захвату преступника.

Наблюдатель снова достал бинокль и улегся на подстилке, а сумку свою оставил в покое. Неизвестно, сколько еще придется так лежать, таращась на темный силуэт дома, в котором даже огонька от спички за столько времени так и не мелькнуло...

И вдруг он увидел — сперва подумал, что показа-

лось, — каким-то боковым зрением, оторвавшись от окуляров бинокля, он заметил мелькнувшую слева по земле полосу света. Он немедленно направил туда бинокль.

По дороге, прижимаясь почти вплотную к забору, двигались два совсем темных силуэта. Вот снова вспыхнул, пробежав по штaketнику луч карманного фонарика — теперь это было ясно. Он только мелькнул и погас на бегу. И снова возник на краткий миг, упершись в светлый номер на стене дома — 142.

Тихо отворилась калитка, тени неслышно скользили во двор, так же бесшумно оказались у двери, и напряженный слух наблюдателя уловил легкий стук в дверь. Он немедленно стал нащупывать рядом с собой телефонную трубку, но вспомнил, что, ложась к окну, сунул ее в сумку. Чертыхаясь про себя, нашел ее наконец, а когда снова взглянул в бинокль, никого на крыльце не увидел. Словно и не было там двоих пришельцев. Почудилось, что ли? Да не может такого быть. Или он заснул, и во сне?..

Его новый телефонный звонок всполошил команду, отдыхавшую в «рафике». С минуты на минуту ожидали, что прибудет начальство и само отдаст приказание. Но ни сигналов, ни фар на дороге не было видно и слышно. И тогда старший дал команду приготовиться и быстро обложить указанный дом со всех сторон, чтобы даже мышь из оцепления не проскочила. А сам остался дожидаться прибытия Виктора Петровича Гоголева и еще какого-то важного генерала из Москвы. «Смотри, какая честь убийце оказана!» — думал он, беспокойно вглядываясь в темноту дороги, ведущей к поселку от шоссе.

Острый слух Игната различил осторожные шаги на ступеньках крыльца. Но еще раньше полусонным взглядом он успел заметить вспышку фонарика, луч которого вскользь задел занавеску.

Коротким бесшумным броском он оказался у входной двери и сбоку прижал к ней ухо. Послышался короткий легкий стук, не то шорох, больше похожий на корябанье ногтей по дереву. Игнат выждал и услышал шепот:

— Сибиряк, ты тут?

С новой силой вспыхнуло ощущение острой опасности. Он выждал и тоже прошептал:

— Кто такие?

— Привет от хозяина. И малява от Шустрого.

— А чего надо?

— Сам смотри. Открывай скорей! — шепот торопил, хотя, понимал Игнат, никакой надобности в этом не было. Тем более ночь на дворе, ни черта не видно, чего гнать-то? И при чем здесь сразу и Шустрый и хозяин с юга? Фуфло! Кто-то, видать, хочет взять его, как дурную рыбу, даже не на приманку, а на пустышку...

— Сейчас открою, — шепнул Игнат и на цыпочках отошел от двери.

Он взял длинное удилище, стоявшее в углу сеней, и, плотно прижавшись спиной к противоположной стене, продвинулся в направлении двери. Пистолет с глушителем держал наготове, а левой рукой начал наискось тыкать тупым концом удилища возле замочной скважины, хотя дверь была закрыта только на щеколду, обильно смазанную керосином, чтобы не скрипела — не лязгала.

— Сейчас, сейчас, — нетерпеливей и громче повторял он, делая вид, что в темноте неловко вставляет в скважину ключ.

И вот тут не выдержал, поторопился «исполнитель» Коня — раздался характерный щелчок, треск, и пуля насквозь прошила дверь как раз возле замочной скважины.

С ходу последовал ответный выстрел из сеней, на крыльце громко вскрикнул и покатился по ступень-

кам человек, а затем послышался яростный мат — нападавшие уже не сдерживали себя.

— Сука! — вопил один, тот, в которого попал Игнат.

А другой бил в дверь ногой и', стреляя — тоже через глушитель, отчего слышался тшшько треск прошиваемого пулями дерева, повторял без передышки:

— Ну, падла, ты сам подписал себе...

Игнат вторично выстрелил наугад, но не попал, а только разозлил нападавшего. Тот заорал громче.

Под этот крик, на который наверняка сейчас сбегутся охранники, надо было немедленно уходить. Игнат это уже понял — дорога не минута, а каждая секунда. Он метнулся в комнату, подхватил свой рюкзак, в котором были сложены все необходимые ему вещи, и, перебежав в кухню, под шум на крыльце распахнул единственную створку небольшого окна. Пролететь через него можно было с трудом — он давно прикидывал такой вариант, если случится непредвиденное и надо будет тихо уходить огородами. Да теперь-то какая тишина? Весь поселок, поди, разбудили, сволочи!

В открытое окно полетел рюкзак, а затем Игнат, подставив табуретку, забрался на нее и ласточкой сгинул вперед головой в более светлый квадрат, словно в воду, чтобы приземлиться на руки и не поломаться при этом. Но прыжок получился коротким и слишком мягким. Он рухнул не на землю, а на чьи-то подставленные руки, которые немедленно жестко скрутили его — да с такой силой, что у него даже дыхание перехватило.

Игнат попробовал извернуться, дернуться, но почувствовал себя словно в железных тисках, которые мертвой хваткой держали его ноги. Он еще услышал крик на улице, с другой стороны дома, и был он громким, словно колокол судьбы:

— Всем прекратить сопротивление! Отдаю приказ стрелять на поражение!

И тут же абрис стены дома осветился ярким лучом прожектора.

— Успокоился, Русиев? — почти заботливо спросил неизвестно чей голос, и Игнат... заплакал — молча и зло: скрутили, словно козла перед закланием! Не повернуться, не продохнуть... — Поднимайте его, — приказал тот же спокойный голос. — Поехали, Сибиряк, тебя давно Ждут, с покаянием.

Кто-то, невидимый в темноте, засмеялся, кто-то, жестко ухватив его за шиворот, приподнял, другие руки подхватили за предплечья и ноги, и Игнат поплыл, спеленатый, как младенец, навстречу своей, недалекой уже судьбе...

4

Весь следующий день просидел он в одиночной камере знаменитых петербургских Крестов, а напротив него вальяжно расположился генерал, которого он видел, когда из Москвы прибыла группа следователей. Вот и этот был там, они еще с Федором Шиловым вроде как корешуют — так говорил хозяин. А теперь вот он тут. Сидит, вопросы задает, на которые Игнат, если б и хотел, все равно не стал бы отвечать. Ответить — это с ходу подписать себе «вышку», и она была бы наверняка, если б не отменили «стенку», заменив ее безразмерными сроками.

И, главное, все вопросы, задаваемые почти безразличным и сухим тоном, били в одну точку:

«Кто заказал депутатов?»

«Где спрятаны трупы убитых?»

«Кто заказал Трегубова?»

«Кто заказал его жену?»...

Можно было подумать, что исполнитель им давно известен, а теперь нужен только заказчик. Ответить на любой из этих вопросов — означало «открыть рот», а уж открыв, его не удалось бы потом закрыть ни при каких условиях — это отлично понимал Игнат. Вот

они на протяжении целого дня в буквальном смысле изводили друг друга — один скучными и однообразными вопросами, а другой — упорным молчанием.

Генерал, видно, ждал чего-то. Поэтому не уходил, не давал Игнату даже краткой передышки — сосредоточиться на том, что произошло ночью, рассудить, как такое вообще могло случиться, — чтобы найти хотя бы малый, но приемлемый для себя выход из того черного тупика, в котором оказался.

Главный вопрос, который его мучил сейчас больше всего, — это кто его сдал?

Хозяин, которому он сам зачем-то сообщил о месте своего пребывания? Недаром именно от него передали привет эти суки, явившиеся по его душу...

Или Шустрый? Он, видно, так Игнату и не пове-рил, а, наоборот, испугался за свою шкурную жизнь, встретив человека, которого сам же в свое время и продал? Ведь и его тоже упомянули убийцы, точнее, какую-то его маляву. А им, оказалось, и надо-то было, чтобы он, лопухнувшись, просто приблизился к двери, после чего его можно было «мочить» без всякой пощады...

Так, значит, Шустрый их нанял?

Но тогда каким образом рядом с домом оказались менты, да в таком количестве, что скрыться от них вообще не было никакой возможности? Или опять же это Шустрый сдал, который устроил ему здесь ловушку?

А зачем посылать еще и киллеров? Менты бы и сами справились, ну потеряли бы двоих-троих, не без этого — Игнат дорого продал бы им себя... Нет, что-то не сходится...

Трудная это работа — думать, анализировать, особенно когда напротив тебя сидит генерал и скучным голосом, как заведенный, задает одни и те же вопросы. Измором, что ли, берет?

Кто еще мог знать, где он? Да никто! Двое всего

и знали, значит, грешить придется на одного из них. Или на обоих?

А как тогда хозяин на Шустрого вышел? Они ж отродясь знакомы не были...

Сплошная путаница, дикий кроссворд, в котором совершенно невозможно разобраться.

Понял наконец Игнат, чего ждал генерал — телефонного звонка. Ишь, как сразу обрадовался!

— Несите ко мне, — сказал так, будто ему где-то там богатый подарок приготовили.

Можно было бы попробовать, конечно, приделать генерала, сила-то в руках еще осталась, да ее никто из него и не выбивал — даже наручники сняли. Но генерал наверняка был при оружии, и их разделял стол, привинченный к полу. Нет, не стоило, пожалуй, сейчас зря рисковать — здоровый генерал, как кабан, такого с ходу не заламаешь. Зато конвоиры смогут тогда хорошо потрудиться над ним, и уж оков больше не снимут как пить дать...

В камеру вошел рослый конвоир, взглянул на Игната с подозрением и положил перед генералом папку. Тот, кивнув, отпустил его и раскрыл папку. Читал недолго, быстро переворачивая исписанные авторучкой страницы, — видел Игнат и понимал, что это, скорее всего, протоколы допросов его неудавшихся убийц. Интересно, кто же все-таки?.. '

Закончив чтение, генерал удовлетворенно хмыкнул и, посмотрев изучающе на Игната, сказал с иронической усмешечкой:

— Закурить хочешь? Или не куришь?

Игнат отрицательно покачал головой.

— И правильно! — странно развеселился генерал. — Слышал небось, как одного такого же чудака вроде тебя вели на виселицу и кто-то предложил ему в последний раз затянуться. А он отказался, сказав, что боится заболеть раком легких! — Довольный генерал рассмеялся. — Ну, как хочешь, твои проблемы

А теперь вернемся к моим. Так повторить вопросы или ты сам их уже запомнил до конца дней своих?

Игнат промолчал, лишь индифферентно пожал плечами — не знаю, мол. Не интересуюсь этим вопросом. Генерал Грязнов понял смысл немого ответа.

— Тогда скажи другое: наверняка тебе интересно узнать, хотя это твое знание в конечном счете ничего в судьбе твоей не изменит, кто тебя заказал, да?

Игнат показал движением бровей, что и это ему, в общем, безразлично.

— Ладно, не буду томить, мы ж тоже люди, понимаем... Ну вот, — хлопнул он тяжелой ладонью по папке, — допросили тут твоих «крестников». Они назвали имя того, кто их послал. Взяли и его. Он сначала вроде тебя отмалчивался, но когда объяснили — понимаешь? — во что ему обойдется его упорное молчание, тут он с ходу оценил все многочисленные выгоды вежливого разговора со следователем. Сказать? Или тебе уже все равно?

— Скажи, — это было первое слово, которое Игнат произнес за целый день.

— Ну, тогда смотри, какую я тебе сейчас интересную картинку нарисую. Только у нас так: ты — мне, и тогда я, стало быть, тебе, и никак иначе. Впрочем, сейчас ты сам все поймешь... Про Коня чего-нибудь слышал? Местный питерский авторитет.

— Нет.

— Наверное, и он про тебя — тоже. Во всяком случае, до вчерашнего дня. Пока ему не позвонил Глухой... Знаешь, надеюсь, такого?

Игнат помолчал и кивнул:

— Знаю.

— А хозяин твой его тоже знает?

— Не знаю, его дела.

— Я думаю, известен он ему, и достаточно хорошо. Потому что Глухой звонил позавчера Коню и передал ему твой адрес. Точнее, адрес дачи Шустрого, у которого ты тайно остановился, чтобы переждать

непогоду на улице. А вот откуда, сам подумай, Глухой мог знать адрес этой дачи? Ты ему разве говорил? А он, мало того, что передал сюда твое цветное фото по факсу, так еще и гонорар перевел в Питер. Вчера поступили на валютный расчетный счет Коня — проверено — двадцать тысяч долларов. Не очень дорого, как видишь, они тебя оценили. Хотя киллеры, одному из которых ты ухитрился жопу насквозь прострелить — это ж надо! — утверждают, что им Конь обещал только по штуке на рыло. Не густо, верно?

Игнат неожиданно для себя кивнул.

— Вот видишь! Но если Глухой ничего про твое путешествие в Питер не знает, то откуда у него оказались твое фото и адрес дачи? Подумай, время у тебя теперь есть. Кому ты говорил об этом?

— Хозяину, — мрачно ответил Игнат, словно решившись на тяжкое для себя признание.

— То-то и оно, — вздохнул с пониманием Грязнов. — А теперь я тебе объясню, почему он так с тобой поступил, хочешь знать?

— Хочу, — не отрывая взгляда от пола, ответил Игнат.

— Все открывается просто, Игнат... как тебя по батюшке?

Нарочно спросил Грязнов, мог ведь посмотреть в деле, но не стал, пусть говорит арестованный, надо, чтоб слова из него сами лились.

— Харисович.

— Вот я и говорю, Игнат Харисович, набрали мы на тебя столько неопровержимых улик, что деваться тебе от них некуда. Все арестованные охранники сдали тебя с потрохами. И ты теперь среди них вроде паровоза. Ну, скажу тебе, это понять я еще могу. На хрена им брать кровь на себя, когда уже есть готовый преступник, сорвавшийся в бега, верно? Во всяком случае, логично, так я думаю... Поэтому на тебе теперь столько трупов, что ни один суд присяжных не поверит в твое раскаяние. Разве что следствие как-то

поможет. Но с ним, тебе известно, сотрудничать надо, только тогда... Такие вот дела. Иначе пожизненное. Короче говоря, когда твоему хозяину добрые люди доложили о том, какой на тебе груз висит, он, полагаю, без размышлений принял единственно правильное для себя решение. А состояло оно в том, чтобы заставить тебя замолчать окончательно и тем самым списать на тебя все грехи, включая собственные. Подумай, в этих моих размышлениях тоже есть истина. Времени у тебя немного есть, а я пойду. Будем тебя этапировать в родные края. Может, даже уже сегодня вечером. А захочешь чего рассказать, я неподалеку. Думай, а то у вас там, в «крытке», тебе вряд ли дадут поразмышлять, так и до суда не доживешь, а я тебя, Игнат Харисович, специально охранять не буду. Потому что не хочу, не нравишься ты мне, понял? Торопись...

Грязнов, нарочито кряхтя, поднялся с табуретки и ушел из камеры, после чего на двери громко лязгнул замок.

До самого вечера молчал Русиев. Охранявший его сотрудник милиции сказал, что он безостановочно метался по камере, словно дикий зверь в клетке. Но когда за ним пришли двое конвоиров, чтобы пристегнуть его к себе наручниками и выводить в автозак, дожидавшийся во дворе, он спросил:

— Куда меня?

— В самолет, — ухмыльнулся конвоир, хотя мог бы и не отвечать на вопросы, но Грязнов предварительно проинструктировал их обоих. — На вечерний рейс, с большой охраной полетишь, как «крутой».

Игнат словно успокоился. Спросил только: полетит ли генерал? И добавил, что хочет с ним поговорить.

— А уж это он сам решит, надо ему с тобой базар

затевать, или пошел бы ты, — грубо ответил второй охранник.

В аэропорту Игната сразу провели в отдельную комнату без окон, где места тюремных конвоиров заняли двое сотрудников уголовного розыска, которым предстояло сопроводить преступника до места назначения. Вскоре там же появился и Грязнов, сказав, что через пять минут они Могут идти на посадку. Потом посмотрел на Игната и добавил:

— В целях обеспечения вашей же безопасности, прошу никаких резких движений не совершать.

— Я поговорить хотел... — опустив голову, пробурчал Игнат.

— Знаю, мне доложили. Вот сядем в самолет, тогда и поговорим.

Грязнов был верен своему слову. Когда Русиева на аэропортовской «Волге» доставили прямо к трапу, посадка еще не началась. Сыщики вместе преступником поднялись на борт, прошли в самый хвост самолета и устроились в последнем ряду. Один опер сел к иллюминатору, рядом посадили Русиева, а на место второго опера, который отстегнул наручник на левой руке Игната, уселся Грязнов. Сам же оперативник сидел впереди, создавая как бы «мертвое пространство» вокруг группы.

— Говоришь, есть о чем потолковать? — спросил Грязнов, застегивая на животе Игната пряжки ремня безопасности и пристегиваясь сам. — Если по делу — давай, а так — у меня нет интереса.

— Хочу явку с повинной, — неожиданно произнес Игнат.

— Ты хорошо подумал? — после паузы спросил Грязнов.

— Подумал. Могу под протокол все рассказать или на диктофон запишите. Если руку отстегнете, сам «явку» напишу, мне терять нечего.

Прикинув, Грязнов велел оперативнику поменяться с арестованным местами и пристегнуть к себе

его левую руку, оставив свободной правую, чтобы тот мог писать. Спросил только, как бы в шутку:

— А ты писать-то умеешь?

Ух, какой уничижительный взгляд кинул на генерала Игнат. Но промолчал. Принял от Грязнова несколько листов бумаги, ручку, а охранник помог ему опустить столик, чтоб писать было удобнее.

Вячеслав Иванович немного успокоился — зажатый в углу, Игнат никуда не денется. Но все равно приходилось в течение всего полета быть настороже. И не дремать, хотя в сон, честно говоря, клонило.

Когда Игнат заканчивал очередную страницу, Грязнов забирал ее и тут же прочитывал.

Писал он, конечно, безграмотно, делая большое количество орфографических ошибок, да и о синтаксисе не имел понятия. Корявые фразы поначалу раздражали. Но потом Грязнов втянулся, перестал обращать внимание на мелочи. И вот какая стала вырисовываться картина.

Игнат, рассказывая вначале свою нелегкую биографию, не забыл упомянуть про тяжелое детство, безотцовщину и, разумеется, отрицательное влияние улицы.

Первая судимость появилась у него еще во время учебы в школе — попался на обычной карманной краже. Но когда потерпевший попытался задержать его, ударом кулака Игнат сбил того с ног, да так, что человек попал на больничную койку. Дали Русиеву всего полтора года, которые он полностью отсидел в колонии для малолетних преступников.

В школу, естественно, после этого не ходил, работал на подхвате, где придется. Пил, гулял. Подошел срок и загремел в армию, никто и не посмотрел на его прошлое. От традиционных солдатских издевательств спасало то, что он вырос крепким и выносливым. Потом попал в Афган, где почти год провоевал, получил контузию, после которой с тех пор иногда случались припадки, даже сейчас бывали — при

сильном волнении. И остался полностью не у дел. Словом, типичная поломанная судьба многих неустроенных в жизни молодых людей.

Надо было жить, но непонятно как и на что. Мать умерла, когда он сел еще в первый раз, жилья тоже не осталось — пока воевал и лечился, «добрые люди» продали старый домишко. Но Игнат не сдавался, пробовал устроиться на работу, а его не брали. Кому он был нужен без жилья, без специальности, без знакомых.

Выход нашелся, когда попал в компанию таких же, как он, парней, имевших все основания ненавидеть скороспелых богачей, ринувшихся в перестройку. Взяли одного бывшего «цеховщика», кавказца, ставшего процветающим русским бизнесменом, и выбили из него в буквальном смысле свой гонорар. Поняли, как это нетрудно, повторили раз, другой, третий и, наконец, попались. Судили уже как организованную преступную группу. Но судья сжалилась над припадочным Игнатом — прочитала про Афган, контузию, жизнь поломанную и сократила срок до пяти лет.

А про третью судимость, когда взяли с Шустрым валютный обменник ^е теперь, оказывается, всем известно. Действительно стрелял в охранника, хотел просто припугнуть, чтоб не совался, но тот, козел, ринулся отнимать пистолет, ну и нарвался на случайный выстрел. Но ведь не смертельный же.

Получил новый срок. Когда после отсидки вышел на волю, кореша подсажали, что можно приткнуться в охрану, если договориться с начальником и не афишировать своего прошлого.

Короткое время проработал в ЧОПе, в котором директором был доверенный человек Юрия Петровича Киреева. Вел себя прилично — не курил, не пил, с девками был осторожен. Может, этим и приглянулся новому хозяину. Киреев приставил его к своей жене — ездить за ней повсюду и не разрешать совер-

шать глупости. А она, когда выпивала лишнего, начинала орать, посуду бить, оскорблять всех вокруг. Вот тогда ее следовало брать в охапку и спокойно класть в машину.

Все бы хорошо, да только хозяин, видя, как спокоен и послушен телохранитель, стал поручать ему некоторые свои делишки — морду там начистить кому следует, припугнуть при случае одного-другого, ну и так далее. С оружием дел старался не иметь. Да и не любил этого баловства еще с Афгана. Тем более что он мог, если надо, голыми руками свернуть человеку шею.

А с Трегубовым получилось так, что просто другого выхода не нашлось.

Вице-губернатор ворвался в кабинет Шестерева, когда там сидели Киреев с Шиловым, и начал им угрожать. Требовал у Шилова, чтоб тот немедленно арестовал губернаторского зятя и его личного охранника-убийцу.

И когда он ушел, так ничего не добившись и пообещав сегодня же выступить в Законодательном собрании и разоблачить преступную шайку во главе с самим губернатором, вот тут, видимо, у всех лопнуло терпение. И Киреев передал своему охраннику личное приказание губернатора — заткнуть рот опасному крикуну. Что Игнат, мальчик? Не понимал разве, чего от него требовали? Да он и сам, оказывается, уже приписан к этой компании. К тому же послушаться Киреева, не говоря о самом губернаторе, — значит, подписать себе приговор.

Прочитав этот абзац, Грязнов спросил у Игната, получал ли тот гонорар за такую работу. И если да, то в каком размере? Надо обязательно указать.

Игнат подумал и сказал, что напишет в конце.

— А про стрельбу на усадьбе почему ничего не пишешь? — снова спросил Грязнов. — Трегубов — это ведь недавно, тех-то людей убили раньше.

Игнат подумал и согласно кивнул.

Его там, писал Русиев, поначалу вообще не было, он как раз незадолго перед тем привез с очередной попойки жену хозяина и успокаивал ее в доме. Катерина, горничная, может подтвердить, она своими глазами видела. А тут поднялась пальба. Он выскочил в парк, видит, в беседке валяется на земле человек, вся грудь в крови, а возле него стоят хозяин и старший охраны Орехов с пистолетом в руке. Только взглянул на это дело Игнат и поскорее убрался обратно в дом, от греха подальше.

Возможно, именно этого его «неучастия» и не хотел простить ему хозяин, когда приказал от имени губернатора убрать Трегубова. Ну, пришлось немного поездить за ним и выбрать удобный момент.

Игнат уже знал из рассказа Грязнова, что нашлась свидетельница того убийства, поэтому он здесь постарался дать свое объяснение. Да, он, конечно же, видел ту тетку, правда, не запомнил ее. Она что-то крикнула. Он, конечно, мог и ее уложить, но зачем? Она ж ни в чем не виновата.

А дальше уже сам Шестерев велел ему сунуть в сумочку своей секретарши, явно заигрывавшей со следователем, «жучок» и послушать, о чем они будут между собой разговаривать.

Он слушал, конечно, и ездил за ними. И доложил губернатору, что они собрались в гости к вдове Трегубова, которая сказала, что знает, кто и за что убил ее мужа. Ну, думать вообще было не о чем. Себя защищать приходилось.

А что касается поездки в Петербург, то это не его желание, а приказание хозяина — уехать как бы в отпуск, исчезнуть на время. Но обязательно сообщить о своем местонахождении. Такая точка нашлась. Игнат вспомнил своего бывшего поделщика, за которым по всем понятиям числился должок, и решил, что лучшего варианта ему не найти. Просто не подумал он тогда, что сыщики его смогут так легко вычислить. А потом все было просто — домашний адрес

Федота Игнат знал, у соседа выяснил, где обретался Шустрый. Но засиживаться на одном месте не соби-
рался и потребовал, чтобы Семькин нашел ему тай-
ное и более спокойное место, без всяких сторожей,
где-нибудь у знакомых в области. Тот и уехал. А даль-
ше все следствию известно. И как его сдал хозяин, и
как его «мочить» приехали, и как он, защищаясь,
ранил нападавшего бандита.

Словом, кругом, получается, виноват, это он при-
знает полностью, а вот как искупить свою вину,
Игнат пока не знал. Рассчитывал на снисхождение
суда и обещал продолжать помогать следствию в даль-
нейшем, если от него такая помощь потребуется...

Долго сочинял свою явку с повинной Игнат Ру-
сиев, устал, даже вспотел от усердия.

За иллюминатором серо-голубая холмистая по-
верхность облаков простиралась до бесконечности.
Вот так и прошел фактически весь полет.

Дочитал Грязнов исповедь. Велел Игнату распи-
саться на каждой странице, поставить в конце число.
Забрал, сложил листы и спрятал в нагрудный карман.

После посадки они дождались, когда салон поки-
нут все прилетевшие немногочисленные пассажиры,
и, снова пристегнув к себе Русиева с обеих сторон,
вчетвером вышли к трапу.

Первым сошел на бетон летного поля Грязнов,
подождал, пока к нему подъедет «Волга» с милицей-
ским проблесковым маячком, и дал команду.

Пропустив вперед крупного Игната, руки которо-
го были, естественно, заведены за спину, сопровож-
дающие стали спускаться, держась за поручни трапа.

Когда и откуда прилетела смертельная пуля, никто
поначалу не понял. Просто Игнат вздрогнул, качнул-
ся в одну сторону, в другую и... рухнул вперед, увлекая
за собой обоих своих охранников.

Показалось, что он просто оступился, потом у
Грязнова мелькнула мысль, что сделано это было на-
рочно. Но зачем?!

А когда наконец разобрались со свалкой на трапе, когда тяжелое тело Игната стащили по ступенькам на бетонные плиты и перевернули на спину, первое, что увидел Вячеслав Иванович, было расплывающееся на его груди темное пятно. Снайперская работа...

Не в силах сдержать своего гнева, перемешанного с полнейшей растерянностью, Грязнов громко выругался, посылая всех вокруг так далеко, что и сам запутался, и только услышал, как где-то, далеко в стороне, взревел мотор машины. И пока Грязнов искал ее глазами, звук мотора исчез. Точнее, его заглушил свист и грохот авиационных турбин шедшего на посадку очередного самолета. Как ни всматривался, поднявшись на верхнюю ступеньку трапа, Грязнов, он ничего не обнаружил. Вероятно, убийца умчался, не включая габаритных огней автомобиля, чтобы не выдать на темном взлетном поле своего присутствия.

А вокруг поднялся уже шум, кто-то закричал: «Скорую! Врача!» Но крики перебила громкая трель телефонного звонка в кармане Грязнова.

— Привет, Вячеслав Иванович! — услышал он веселый голос Федора Шилова, абсолютно неуместный в данной ситуации. — С возвращеньем тебя! Говорят, удачно слетал? Ну, ждем не дождемся. До встречи!

И отключился, не дав сказать даже слова в ответ.

Интересно, а чему это он так обрадовался? Именно этот вопрос и хотел теперь Вячеслав обсудить вместе с Саней. А потом перезвонить Вите Гоголеву — может, тот подскажет ответ?

5

Ответ, как спонтанно предположил Вячеслав Иванович, довольно быстро нашелся.

Когда они с Турецким, который прочитал признательные показания Русиева, обсуждали сам факт его дерзкого убийства, из Питера позвонил Виктор Пет-

рович, чтобы справиться, благополучно ли долетели. Увидев, как снова заводится Славка, Турецкий забрал у него трубку и вкратце изложил ситуацию.

Единственный вопрос Александра Борисовича был краток и конкретен:

— Витя, ты кому говорил о том, что Славка везет пойманного преступника?

— Я-а? — изумился Гоголев. — А с какой стати?.. Нет, подожди... Вспомнил! Мне ведь позвонил, когда ребята уже улетели, от вас этот... как его? Ну, ваш начальник ГУВД, Шилов его фамилия. Сказал, что он из вашей группы, которая занимается расследованием. Это так?

— Не совсем, Витя, но я тебя внимательно слушаю. И что же ты?

— Сказал все как есть, просил тебе привет передать. Он передал?

— Нет, он позвонил Славке в тот момент, когда на трапе был убит Игнат, и поздравил... как он сказал? Вот, Славка говорит: «С возвращением!» Ты понял?

— Но откуда же я мог знать, ребята?!

— А тебя никто и не винит. Удача, если так можно сказать, лишь в том, что этот хмырь успел написать в самолете, пока они летели, подробную явку с повинной. И теперь понятно, почему его пытались убить и у тебя, в Питере, и здесь, у нас. В общем, мы прокололись, старик, спасибо, что не оказались полностью в дерьме. Ты уж там, сделай одолжение, с Конем поработай хорошенько. И с Шустрым, когда поймаешь его. Теперь-то они у нас попляшут!

— Удачи, чего еще пожелать? — скучным тоном попрощался Гоголев.

— Жаль, — покачал понурой головой Грязнов и взглянул на Турецкого виноватыми глазами, — я думал Федька хоть и не далекий, но все же свой мужик... Придется докладывать министру. Вот же сволочь какая, а? Я ему покажу «возвращенище»!

— Так, Слава, договоримся сразу, ничего ты ему

не показываешь. И вообще, продолжаешь делать вид, что ни в чем его не подозреваешь. Повинная Русиева пока тоже наша с тобой тайна, а то они продолжают зачистку местности. Пусть лучше считают нас дураками, мы не обидимся. А теперь послушай, что мы имеем на сегодняшний день...

С помощью все той же любвеобильной и настойчивой в своих желаниях Анастасии Сергеевны Владимир Поремский связался с Ильей Григорьевичем Кремером, адвокатом, с которым она решала свои финансовые вопросы. Кремер оказался настолько загруженным делами, что не смог уделить следователю ни одной свободной минутки. Тогда Володя предложил вызвать его повесткой на допрос в краевую прокуратуру. Кремер задумался. Потом сказал, что он сейчас листает свой ежедневник, чтобы освободить время.

— Да бросьте вы мучиться, Илья Григорьевич, — снисходительно заметил Поремский, — продиктуйте адрес вашей конторы, и я немедленно подошлю вам повесточку. С курьером. Вот и выбирать не придется.

— Скажите, господин следователь... не запомнил вашего имени-отчества?

— Моя фамилия Поремский, этого вам будет вполне достаточно, — не пошел на уступку Владимир.

— Хорошо, господин Поремский, так вот скажите, по-вашему, мне нужна такая слава? Это чтобы меня, Илью Кремера, вели под конвоем в прокуратуру в качестве свидетеля?

— Вы очень правильно поставили вопрос, господин Кремер. Именно поэтому, учитывая ваше известное имя, я готов с вами немедленно встретиться в удобном для вас месте. Включая адвокатскую контору. Я понятно изложил свою мысль?

— Более чем, — вздохнул адвокат. — Ну, записывайте адрес...

Через пятнадцать минут Поремский подъехал к адвокатской конторе «Т-во Кремер» и поднялся на второй этаж вполне элитного помещения, отделанного под офис. Кабинет шефа находился в дальнем торце недлинного коридора со стеклянными дверьми направо и налево и цветочными вазонами, установленными в простенках. Модно, элегантно, дорого — словно говорила сама атмосфера. Ну, конечно, только Кремеру и под силу заниматься делами, в которых фигурируют десятки миллионов долларов...

Из-за полированного письменного стола, свободного от каких-либо бумаг — очевидно, адвокат работал на компьютере, стоявшем сбоку на специальной подставке, — поднялся представительный мужчина с обаятельной улыбкой на продолговатом лице, седеющими висками и рыжеватыми усиками. Он сделал шаг навстречу Поремскому, с достоинством пожал ему руку и сказал:

» — Присаживайтесь, Владимир Дмитриевич, готов ответить на все ваши вопросы. Надеюсь, мы пойдем друг друга.

— Вы вспомнили, как меня зовут? — усмехнулся Поремский.

— Поверьте, один телефонный звонок и — любой секрет в нашем городе становится тайной Полишинеля. — Адвокат улыбнулся, продемонстрировав отличные зубы.

Ах, какой изысканный пассаж! Интересно, что бы ответил на это Александр Борисович? Уж он нашелся бы...

— Ну, хорошо, вопросов у меня к вам будет немного, не стоило заранее беспокоиться и искать причины для отказа от разговора.

— Поверьте, я...

— Верю, — деловито ответил Владимир. — Итак,

вопрос первый. Вы были знакомы с покойным Трегубовым?

— Шапочно, — после некоторого раздумья ответил адвокат.

— Но ведь это он посоветовал взять именно вас в качестве адвоката Анастасии Сергеевны Камшаловой?

— Откуда это вам известно? — удивился Кремер.

— Мне бы не хотелось без конца повторять вам, опытному юристу, прописную истину, что вопросы задает следователь.

— А у нас это разве допрос? А не доверительная беседа? — Кремер изогнул брови домиком.

— А вы желаете, чтобы наша беседа шла под протокол? — учтиво улыбнулся Поремский.

— Ну, что вы, что вы... — заторопился Кремер. — Но вы сказали о Насте...

— Да, я встречался с Анастасией Сергеевной, и она достаточно подробно рассказала о вашей блестяще исполненной роли в ее деле с акциями. Именно поэтому нам и потребовалось уточнение некоторых моментов.

— Ну, раз вы уже все знаете, то есть, я хочу сказать, раз вам известна история с акциями комбината и моя бывшая клиентка сама открыла вам тайну ее сделки, я тоже ничего не буду от вас скрывать. Но хотелось бы знать, что конкретно вам стало известно?

— В порядке исключения я отвечу на ваш настойчивый вопрос. Нам известно, что именно вас порекомендовал Камшаловой ныне покойный Трегубов, хотя ее осаждали десятки юристов с предложением своих услуг — по тому же вопросу. Известно также, что именно вы свели свою клиентку с Юрием Киреевым, с которым и предлагали совершить сделку. Дело было, как она считает сама, на мази, когда у вас неожиданно появился новый клиент. Вам сделал предложение поработать на него дядя Юрия Киреева — Семен Васильевич, предложив более высокую цену за акции и, соответственно, значительно увели-

чив ваш гонорар. И тогда вы с той же уверенностью предложили Камшаловой совершить другую сделку. Акции были проданы Кирееву-старшему, как вскоре выяснилось, доверенному лицу известного бизнесмена Николая Викторовича Асташкина. Я ничего не напутал?

— Как мне помнится, все правильно. Но, помилуйте, это же было давно. Еще чуть ли не в начале прошлого года!.. А что, разве вы считаете такую сделку противозаконной?

— Ни в коем случае. Дядя обскакал племянника, в бизнесе это обычное явление. Вопрос в другом — кто стоял за Киреевым-старшим, нам уже известно, и вы это также подтверждаете, верно?

— Подтверждаю.

— А кто стоял за спиной Киреева-младшего? Не сам же он предлагал баснословные суммы?

— Вы хотите, чтобы я назвал и другое имя?

— Разумеется, это было бы проще.

— Ну, хорошо, исключительно из доброжелательного отношения к вам, Владимир Дмитриевич, хотя не знаю, зачем лично мне это надо. Его зовут Олег Соломонович Аксельрод. Он считал сумму достаточной, а Николай Викторович не поскупился и, как вы изволили выразиться, действительно обскакал его. Кстати, вместе с моей клиенткой мы были в банке «Марс»... Вы в курсе?

— Да, — кивнул Поремский. — Вы же через него и оформляли сделку.

— Все правильно. Так вот, именно этот банк и оплатил акции Камшаловой, а также от имени господина Асташкина выдал доверенность Семену Васильевичу Кирееву на управление пакетом акций. Что у них было в дальнейшем, меня не интересует, вы понимаете.

— Он и сейчас управляет ими от имени Асташкина?

— Я полагаю, что названное вами лицо на сегод-

няшний день владеет контрольным пакетом акций химического комбината. Но, кажется, пока не собирается активно вмешиваться в производственные проблемы. А вот дележка руководящих постов, одним из следствий чего стали известные в городе события, могу высказать свое предположение, к самому Асташкину отношения не имеют. Если вам интересно мое мнение.

— Благодарю вас. Ну что ж, разрешите откланяться. Когда потребуется ваша помощь, вы, надеюсь, не откажете нам в такой любезности?

— Что, и это все? — искренне удивился адвокат.

— Да. А вы о чем подумали? Что вас будут обвинять в каких-то подлогах или организации убийств?

— Помилуйте, какое это имеет ко мне отношение?! Но извольте, я всегда к вашим услугам, Владимир Дмитриевич...

Поремский узнал, таким образом, все, что ему было нужно. И за дядей, и за племянником стояли известные силы олигархов, которые вряд ли имели непосредственное отношение к убийствам в городе. Дело было, вероятно, в другом. В самом городе сложились некие группы, которые поставили для себя целью, находясь у власти, расхватать наиболее лакомые куски. Ибо любая государственная деятельность, как и официальная власть, подобно приливной волне, однажды заканчивается, утекая в песок, а жизнь-то продолжается, вот и приходится стараться как можно дольше удержаться на ее гребне. Значит, здесь и следует искать все причины, объясняющие кровавые последствия.

Выслушав Турецкого, Грязнов не раздумывая сказал:

— Саня, эта информация лишний раз убеждает меня, что тот твой знакомый, который когда-то говорил про все дымы из одной трубы, был прав. Если

присмотреться, та труба расположена где-то в Москве, а не здесь. Там задумываются дела, а здесь нам остается наблюдать, в какие уродливые формы они выливаются.

— Не знаю, — покачал головой Турецкий, — я, пожалуй, остаюсь пока на стороне Володьки. Ну, сам подумай, какому Асташкину или Аксельроду нужна кровь вокруг их вполне легальных и законных приобретений? Я понимаю, если бы дело происходило в начале или даже в середине девяностых, это еще куда ни шло. Но теперь? Не верю, сейчас олигархи поумнели. У них было достаточно для этого поводов. Во всяком случае, бандитов они себе в помощь не привлекают, есть куда более тонкие меры воздействия. К тому же я слышал, что Асташкин — умный и интеллигентный человек... Слушай, я тут поразмышлял по этому поводу. Ну, для чего «угольщику» какая-то химия? И, знаешь, пришел к выводу, что, возможно, этот Асташкин вспомнил наконец слова, кажется, Менделеева о том, что сжигать уголь для обогрева — это дикое варварство. Зато для развития химической промышленности нет сырья лучше.

— Ну да, как же! Не достигли еще наши олигархи такого уровня, чтоб им можно было полностью доверять... Ты Солонину звонил?

— Здравсьте, сам же с ним хотел разговаривать! Ну, Вячеслав, у меня просто нет слов!

— Разве? Хорошо, повторю, если что... Завтра начну трясти Орехова, пока не вышибу из него дух. А мои, из МУРа, ничего не сообщали?

— А я не сказал? — спохватился Турецкий. — Обнаружили. - Проданы два билета в Шереметьеве на ближайшую субботу в Барселону. Твои сыскари в порту уже, по-моему, днюют и ночуют.

— То-то! А кто их учил работать?

— Галкина тетя, Шурочка наша незабвенная, — с улыбкой ответил Турецкий. — Ну... и ты еще... много.

. — Ладно тебе... А чего, ты говоришь, Галка?

— Она свое дело выполнила, Трегубову похоронили. Все честь по чести. Сейчас они с Володей Яковлевым продолжают заниматься свидетелями. Кстати, никто из городских руководителей сказать прощальное доброе слово ни в морг, ни на кладбище так и не явился. А новый Галкин кавалер, из газеты, нащелкал больше сотни фотографий, которые мы целый день потом изучали, но так ничего стоящего не обнаружили.

— Да, — философски заметил Вячеслав Иванович, — отсутствие информации, как я слышал, тоже полезная информация... А по поводу руководителей что скажу? Чем дольше живу, Саня, тем меньше испытываю радости от общения с ними...

Глава седьмая

ВЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1

С утра Грязнов позвонил Старкову.

— Влад, — сказал он, — чтобы долго не объяснять тебе по телефону, что мне нужно, я подошлю Володю Яковлева, и он расскажет. Помоги ему провести операцию максимально тихо, чтоб даже твои ничего не заподозрили — при всем моем к ним глубоком уважении. Будем знать только трое — я, ты и Володька. До поры, понимаешь?

— Не понимаю еще, но сделаю, раз ты просишь.

— Добро. А Володьку я сейчас проинструктирую. И еще просьба, Влад, выдели ему какую-нибудь невзрачную машинку — до конца дня, больше, я полагаю, не потребуется.

— Трудновато... но ладно, как-нибудь выйдем из положения.

— Ты за транспорт свой не бойся, он толковый водила.

После этого он позвонил Яковлеву и когда тот явился в гостиницу «Кубань», буквально на пальцах изобразил схему действий. Володя попросил дать ему в помощь Галю — она местная, легко ориентируется. Грязнов подумал и сказал:

— Ладно, бери, но только чтоб она не светилась и не лезла поперед батьки, понял?

И только после этого он отправился в СИЗО.

Орехов снова, как и на предыдущем допросе, молчал, будто герой-партизан. Никакие дополнительные доводы Грязнова на него не действовали. Вячеслав Иванович цитировал показания Игната из его покаянного признания, не называя поначалу источника, но и это не действовало. На все аргументы по-прежнему следовал один ответ:

— Ничего не знаю, не видел, не слышал, не участвовал, отношения не имею...

И эти слова он повторял, как попугай, словно не слышал никого, кроме самого себя. Даже собственные слова относительно гостей на вилле и «стрельбы по пьянке», зафиксированные в показаниях лейтенанта Замошкина, категорически отрицал. Ничего подобного он не говорил, да и не мог говорить, поскольку не знает, кто такой лейтенант Замошкин. А когда ему предъявили его собственный автограф на показаниях, которые он дал тому же Замошкину поздней ночью, после убийства людей, он мельком и без всякого интереса взглянул и сказал, что это фальшивка. Не было его, Орехова, там, на вилле. А где он был? У бабы. У какой, также говорить отказался, заявив, что это его личное дело и к фактам, интересующим следствие, оно отношения не имеет. В общем, замкнулся. И начался утомительный и бесперспективный бег по второму кругу.

Он, вероятно, был уверен, что, как и в первый раз, допрос закончится ничем, никаких обвинений в свой адрес он не признает, не подтвердит, значит, ничто из названного не доказуемо. И поскольку недоказуемо, нечего держать его в заключении. Непробиваемая логика.

А по поводу показаний охранников Старостенко и Лютикова утверждал, что все ими сказанное есть подлая ложь. Даже очные ставки с арестованными

охранниками и вызванными для дачи новых показаний милиционерами ночного наряда ни к чему не привели. В ответ на их объяснения, где и когда они его видели и чем он занимался, Орехов пренебрежительно пожимал плечами и упрямо повторял только одно:

— Они хотят свои грехи повесить на мою шею. Не было этого, ничего не было. Докажите!

А как доказать? То, что собранные на месте преступления пули были выпущены из пяти автоматов, являющихся личным оружием охраны, в том числе и самого Орехова, уже доказала баллистическая экспертиза. Но двое арестованных утверждали, что стреляли не они, хотя кто-то, возможно, и воспользовался их оружием, а третий, Орехов, вообще все отрицал. Получалось, что из пяти автоматов стреляли двое находящихся в розыске охранников — Барышников и Алымов.

Старостенко и Лютиков были в этом уверены, а Орехов только предполагал.

— А может быть, из вашего автомата стрелял Игнат? — сделал «наивное» предположение Грязнов.

И уже заостеневший в своих отрицаниях, но чувствующий, что концы постепенно начинают у него не сходиться с концами, Орехов неожиданно клюнул, заглотнул наживку.

Ну, конечно, это все и объясняет!

— Значит, вы полагаете, что Игнат был там? — спросил Грязнов.

— А как же? Где ж ему еще быть? Он всегда находился при хозяине.

— И в тот вечер — тоже?

— А чем тот отличался от других?..

— Я не знаю, вам, конечно, виднее, но, по некоторым показаниям, — с сомнением в голосе заметил Грязнов, — Игната там не было. — И решил как бы приоткрыть завесу: — Его, между прочим, уже взяли в Санкт-Петербурге и сняли предварительные пока-

зания. Днями доставят сюда, к нам. Так вот, он категорически утверждает, что его не было ни в доме, ни во дворе в ту ночь. И нашлись свидетели, которые подтвердили его слова, — взял грех на душу Вячеслав Иванович, полагая, что Орехов обязательно этим воспользуется, и не ошибся.

— Как же не было? — воскликнул Орехов и... осекся.

— А вам-то откуда это известно?

— Мне?.. А я от хозяина, от Юрия Петровича, узнал... на другой день уже.

— Да? А вот мы сейчас пригласим его сюда и спросим. Согласны? Не возражаете?

Орехов снова замкнулся в себе. Не ответил ни да, ни нет.

— Ну ладно, — не дождавшись ответа, сказал спокойным голосом Грязнов, — раз вы так ставите вопрос, тогда зачем же мне у вас, Евгений Семенович, пытаться выяснять правду, верно? Судя по показаниям ваших коллег, вы были участником преступления, отдавали приказы стрелять, но сейчас все отрицаете. И я понимаю, почему вы это делаете. Я вас не тороплю, но скоро сюда доставят наконец Алымова с Барышниковым, уже из Москвы, откуда они собирались вылететь в Испанию, даже билеты заказали. Мы их допросим, возможно, в вашем присутствии и, я полагаю, сделаем правильный вывод о том, на ком лежит основная вина. Естественно предположить, что и они все свалят на вас, как и остальные. Уверен я и в том, что Юрий Петрович Киреев тоже не захочет шадить вас и выдаст кровавое событие как вашу личную инициативу. У него появятся веские основания для такого признания, особенно после того, как Барышников с Алымовым укажут нам, где ими были захоронены трупы людей, убитых по вашему приказу и при вашем непосредственном участии. Вот и пойдете вы у нас, Евгений Семенович, впереди состава — паровозом. И — до конца жизни. Я не преувеличиваю

и не угрожаю вам, а просто констатирую факт. А пока идите и продолжайте молчать.

Грязнов вызвал конвоира и приказал увести арестованного.

Орехов поднялся, отвел руки за спину, на которых щелкнули браслеты, хотел, видно, что-то сказать или возразить, но набычился и так ушел.

«Дозреет, — уверенно теперь уже подумал Вячеслав Иванович. — Должен осознать, никуда не денется. Да и советчиков у него нет».

Следующим шагом должно было стать личное знакомство с Глухим, которого, как сказал Владилен Старков, звали Глебом Карякиным — «вор в законе», четыре ходки, коронован еще в девяносто втором году. Вопрос только один — как встретиться с ним и вызвать его на откровенность, ведь показания питерского Коня о том, что именно Глухой заказал ему Игната, пока только слова. Прямых доказательств-то нет.

Как нет и убийцы Игната. Операция «Перехват», которую объявил по городу Федор Шилов сразу после звонка разъяренного Грязнова, ничего, естественно, не дала. Ну, останавливали на всех постах, ну, проверяли машины, следовавшие из аэропорта в город, — толку никакого. И потом, кто сказал, что снайпер-убийца должен был обязательно мчаться в город? Или зачем ему везти с собой в машине винтовку? Словом, и тут пустышку вытянули.

Извлеченная из тела пуля калибра 9 миллиметров, по утверждению эксперта-баллистика, могла быть выпущена из снайперской винтовки ВСС, которая находится на вооружении исключительно частей спецназа и применяется для бесшумной и беспламенной стрельбы специальными патронами. Она оборудована также оптическим прицелом и прибором ночного видения. Глушитель у нее охватывает ствол, и

при наложении на любой другой шум выстрел становится практически неразличимым. Прицельная дальность у этой винтовки, чаще именуемой «винторезом», до четырехсот метров. Примерно на таком расстоянии или, может, несколько ближе и услышал Грязнов звук автомобильного мотора.

Все-то оно так, но откуда у убийцы оружие спецназа? Близость Кавказа, что ли, сказывается?

Грязнов позвонил Шилову, немного, как он видел, обиженному на него за ту резкость, с которой Вячеслав Иванович высказался по поводу охраны аэродрома, где любой вооруженный преступник может ничего не опасаясь развезжать на автомобиле.

— Федор Алексеевич, — вежливо, но сухо сказал Грязнов, подчеркнуто обращаясь к генералу на «вы», — выберите, пожалуйста, минутку и загляните ко мне, нужен совет по вашей части.

— Как срочно, Вячеслав Иванович? — официальным тоном спросил Шилов.

— А прямо сейчас. — И добавил уже с легкой иронией: — Не сочтите за труд.

— Слушаюсь.

Шилов не принимал как бы протянутой ему встречу руки. «Ну и хрен с тобой, — подумал Грязнов, — тебе же хуже...»

Генерал прибыл в краевую прокуратуру минут через тридцать. Видно, не торопился, хотя тут пешком два шага.

— Присаживайтесь, Федор Алексеевич, — пригласил Грязнов.

Все в милиции давно знали, что преступники терпеть не могут, когда им говорят «садитесь», отвечая, что сесть они всегда успеют. Вот присаживайтесь — другое дело. Это известная истина. И в подчеркнутом «присаживайтесь» — наверняка должен был почувствовать Шилов — таилась некая для него угроза. Пусть понервничает, коли у него имеются для того причины.

— У меня к вам два вопроса. К тому, что ваш «Перехват» ни черта не даст, я был готов, да вы и сами небось чувствовали это, отдавая приказ о досмотре автомобилей. Ну, нет и нет, не о чем и говорить. Другое меня теперь интересует. Прикажите своей службе предоставить мне в максимально сжатые сроки сведения обо всем имеющемся на вооружении в вашем ведомстве спецоружии. В данном случае меня больше всего интересуют «винторезы» со всеми их спецпринадлежностями. Просьба понятна?

— Вы полагаете, что убийство могло быть совершено из этого оружия?

— А что мне предполагать? Баллистики озадачили. Так, это первое.

— Простите, Вячеслав Иванович, а почему вы считаете, что замешано в убийстве именно наше ведомство? Есть же еще и армия, и ФСБ.

— А мы и их не оставим в покое, — дежурно улыбнулся Грязнов. — Вам не о чем беспокоиться. Скажу больше, все до единого «винторезы» будут немедленно проверены экспертами-криминалистами на предмет идентификации, — четко произнес Грязнов, — обнаруженной в теле убитого пули. И второе. Вам, конечно, известен проживающий в городе «вор в законе» Карякин Глеб Иванович, по кличке Глухой?

— Известен, но к нему вопросов у нас нет. А чем, простите, вызван ваш интерес? Если это не составляет тайны следствия.

Грязнову показалось, что теперь уже в тоне Шилова мелькнула ирония. «Ну, не хочешь по-хорошему, будем действовать как бог на душу положит...»

— Не составляет. У меня есть некоторые основания полагать, что этот ваш Глухой причастен к убийству Игната Русиева.

— Помилуйте, каким это боком? — осторожно хмыкнул Шилов.

«Ага, заволновался!..»

— А вот это я и хочу у него выяснить. Значит, так.

Если гражданин Карякин не выскажет желания немедленно встретиться со мной, чтобы ответить на вопросы следствия, вы, Федор Алексеевич, тут же выделяете мне отделение спецназа, с которым я отправляюсь в дом Карякина. Ну, сопротивление, сами понимаете... И давайте проведем эти действия максимально оперативно, чтобы мне не пришлось обращаться за помощью к министру. Договорились?

Вот теперь Федор Алексеевич Шилов должен был почувствовать и понять, что праздники и шуточки кончились, начинаются суровые и непредсказуемые будни.

— Вам, как местному человеку, организовать такую встречу проще, чем мне проявлять самостоятельность. Кстати, ваше присутствие во время беседы с Карякиным совсем необязательно, разве что вы проявите личный интерес. Благодарю, я вас больше не задерживаю.

Такая подчеркнутая вежливость должна была дать почувствовать генералу, что приятельские отношения нарушились, а кто тому виной, пусть сам быстрее соображает.

2

А генералу Шилову не надо было ничего соображать, он и так уже предчувствовал этот ход Грязнова и внутренне, конечно, волновался, хотя всячески старался не выказывать своего беспокойства.

Во-первых, он посчитал первым своим проколом звонок в Питер, к начальнику ГУВД Гоголеву. Следовало найти какой-то обходной путь, но времени, к сожалению, совсем не оставалось.

Сергей Конюшов успел-таки до того, как его замели питерские сыски, сообщить Глебу Карякину о том, что покушение на Игната сорвалось. Точнее, его сорвали менты, которым, оказывается, было хорошо известно место, где скрывается Русиев, а также,

вероятно, и то, что на него готовится покушение. Из этого Глухой должен был сделать вывод, что и его тоже подставили, предложив убрать опасного свидетеля. Тут, как говорится, питерские «игровые» не виноваты, пусть заказчики между собой разбираются, кто из них кого обманул.

Словом, как сказал Конь, гонорар за не выполненную не по его вине работу он возвращать не собирается. Естественно, что и Карякин немедленно переадресовал обвинения Юрию Петровичу, будто тот нарочно подставил его, ничего не сказав о том, что на «хвосте» у Игната уже прочно обосновались менты. А такие подставы по закону стоят дорого, и пусть Киреев раскошеливается немедленно, иначе ему придется ответить перед обществом. Понятно каким.

Насколько бурным было объяснение между зятем и тестем, то есть Киреевым и Шестеревым, генерал Шилов, разумеется, не знал, но когда он зашел в кабинет губернатора, родственники были багровыми от ярости. Причем Шестерев сидел в своем кресле неподвижно и величественно, словно Будда, а Киреев нервно кружил по кабинету.

Им требовалось срочно узнать, какими сведениями располагает генерал Грязнов, улетевший в Питер, как уже было известно. Грязнов попытался сохранить свой отлет в тайне, но разве здесь, в городе, от Шилова можно что-то утаить? Смешно. Из аэропорта донесли немедленно, едва самолет вырулил на взлетную полосу.

Рискнул Шилов, и, как видно, зря это сделал, воспользовавшись откровенностью Вячеслава Ивановича, которая в некотором смысле давала ему повод говорить, что расследование они проводят вместе. Весь вопрос состоял в том, с какой интонацией в голосе это произносить. Вместе же работаем? А как же! Вместе обсуждаем итоги? Разве не так? Ну... скажем, почти так. И какие ж после этого сомнения в доверительности отношений? Примерно в этом

ключе и заговорил Шилов с начальником питерского ГУВД, по сути, своим коллегой, который, конечно же, не мог не знать, зачем в его город срочно поилетел заместитель начальника Главного управления уголовного розыска России.

А Гоголев и не стал ничего проверять, а откровенно рассказал, что Русиева общими усилиями удалось взять и теперь он находится в самолете вместе с Вячеславом. И еще он попросил, пользуясь случаем, передать привет Сане, руководителю группы. Он, конечно, имел в виду Турецкого, И если назвал его Саней, значит, у них троих, включая и Грязнова, давние приятельские отношения.

Подумал, помнится, Шилов, стоит ли передавать привет Турецкому, тем самым ставя того в известность, что он разговаривал с Гоголевым, или это лишнее? Но решил, что такого рода «приветы» — вещь необязательная, подобно американскому вопросу: «Как дела?», больше для проформы. И промолчал. А известие об этом всплыло, едва закончилась акция с Игнатом.

И тут вторую ошибку совершил Шилов — не надо было звонить Грязнову в порт. По совершенно идиотскому совпадению получилось так, что его звонок последовал чуть ли не в момент выстрела. Ну, кто ж мог предположить такое? А услышав какое-то странное рычание Грязнова в телефонной трубке, Федор Алексеевич счел за благо отключиться. И получилось, что он опять кругом виноват — выказал злорадство, и даже момент подходящий для этого нашел! Нет, ну чушь это все! Однако и оправданий нет тоже...

Находясь в тот раз в кабинете губернатора, Шилов не преминул задать жесткий вопрос Кирееву, каким образом тот организовал последовательность передачи сведений об Игнате в Питер и почему предварительно хотя бы не посоветовался с ним, со специалистом, черт побери?!

Ах, сколько презрения прочитал Шилов в его гла-

зах? И генерал постарался отомстить. Он заявил, что именно из-за преступной самонадеянности Юрия Петровича они все теперь в полном дерьме. Все — и губернатор, и зятек его, и он — главный их защитник. И, скорее всего, резко добавил Шилов, им придется выпутываться дальше самим, без его поддержки, поскольку он теперь просто вынужден по их милости исполнять поручения исключительно руководителей следственной группы. И за любое неподчинение его просто снимут с работы, причем без всяких объяснений. Кажется, дошло тогда наконец до этих раздолбаев... Да что толку!..

Но это было два дня назад. А теперь Шилов сидел снова в кабинете губернатора и докладывал Георгию Владимировичу, принципиально не глядя на Киреева, но имея в первую очередь именно его в виду, что только что получил срочное задание подготовить встречу генерала Грязнова с «вором в законе» Карякиным. И о чем у них пойдет разговор, можно даже не спрашивать, и так понятно. Добавил только, что, если Глухой не захочет брать на себя ответственность за организацию покушения на Русиева, он, когда для него запахнет жареным, может запросто сдать своего заказчика. Ведь цепочка из Питера, надо полагать, протянулась именно к нему, к Карякину, тут двух мнений быть не может, иначе у Грязнова не было бы никакой необходимости встречаться с ним.

— Когда у вас должна состояться встреча? — резким тоном спросил Киреев.

— Вы имеете в виду Грязнова и Карякина? — с ледяной вежливостью спросил в свою очередь Шилов.

— Ну!

— Сию минуту. Как только я найду Глухого и сообщу ему, что если он откажется, то генерал приедет к нему со спецназом, который я же и обязан ему обеспечить. Это, надеюсь, ясно?

— Значит, Глухой должен замолчать, — безапелляционно заявил Киреев.

— И кто его заставит это сделать? — насмешливо поинтересовался Шилов. — Вы?

— Никак нет, — хмыкнул Киреев, — вы, уважаемый. А если вы этого не сделаете, что ж... наверное, вам нет смысла бежать к Грязнову с повинной? Или вы уже предусмотрели для себя и такой ход? Не знаю, правильный ли он... Я бы все-таки не советовал... Между прочим, — сказал он после недолгой паузы, — Глухой мог бы просто исчезнуть на время, предупрежденный, что его ожидает весьма неприятная встреча с генералом Грязновым, который сперва сажает собеседника на шконку и только потом разговаривает. Я, конечно, взялся бы его предупредить, но думаю, что это правильнее сделать все-таки вам, как лицу ответственному, господин генерал.

— А ведь он прав, Федор, — поспешил поддержать зятя губернатор. — Ты мог, скажем, подъехать предупредить его, а он не внял твоим советам и сбежал. Какая ж за тобой вина? А что касается спецназа, то пусть он побеждает, порезвится, если ему у нас больше делать нечего. Посоветуй своему Глухому на время стать еще и невидимым, для его же пользы, я правильно понял твою мысль, Юра?

— А когда мы не понимали друг друга?

— Ну вот и договорились, — уверенно сказал Шестерев. — У тебя, Федор, еще есть ко мне срочные дела? Нет, ну, исполняй указание своего приятеля. — И он покровительственно улыбнулся: — Я слышал, что Грязнов не такой уж и коварный человек. А вот от кого? — Он со смехом хлопнул себя по лбу ладошкой. — Да от тебя же, Федор, и слышал! Ха-ха! Будь здоров, не подкачай!..

— Давай мне номер его мобильного, — сердито сказал Шилов Кирееву, — и напрочь забудь о его существовании. Это я тебе говорю, Юрик...

Киреев вспыхнул было, но губернатор жестом остановил зятя:

— Делай, что он говорит... вечно за тобой... убирать приходится...

Карякин, как понял из краткого с ним разговора Шилов, мгновенно усек ситуацию. Сказал, что немедленно отправится на лечение, дескать, обострилась старая тюремная болезнь. Впрочем, это обычное осеннее обострение, надо последить за собой. А куда поедет? Да, пожалуй, к казахам, на кумыс да на сурочье сало, говорят, хорошо помогает, поддерживает истощенный чахоткой организм.

Шилов дал ему ровно четверть часа и ни минутой больше, после чего послал к его дому наряд милиции, который должен был удостовериться, что уголовный авторитет на месте и никуда сбежать не собирается. Этот наряд должен был так и остаться возле дома Глухого до приезда Грязнова, чтобы обеспечить безопасность встречи.

И после этого Шилов с ходу переключился на спецоружие, ожидая попутно сообщения от милицейского наряда, чтобы затем доложить об исполнении Грязнову.

Со спецоружием особых проблем у Шилова не было. Следовало только обойти один пикантный момент. Причем обойти тонко, чтоб и комар носа не подточил.

Десяток «винторезов», как и прочее спецоборудование для ответственных операций, находился постоянно в оружейном хранилище при штабе отдела милиции особого назначения. Но один экземпляр с необходимыми спецпринадлежностями и боезапасом хранился лично у Федора Алексеевича. И он не считал нужным это афишировать. Да ведь и обыск у него никто никогда не собирался учинять. Не посмеют, в этом Шилов был уверен.

Этот экземпляр был давно уже списан по акту, как пришедший в негодность во время одной из спецопераций. Но иногда, в критической ситуации, «уничтоженное» оружие подавало свой даже и не голос, а шепот, который ставил точку в деле.

Был и человек, который за достаточно приличный гонорар выполнял столь ответственные поручения. Шилов в свое время лам его нашел и ни с кем не собирался делиться талантливым кадром. Он использовал его только в исключительных обстоятельствах, когда никакого другого варианта решить проблему не оставалось. Ну как, например, в случае с Игнатом, который наверняка хотя бы отчасти, но раскололся и мог пойти этим путем дальше. Возможно, по этой причине и охладел так неожиданно Грязнов к нему, Федору Алексеевичу, которого буквально накануне звал Федей и только на «ты». А до того «винторез» — правильно определил криминалист — «выступал» всего пару раз, и оба раза экспертиза не добивалась результата. Один раз пулю просто не нашли, а в другой — она неожиданным образом исчезла из сейфа эксперта. То ли он сам забыл, куда ее положил, то ли у него ее украли. Но, в общем, до сих пор ствол оставался чистым.

Нет, убирать Грязнова либо Турецкого Федор Алексеевич не собирался, даже если бы этого от него потребовал губернатор, на такой сумасшедший шаг он не согласен, но вот изымать из поля их зрения опасных свидетелей — это даже необходимо. Самый лучший свидетель — тот, который молчит. А еще лучше, если всегда.

За своего стрелка Шилов не боялся. За оружие? Ну, пусть пороются, коли есть у них такая охота. И списано оно не вчера, а бог весть когда, даже если и докопаются, акты поднимут, все равно никаких концов уже нет. Придется им признать, что выступил в роли киллера кто-то приезжий. Вот и ищите его себе сколько угодно.

Федор Алексеевич на всякий случай, чтобы не искушать судьбу, позвонил все же своему кадру, чтобы удостовериться, что тот на месте и ждет дальнейших указаний. У него же в настоящее время находился и «винторез», который тот не успел вернуть хозяину после операции.

Услышав знакомый голос, Шилов негромко сказал, зная, что подслушать его разговор по мобильнику никто не сможет:

— Дело сделано, претензий нет. Расчет возможен сегодня, но лучше я перезвоню. За мной не исключен «хвост». Игрушку спрячь подальше.

— Слушаюсь, — по-военному ответил кадр.

И тут зазвонил городской телефон. Старший наряда доложил, что они прибыли по указанному адресу, где проживает гражданин Карякин, но такового здесь в настоящее время нет, так как он еще накануне уехал в Казахстан на лечение. Якобы из-за обострения туберкулеза.

Шилов приказал наряду оставаться на месте до принятия им решения, что делать дальше. Опустил трубку на рычаг, затем поднял и стал звонить Грязнову в краевую прокуратуру. Совершенно убитым голосом он собирался сообщить Вячеславу Ивановичу, что свидетель ушел. Он уже предвидел, как будет разъярен Грязнов, и эта картинка, которую он себе представлял сейчас, радовала его до умиления.

Грязнов поднял трубку, отрывисто спросил:

— Кто?

— Шилов, Вячеслав Иванович, по поводу вашего задания.

— А-а... — протянул Грязнов, будто не мог вспомнить, о чем речь. — Слушаю вас!

— Накладка небольшая вышла. Оказывается, еще вчера отбыл на лечение наш фигурант, так сказать.

— Кто? Куда выбыл? Говорите четче! — вроде бы начал сердиться Грязнов.

— Я о Глухом. То есть о Карякине. Нет его на месте, выбыл.

— Ах, вон вы о ком! Ну и что предприняли?

— Сейчас дам команду проверить, куда он отправился.

— А чего проверять-то? Он же чахоточный, знает, в те края, где ее лечат. У вас все?

— Да, в общем... разочарованно протянул Шилов.

— Вот сволочь! — выругался Грязнов. — Ну, ладно.

Он бросил трубку, а Федор Алексеевич, глядя на свою, слушал короткие гудки и никак не мог сообразить, к кому эта «сволочь» относилась. Неужто к нему? Нет, это Грязнов наверняка о Глухом. А, что говорить, конечно, сволочь... Вовремя сбежал, успел...

Грязнов укоризненно посмотрел на телефонный аппарат и осуждающе покачал головой. Телефон снова затрезвонил. Это была Галя.

— Вячеслав Иванович, Володя только что отбыл Волгоградским поездом вместе с нашим фигурантом. Вагон пятнадцатый. Провожали двое братков, билет взяли по паспорту на фамилию Круглова Геннадия Степановича, я в кассе проверила. Чего делать будем?

— У Яковлева проблем не возникло?

— Нет, он тоже взял плацкарт. Первая большая остановка — Кореновск, а дальше — Тихорецк, где возможна смена направления движения. Скажем, на юг или на север.

— Понял, продолжай заниматься своими свидетелями, а я предприму сейчас кое-какие меры.

3

Начальник отдела МУРа подполковник милиции Саватеев по старой памяти, ибо считал себя не только выдвиженцем, но прежде всего учеником Вячеслава

Ивановича Грязнова, под руководством которого раскрыл не один десяток серьезнейших преступлений, решил и на этот раз не подвести своего бывшего шефа. Он сам возглавил операцию.

Самолет в Барселону вылетал в половине девятого вечера. Последние сутки муровцы провели в аэропорту, подозревая, что фигуранты могли попытаться перенести свой субботний рейс на пятницу, поскольку на нем, как они выяснили, оставалось несколько свободных мест. Но... все было тихо, отлетающие Алымов и Барышников, фотографии которых были на руках у каждого сыщика, в пятницу в аэропорту не появились.

Было непонятно, почему они собрались лететь именно субботним рейсом.

Уже с половины пятого все были начеку. До начала регистрации оставалось еще не менее часа. Таможенники и пограничники, заранее предупрежденные об операции, похоже, немного нервничали — кто-то им намекнул, что будут брать закоренелых убийц.

И вот они наконец появились.

Первым узнал их дежуривший у входных дверей сотрудник МУРа, облаченный в форму служащего аэропорта. Сунув руку с фотографиями в карман, он другой нажал кнопку связи на маленькой рации, закрепленной в верхнем кармане куртки, и произнес всего два слова:

— Пятый, есть.

И сразу же встрепенулись все остальные, не в упор, разумеется, а как бы исподволь поглядывая на раздвижные двери, где фигурантов засек Пятый.

Они вошли в зал вылета — неприметные, обычные пассажиры. Один повыше, другой пониже, но шире в плечах. У высокого, стало быть, у Барышникова, в руках был чемодан на колесиках, а у Алымова — за спиной студенческий рюкзачок. Не надолго они собрались в солнечную Испанию, а просто ре-

шили проветриться, пока шум не уляжется. Единственное, что их делало очень похожими друг на друга, — это физиономии. Отекшие и словно распаренные после хорошей бани, они свидетельствовали о том, что оба наверняка непрерывно пили, а если и останавливались, то лишь для того, чтобы поползти до магазина.

Ну а что им было "делать? Деньги получили, не поспешил, наверное, хозяин, когда они выполнили для него грязную работу.

Судя по их усталым, заметно скучающим взглядам, они, скорее всего, уже забыли об опасности, а может, и вообще не думали о ней. Перебросились какими-то репликами, потом оба уставились на стенд с мерцающими точками вылетающих самолетов. Нашли свой указатель, повертели головами и как-то покорно отправились в левый отсек, где должны были с минуты на минуту объявить начало регистрации.

Народу в зале было много. Причем, наверное, и улетающих, и провожающих тоже. Вечерние самолеты шли густо. Брать преступников в такой толчее было опасно, тем более что перед регистрацией они обязательно постараются проявить особую осторожность. А потом мало ли какие у них намерения? Может, у них за пазухами модное нынче у террористов пластмассовое оружие? Начнут палить во все стороны, мало не покажется.

Решили пропустить их к паспортному контролю, когда они сдадут свои вещи. А там, где сидят пограничники, там даже люди в военной форме — никого не настораживают.

Вот первым прошел высокий Барышников. Таможенник протянул ему его билет, бирку на чемодан, загранпаспорт и показал нетерпеливым жестом, чтобы тот не стоял, не ждал, а проходил дальше, к паспортному контролю.

А с Алымовым таможенник потянул. Попросил

его раскрыть рюкзак, залез внутрь рукой, пошарил там, потом осмотрел наружные карманы и разрешил закрыть его. И только после этого принялся рассматривать документы. И когда он наконец закончил свою работу, кивнул рабочему, чтобы тот повесил на рюкзак бирку, и отдал документы Алымову, Барышников уже прошел паспортный контроль и ожидал приятеля по ту сторону «границы».

Не повезло Алымову. Сержанту пограничнику что-то не понравилось в его паспорте, и он, кивнув Алымову, чтобы подождал, снял телефонную трубку и что-то сказал в нее. Подошел капитан с зелеными кантами на погонах, тоже посмотрел паспорт и рукой позвал Алымова выйти к нему.

Явно встревоженный Барышников застыл в стороне. Но капитан был спокоен. Он снова махнул рукой Алымову, приглашая пройти в соседнее помещение, закрытое от посторонних глаз матовыми стеклами.

— Что такое? — хриплым от волнения, а может, и от долгих возлияний голосом спросил Алымов.

— Да подпись у вас на паспорте нечеткая. Сейчас я вам дам листок бумаги, и вы поставите парочку автографов, мы и сравним. Ничего страшного, — с усмешкой успокоил капитан и первым вошел в помещение.

Настороженный Алымов с сомнением посмотрел на свою правую руку, напоминающую, скорее, клешню, словно-раздумывая, сумеет ли он сейчас ею изобразить свой автограф. Потом перевел взгляд на капитана, но ни в интонации его, ни в поведении не увидел опасности для себя и двинулся следом, недоумевая, что за проблемы появились вдруг с паспортом — ведь до сих пор все было в порядке, никаких претензий. А, черт их знает!

Взяли их практически одновременно.

Пока Барышников, приоткрыв рот, наблюдал за Алымовым, уходящим за капитаном, к нему подошли

двое оперативников МУРа и крепко взяли с двух сторон за руки. Барышников и моргнуть не успел, как на его запястьях щелкнули браслеты наручников. Он резко дернулся — силен все-таки был, но и оперативники были готовы к сопротивлению.

Алымова взяли тем же способом, но только за закрытой дверью, едва он вошел в помещение.

И если Барышникову ничего объяснять не потребовалось, он и сам мгновенно все усек, то Алымов поднял истошный крик. Он грязно матерился, кидался из стороны в сторону, валился на пол, стараясь вырваться, пытался сбить оперативников ударами ног, пока один из них, изловчившись, не ткнул ему кулаком в солнечное сплетение. Алымов, всхлипнув, словно задохнулся и повис на собственных растянутых в стороны руках. Вот тогда его посадили на стул, а руки завели за спинку стула и снова схватили наручниками.

— Сергей Александрович Алымов? — деловито спросил, входя в комнату, подполковник Саватеев.

— Он это, — кивнул один из оперативников.

— Вам известно, что вы объявлены в федеральный розыск в связи с обвинением в убийствах?

— Не известно, и я никого не убивал.

— Ну, это вы расскажете следователю в вашем родном городе, куда вас немедленно этапируют... Принесите сюда его вещи. Посмотрим, с чем он кинулся в бег. А где это вы больше недели мотались, гражданин Алымов? Мы ведь вас давно здесь ждем. Где вы были так долго?

Но Алымов молчал и, глядя в пол, напряженно сопел.

— Мне-то, в общем, все равно. Небось у девок каких-нибудь? Ну а что, вы ж человек неженатый, правда, говорят, что вроде невеста имелась. Ваш начальник, полковник Медведев, об этом следователю говорил. Но все равно. А вот ваш приятель-подельник

куда от семьи-то подался?.. Молчите? Ладно, он сам расскажет.

Пришел оперативник с вещевым мешком-рюкзачком в руках.

— Покопайтесь там, — сказал Саватеев, — а я схожу к его приятелю, может, тот будет разговорчивей...

Барышников, сидевший в той же позе, что и Алымов, но только в другом помещении, безучастно смотрел, как в его раскрытом чемодане, вытаскивая и перетряхивая каждую вещь, копается, судя по повадкам, явный оперативный работник. Устало посмотрев на вошедшего подполковника милиции, он задал единственный вопрос:

— Что со мной будет?

— Ничего хорошего, уж это точно! — весело ответил Саватеев. — А вот степень плохого зависит только от вас самого. Будете упираться, Борис Николаевич, наматаете на всю катушку. Захотите помочь следствию, я думаю, сможете рассчитывать на какое-то смягчение наказания. Но это я так, в принципе вы же понимаете... Столько трупов вам никакой суд не спустит.

— Да нет на мне трупов! — растерянно возразил Барышников.

— Как знаете. Судя по тем показаниям, что уже дали ваши подельники — Орехов, Лютиков, Старостенко и Русиев, не менее шести. Ну и плюс уничтожение трупов в карьерах.

— Нашли?.. — вздрогнул Барышников.

Николай Саватеев с насмешливым видом молча смотрел на него. Он-то оперировал теми фактами, которыми его снабдил Вячеслав Иванович, указавший, на что именно надо бить в первую очередь. И по глазам арестованного Николай увидел, что попал, как говорится, в самую точку. Похоже, как раз этого обвинения в свой адрес больше всего боялся Барышников.

— А если я расскажу, как все было?

— Рассчитываете на явку с повинной? — усмехнулся Саватеев. — Ну что ж, раз имеете такое желание, мы возражать не будем, у вас есть такое право. Сейчас мы дадим вам ручку с бумагой и — пишите себе, вымаливайте у судей снисхождение. Принесите ему то, что он просит! — приказал Саватеев оперативнику. — И руку отстегните, чтоб мог писать... Да, еще учтите, что в вашу пользу окажется и тот факт, что при аресте вы, в отличие от вашего поделъника, не оказали сопротивления органам милиции. Впрочем, сообразили, правильно. Об этом я лично доложу в рапорте о вашем задержании.

И он вышел из помещения, чтобы позвонить Вячеславу Ивановичу и доложить об успешном завершении операции.

Обрадованный Грязнов горячо поблагодарил своего еще недавнего помощника и попросил только об одном одолжении — временно оставить обоих арестованных в Москве. У него отчетливо стояла перед глазами картина падающего на трап Игната. И он понимал, что организаторы убийств теперь, когда на карту поставлена их жизнь, ни перед чем не останавливаются. Они найдут способ убрать любого, опасного им свидетеля.

Ведь что, в сущности, получается? У прокуратуры в лице Александра Борисовича нет твердых доказательств совершения преступлений именно теми людьми, на которых падает подозрение. Имеются их собственные показания, где все они валят вину друг на друга и отрицают собственную. Есть косвенные показания свидетелей. Но нет самих жертв преступления. Да и потом, строить обвинение только на признательных показаниях самих исполнителей невозможно — это ж лакомая добыча для любого адвоката!

Та же ситуация с Трегубовыми. Предъявить обвинение исполнителю уже невозможно ввиду его смерти. Баллистическая экспертиза показала, что пуля,

извлеченная из тела вице-губернатора, была выпущена из пистолета Макарова с навинченным на ствол глушителем, который был взят при аресте Русиева. Следы отпечатков пальцев на рукоятке и стволе принадлежали самому Игнату и были идентичны тем, которые имелись в картотеке дактилоскопического учета МВД. Так что тут все в порядке. Но вот показания самого Игната относительно «заказчиков» этих убийств суд может счесть неосновательными. Ну и что, скажут? Ну, пусть исполнитель назвал их имена, но ведь не исключено, что на него было оказано давление!

К примеру, скажем, явка с повинной написана на борту самолета, этого никто не отрицает. Так ведь могли ж оперативники пригрозить подозреваемому в убийстве, что выбросят его за борт, если он не согласится назвать тех «заказчиков», на которых показал ему следователь? А что, даже и люк открыли, и подтащили его поближе...

Насмотрелись, понимаешь, американских триллеров! Какой же идиот рискнет открыть люк на такой высоте?

Вот так и спорил сам с собой Грязнов, выдвигая абсурдные аргументы и тут же опровергая их. И понимал, что доказательная база слаба, хуже некуда. А с убийством депутата и его товарищей вообще ничего не прояснится до тех пор, пока не обнаружатся трупы.

Об этом и сказал Вячеслав Иванович Николаю, попросив «расселить» задержанных по разным СИЗО, чтобы исключить любую возможность их общения и сохранить при этом их жизнь в безопасности. Он был уверен, что именно от показаний этих двоих и будет в максимальной степени зависеть все дальнейшее расследование.

4

Впрочем, у Грязнова хватало поводов и для хорошего настроения.

Удача в Москве последовала следом за удачей в

Тихорецке, куда Вячеслав Иванович вылетел самолетом «малой авиации» сразу после сообщения Гали Романовой о том, что «вагончик тронулся».

Никому ни слова не сказал Грязнов, даже Сане не сообщил, не потому, что сомневался в успехе, а просто чтобы не сглазить.

Ан-2 доставил его в Тихорецк, а дальше частник за смешные деньги — «всего двести рублей — привез его прямо к вокзалу. До прихода волгоградского поезда оставалось не менее получаса.

Вячеслав Иванович зашел в линейное отделение милиции, представился дежурному капитану, предъявив тому свой документ, чем привел беднягу в полное замешательство — начальства такого ранга он, по-видимому, не встречал так близко никогда в жизни. Грязнов с отеческой улыбкой успокоил парня, сообщив по секрету, что лично проводит секретную операцию по задержанию опасного уголовного авторитета, прибывающего сюда с минуты на минуту на поезде. За ним ведется неотступное наблюдение. Этого сообщения было достаточно для того, чтобы капитан вмиг проникся чувством глубочайшей ответственности, продиктованным высоким доверием к нему.

Через пять минут весь наличный состав линейного отделения рассредоточился вдоль перрона, к которому должен был прибыть волгоградский скорый поезд. Сотрудники милиции были все, без исключения, предельно внимательны и при оружии, естественно.

Володя Яковлев лежал на разостланном матрасе на верхней боковой полке в середине вагона, свесив голову и лениво разглядывая пассажиров. Предмет главного его внимания находился в предпоследнем отсеке, на нижней полке. Володя видел только ноги сидящего там человека, и этого ему было достаточно. Потому что есть такой закон оперативной службы — когда ты ведешь преступника, ни в коем случае нель-

зя, чтобы твои глаза даже нечаянно встретились с его взглядом. Преступник всегда напряжен и немедленно угадает свой «хвост». А значит, пиши пропало.

Был ли так уж внутренне напряжен в данный момент гражданин Круглов Геннадий Степанович, купивший билет до Волгограда, этого, разумеется, Володя не знал. Тот сидел неподвижно, дожидаясь, видно, когда свечереет и можно будет развернуть матрас на полке и застелить его серым поездным бельем. Но это указанный гражданин, возможно, захочет сделать после остановки в Тихорецке, когда остававшиеся еще пустыми места плацкартного вагона займут новые пассажиры.

Единственное, что видел Яковлев, — это ноги в серых, в полосочку, брюках — старомодных и простеньких, какие носили лет тридцать назад. Эти ноги иногда почесывали одна другую. Нервничает? Или лечь торопится?

Еле слышный звонок телефона отвлек внимание Володи. Он достал из внутреннего кармана куртки свой аппарат, раскрыл и сказал:

— Слушаю.

— Это я, — услышал он голос Грязнова. — Как дела?

— В порядке.

— Встречаем в Тихорецке. Номер места?

— В предпоследнем купе.

— Не суетись.

Грязнов отключился. А Володя вдруг почувствовал азарт погони, которая вот-вот должна была принести удачу. Он спустился со своей полки, размял плечи, уставшие от долгого вынужденного лежания, и сел с разрешения соседа на нижнюю полку у окна, по-прежнему не теряя из вида серые брюки в светлую полоску и простые, со сбитыми мысками, ботинки.

Неожиданно тот человек встал, подхватил небольшую сумку, похожую на допотопный баул, и нето-

ропливо отправился в сторону туалета, то есть к той двери, возле которой находилось купе проводника.

Володя, чуть переждав, двинулся следом. Подойдя к купе, краем глаза увидел, что пассажир сидит рядом с проводником и о чем-то с ним беседует. Он даже не взглянул на молодого человека, спросившего, сколько времени будет стоять поезд. Проводник ответил, что десять минут, и снова повернулся к пожилому пассажиру.

Володя кивнул и вышел а тамбур. Быстро закурил, поглядывая на дверь, сквозь которую он мог видеть выход из купе проводника.

Между тем за окнами побежали пригороды не-большого города, громче застучали колеса, потянулись цепочки огней. В тамбур вышел проводник, тряпкой протер поручень у двери, повернул ключ в замке.

— Десять минут стоим, — повторил он, вероятно, имея в виду Володю, а тот неотрывно смотрел на выход из купе. Пожилой пассажир не появлялся.

Поезд стал замедлять ход, и проводник открыл дверь. Володя вошел в вагон и, мельком взглянув в купе проводника, никого в нем не обнаружил. Вот это был удар! У него даже сердце, казалось, вмиг остановилось. Володя откинулся спиной к титану и, не заходя в купе, стал внимательно его осматривать. Нашел! Из-под нижней полки выглядывал уголок баула.

На верхней полке никого не было, но на ней лежали какие-то свертки и мешки, которых прежде — Володя отчетливо вспомнил это — там не было. Откуда они взялись? А из верхнего багажного отделения. Вот где мы, значит, обосновались? Очень хорошо.

Яковлев вздохнул с неимоверным облегчением...

Получалось так, что опытный уголовник все-таки не верил в свою удачу полностью, оставались какие-то сомнения. И он решил просто переждать момент. А вдруг? И оказался ведь прав. Спрятался там, где

вряд ли кто-нибудь станет его искать. Да и проводник всегда может оправдаться — мол, не видел, в купе перед остановкой не заходил, и даже непонятно, когда этот хмырь успел туда забраться. Пойди докажи!

Поезд остановился. Первым в вагон вошел молодой капитан милиции, за ним появилась грузная фигура Вячеслава Ивановича — в обычной куртке, но всякий, кто взглянул бы сейчас на него, определенно признал бы в нем генерала — такой вот «серьезный» вид.

— Ну? — спросил Грязнов, увидев Володю, пропустившего мимо себя милиционера, который сразу прошел в вагон.

Яковлев кивнул на купе проводника и пальцем ткнул вверх.

Грязнов усмехнулся и крикнул в пустоту:

— Слышь, Глеб Иванович, выходи, побеседовать срочно надо. Генерал Грязнов говорит.

В купе стояла тишина, потом раздалось кряхтенье, шевеление, наконец над дверным проемом свесились ноги в серых брюках, а затем сперва на верхнюю полку, а затем и на нижнюю медленно сполз гражданин Круглов, как он значился по паспорту.

— Ну и чего ты прячешься, как мышь? Чего испугался, если на тебе грехов нету? — грубоватым тоном поинтересовался Грязнов.

— А от вас всегда лучше держаться подальше.

— Это когда как.

— Вещички свои не забудьте, гражданин Круглов. — Яковлев показал на край торчащего из-под полки баула.

Глухой, поняв, что его инкогнито раскрыто, сердито метнул на Владимира острый взгляд, но баул поднял.

— А вы чего это, решили меня с поезда снять? На каком основании?

— Ты сам понимаешь, Глеб Иванович, что десяти минут остановки нам с тобой для разговора по душам

не хватит, а задерживать поезд из-за тебя мы не имеем права. Да и кататься с тобой тоже нет никакого резона. Пойдем, забирай шмотки, посидим вот у него в кабинете. — Грязнов посмотрел на стоящего в проходе капитана милиции. — И если за тобой ничего нет, честно обещаю, вот он, капитан, по моей личной просьбе отправит тебя следующим поездом. Ты ж ведь, поди, к казахам на кумыс собрался, так?

- Ну .

— Вот и поедешь дальше. Но при одном условии, о котором ты уже слышал. Пойдемте, ребятки. — И Грязнов вышел из вагона.

На него с испугом посмотрел проводник, проверявший билеты у сажающихся на поезд пассажиров. Но Грязнов лишь снисходительно похлопал его по плечу и пошел в сторону вокзала. Карякин и сопровождавшие его лица — следом. Проводник проводил их взглядом и вытер тыльной стороной ладони мокрый лоб.

В кабинете дежурного сидели трое — Грязнов, Карякин и Яковлев.

Первым делом Вячеслав Иванович забрал у Карякина паспорт на имя Круглова и спросил, почему он уехал по подложному документу. Тот ответил, что просто испугался. Вокруг такое творится. И убийства, к которым он, «законник», отношения не имеет, и прочие дела, о которых только и разговоры в городе.

— Навалилась целая бригада из Москвы, сам подумай, — рассуждал Карякин, — кого первого потянут? Виноватого? Держи карман! Кого захотят, на того и повесят, а ты потом доказывай, что не верблюдо...

— А тебе разве не передали, что я хотел встретиться с тобой, чтобы просто посоветоваться и мнение твое узнать об одном человеке? — Грязнов изобразил искреннее удивление.

— Ну, был базар, но только ни про какой совет не слышал. Про то не было.

— А кто передал? Я ведь лично Шилова просил.

— Шилов и позвонил. Слышь, Грязнов, а может, он гнилой? — с иронией спросил Карякин, ожидая ответной реакции.

— Вот видишь? А я как раз и хотел у тебя узнать, как ты к нему относишься. Значит, гнилой, полагаешь?

— Так это ж я у тебя спросил. Это вам, ментам, видней! Ты меня к своим не пристегивай.

— Получается, это он спровоцировал тебя на побег? Чем? Угрожал или как?

— А на меня у вас нет ничего, я и не боюсь.

— Однако сбежал. А боишься ты, гражданин Карякин, вот чего. Говорю тебе совершенно откровенно, поскольку имею неопровержимые факты. Тебе поручили убрать Игната Русиева. Не самому, нет, а организовать это дело так, чтобы на заказчика — одного или нескольких — подозрение не упало. Верно? Пока не отвечай, пойдем дальше. Денег тебе дали, чтоб заплатить исполнителю. Дали тебе также фотографию Игната, которую ты передал по факсу Конюшову в Питер, а также перевел на его счет двадцать тысяч баксов, верно? Ничего, я не тороплю, думай пока. И, наконец, тебе дали адрес, по которому этого Игната можно найти. Это адрес дачи Федота Семькина, Шустрого, где временно залег на дно Игнат Русиев. Вот только это, а большего Киреев от тебя и не просил. Точнее, не требовал. Подтверждаешь? Или еще подумать хочешь?

— Ох и лепишь ты, Грязнов! — с ухмылкой заметил Карякин. — Где ж это видано, чтобы Глухой закладывал кого-нибудь?

— А у тебя, Глеб Иванович, — игнорируя кличку Карякина, сказал спокойно Вячеслав Иванович, — выхода сейчас другого просто нет. Иначе все киреевские дела я охотно перевешу на твои плечи, сечешь?

А их много, Карякин, по-старому так на вышку потянут. Тебе это надо?

— А что мне надо? — осторожно спросил Карякин.

— Тебе надо обеспечить себе, как максимум, вынужденное соучастие, продиктованное прямой угрозой для твоей честной и беспорочной жизни исправившегося после четырех ходок человека. Может, суд поймет и оценит твое очередное раскаяние. Но тогда уж тебе, Карякин, придется жестко занимать свою позицию, и никаких там отказов от показаний, никакого вранья чтоб не было. А то ведь, сам понимаешь, дай только возможность тем охранникам, которым следствие инкриминирует все последние убийства, удобный повод, и они выставят тебя на суде за все ответчиком. Им-то какое-никакое снисхождение, а уж тебе — извини, Глеб Иванович. Ну, так как будем жить дальше? Но учти, поездку твою на кумысолечение придется все-таки временно отложить — до суда. Я понимаю, здоровье человека — это важно, но установление истины и наказание виновного гораздо важнее. Кстати, я ведь еще и баульчик твой не смотрел. Пока не смотрел.

— Ох, Грязнов, недаром говорили, что третий ты мужик! Борзой! Любого убедишь, даже и не согласного поначалу. Ну, что будем делать? Дам я, наверное, показания, хоть и опасное это дело. Но я на твое слово рассчитываю. А вообще-то, я бы и подпиской обошелся, чего мне, старому и больному человеку, в крытке париться? Какой резон?

— Да, особого резона, думаю, нет. Но только я рассчитываю на взаимность... А может, все-таки лучше в камеру? Там и тебе привычней, и Киреев с Шиловым не достанут. Ты подумай, оно хоть и не санаторий, но охрану я тебе предоставить не смогу. Разве что на время в Москву переведу. В Петрах у нас можно отсидеться, опять же.

— Я подумаю, — серьезно пообещал Карякин. —

Ну, чего время-то зря тянуть? Поехали, что ли? Машиной? Поездом? Или как?

— А мы сейчас узнаем, какой ближайший поезд пойдет обратно, и возьмем купе. Там и поговорим начистоту. И протокол напишем. А заодно и перекусим. Ты ж голодный, поди? Снялся-то с места в считанные минуты! Да и кадр мой тоже оголодал за целый день, пока за тобой бегал.

Грязнов поощрительно подмигнул Володе Яковлеву. А тот сидел с показным, безучастным видом сбоку от задержанного и не спускал глаз с его ног — если преступник хочет предпринять резкие и неожиданные для окружающих действия, его первым делом выдадут именно ноги — так Володе говорили опытные сыщики...

По возвращении в город Вячеслав Иванович отвез Карякина к нему домой и приставил двоих оперативников, которых прислал Владилен Старков, отвечавший за каждого головой, как он выразился. А Грязнов велел Глухому сидеть как бы под домашним арестом, никуда носа не казать и не отвечать ни на какие телефонные звонки. И слушаться оперативников. А те будут передавать ему команды Грязнова.

Там же, в доме, Карякин нашел и отдал Вячеславу Ивановичу часть вырезанной фотографии Игната Русиева, которую ему принес Юрий Петрович Киреев. А также сказал, с какого факса была передана в Питер эта фотография. Володя тут же поехал проверять на городской почтамт и убедился, что старый уголовник сказал правду. Оттуда же были переведены на валютный расчетный счет Конюшова в «Глобал-банке» и двадцать тысяч долларов — оплата его труда и питерских «игровых».

А сам Грязнов вместе с Рюриком Елагиным, уже достаточно знакомым с планировкой киреевского дома в «Белом лебеде», оперативной группой под-

держки и парой понятых отправился на губернаторскую виллу.

Полковник Медведев выделил господину Кирееву новых охранников, и они заикнулись было, что без указания хозяина... Но Грязнов так рывкнул на них, потрясая постановлением на обыск и напоминая о плачевной судьбе их предшественников, что охрана поспешила скрыться в сторожевой будке и до самого отъезда группы у ворот больше не показывалась.

Третий обыск в доме за короткое время! Такое могло кого угодно вывести из себя. Жена Юрия Петровича закатила истерику, порываясь схватить телефонную трубку и пожаловаться отцу, чтобы тот немедленно прислал сюда всю милицию. Сам Киреев был бледен как полотно, что выдавало крайнюю степень его ярости. Но он, в отличие от Юлии Георгиевны, не заламывал рук и не орал, а молчал, сверкая глазами.

А вот Грязнов хотя имел вид и решительный, но был предельно вежлив, даже голоса не повысил. Спокойным тоном он попросил оставить в покое телефонную трубку — во избежание крупных неприятностей семейного порядка для господина губернатора, к которому у следствия также имеются серьезные вопросы. А пока он потребовал представить ему семейные фотографии, которые хранятся в доме. Все до одной, без исключения.

Юлия Георгиевна ничего не могла понять — какие еще фотографии?! Что за бред? Но Грязнов, по-прежнему не повышая голоса, объяснил, какие конкретно, и при этом смотрел не на супругу, а на ее мужа. Казалось, что тот тоже не понимал, о чем идет речь. Наконец до Юлии дошло. Она сказала, что все фотографии свалены у нее в ящике туалетного столика в спальне, и если у кого есть охота, пусть забирает их и наслаждается — последнее слово было произнесено ею с напыщенным видом и самым саркастическим тоном, на который она, видимо, была способна.

А вот теперь Юрий Петрович, кажется, что-то понял. Он сделал шаг, другой к двери, ведущей из холла в коридор, на кухню, но Грязнов немедленно заметил это движение и приказным тоном велел Кирееву остаться в комнате. А Елагина и одного из оперативников отправил на кухню посмотреть кое-что в мусорном ведре. Если там ничего не найдут, надо будет перевернуть помойные баки, которые он видел с другой стороны дома, и порыться в них. Приятная, короче говоря, работенка! Да еще в вечерней полутьме, при свете фонарей в парке и собственных фонариков. Вместе с Рюриком ушли и понятые.

А в груде фотографий, принесенных из спальни, Грязнов с помощниками довольно быстро нашел такую же фотографию, на которой были запечатлены хозяйка дома, шедшая по аллее к воротам усадьбы в сопровождении своего телохранителя. Он на голову возвышался над нею, и его «образ» можно было легко отрезать ножницами таким образом, что сама хозяйка оставалась в целостности и сохранности.

Вячеслав Иванович положил ее перед собой, затем достал из кармана ту, что отдал ему Карякин, и сравнил.

— Ну, что скажете, орлы? — обратился к оперативникам. — Один к одному? Правильно, близнецы-братья. А куда ж вы собственную жену девали, господин Киреев? Или отрезали и выкинули за ненадобностью?

Киреев молчал.

— Вот Эта фотография, — показал он портрет одного Игната, — была вами передана гражданину Карякину вместе с пятьюдесятью тысячами долларов, чтобы он устранил Игната Русиева, попросту говоря, убил его. Что в конечном счете и было выполнено. Вы имеете что-то сказать по этому поводу?

Но Киреев не отвечал. Зато ответила Юлия Георгиевна:

— Ах ты, гад вонючий! — закричала она и кину-

лась к мужу, но ее остановил оперативник. — Значит, это ты устроил?! А меня уверял, что услал его по делу? Испугался, что он — настоящий мужик, а не такой, как ты, гнида?!

— Заткнись! Идиотка!! — взорвался наконец Киреев. — Сядь и молчи, сука старая!

— Ах, это я — сука?!—взвилась Юлия с новой силой.

— Есть, Вячеслав Иванович. — Негромкий голос Рюрика Елагина неожиданным образом восстановил тишину. — В мусорном ведре нашли. На самом дне, представляете? Словно нарочно прилипла, — улыбнулся Рюрик и, вытерев обрезок фотографии локтем, положил на стол перед Грязновым.

— Ну вот, это совсем другое дело, — удовлетворенно сказал Грязнов, сдвигая части фотографии по линии их разреза. — Прошу всех удостовериться. Господа понятые, подойдите ближе, сейчас будет составлен протокол по поводу обнаружения второй части фотографии.

Грязнов вопросительно взглянул на Киреева и его жену, как бы приглашая подойти и их, но те не шевельнулись.

— А теперь, господин Киреев, — сказал Грязнов, — на основании полномочий, данных мне руководителем оперативно-следственной группы, государственным советником юстиции третьего ранга Турецким Александром Борисовичем, я принимаю решение о вашем задержании по той причине, что не исключаю нарушения вами подписки о невыезде и возможности побега. Вот постановление о вашем задержании, санкционированное заместителем генерального прокурора по Южному Федеральному округу Щукиным Иваном Гавриловичем. Госпожа Киреева, соберите вашему мужу необходимые вещи. Вам подскажут, что он может взять с собой в камеру. Рюрик Николаевич, пожалуйста, помогите женщине.

— Я могу сделать один телефонный звонок? — спросил вдруг Киреев, не глядя на Грязнова.

— Адвокату? — мирным тоном спросил Вячеслав Иванович. — Можете.

Юрий Петрович взял трубку мобильного телефона и нажал кнопку вызова. Не обращаясь по имени, вероятно, по той причине, что торопился, пока ему не прервали связь, он быстро сказал:

— Меня арестовали. У них есть и к тебе вопросы...

Грязнов с любопытством посмотрел на Киреева.

— Да, есть постановление от Щукина. Куда смотрел?! — закричал он неожиданно, но, увидев, как Вячеслав Иванович словно бы шутливо погрозил ему пальцем, мол, не хами, понизил тон: — Не знаю, захочет ли он говорить с тобой. Все, делай выводы! — Он снова посмотрел на Грязнова и протянул ей свою трубку: — Не желаете поговорить с губернатором?

— Сейчас не желаю. Передайте, что мы встретимся завтра, если у Георгия Владимировича найдется для нас с Александром Борисовичем свободная минутка. — И, отвернувшись от обескураженного Киреева, он добавил: — Так, сворачиваемся. Господин Киреев, мы ждем вас, поторопитесь...

5

Позвонивший из Москвы поздно вечером Николай Саватеев передал горячий привет «участникам банкета», как когда-то выразился Александр Борисович на одной из муровских вечеринок, и это выражение у ветеранов «грязновского призыва», как они себя называли, прижилось.

Повод передавать привет у Николая был. Он провёл хорошую работу с Барышниковым, которого отправил в следственный изолятор на Петровке, 38, в просторечье именуемый Петры. День упорной работы принес свои плоды. Относительные, конечно. Алымов, например, замкнулся в себе и не желал во-

обще давать никаких показаний, а вот его напарник, Барышников, на которого неожиданный арест оказал сильное психологическое воздействие, наоборот, словно потерял волю к сопротивлению — короче говоря, крепость сдалась без единого выстрела.

Он сознался, что участвовал в расправе над приехавшими на переговоры к Кирееву людьми с комбината. Участвовал, койечно, не по своей воле, был приказ задержать шестерых прибывших и не допускать их к хозяину, пока тот ведет переговоры с зачинщиком, то есть депутатом Москаленко. Их и не пускали, в охране стояли пятеро сотрудников вневедомственной охраны, все были вооружены личным оружием — автоматами с полным боекомплектom, правда, никому и в голову не могло прийти, что оружием придется пользоваться. Оно — так, больше для устрашения. В крайнем случае дать очередь над головами — и вопрос сам отпадает. Кто добровольно на пулю-то полезет?..

Но случилось совершенно неожиданное. В глубине парка, возле беседки, где горел свет и где, известно было, сидели переговорщики, вдруг раздались выстрелы — один, следом другой и после паузы третий. Приехавшие, услышав стрельбу, посыпались горохом из «рафика» и, растолкав охранников, пытавшихся преградить им путь, понеслись по аллее к дому.

Навстречу им от дома, кажется, выскочил Женя Орехов и, подняв руки, закричал: «Стойте! Стойте!! Будем стрелять!!!» Но в ответ кто-то из бегущих неожиданно выстрелил. Может, и не в него, может, выше головы, но он как бы спровоцировал. Откуда взялся пистолет — никто так и не понял. Но все охранники, повинувшись команде Орехова: «Огонь на поражение!», открыли перекрестную пальбу, хорошо хоть не задели, не перестреляли друг друга.

Все было закончено в считанные секунды, никто толком даже и сообразить не успел, что они тут натворили. А когда дошло, испугались по-настоящему.

Но Орехов, как старший наряда, а также Игнат Русиев, пришедший к месту гибели людей из той же беседки, где, оказывается, лежал Москаленко, которого в порыве гнева застрелил сам хозяин, — короче, оба они сказали, что надо немедленно трупы убрать, а потом вывезти куда-нибудь подальше, к бывшим карьерам, и там захоронить, чтоб и следов не нашли. Сам Игнат вышел за ворота и быстро загнал на задний двор усадьбы «рафик», в котором приехали переговорщики. В него потом и сложили все трупы, запаковав их в обычные черные целлофановые мешки для вывозки мусора.

Но потом прибыл наряд милиции, однако Жене Орехову удалось убедить ментов, что здесь были гости, пили, постреливали для забавы и давно разъехались по домам. Обыска никто, разумеется, не делал. Да и как? Ночь ведь. А как только они убрались восвояси, Женя приказал ему, Барышникову, и Сережке Алымову под руководством Игната, который отлично знал предгорья и многие старые выработки, вывезти трупы в карьеры, найти укромное место и там захоронить. А лучше сжечь, причем вместе с «рафиком», чтобы не оставлять следов.

Это они и сделали. Приехав туда, трупы облили бензином и подожгли прямо в салоне «рафика», а сам микроавтобус столкнули в глубокий карьер. Услышали, как внизу громынуло, и от пламени осветилось дно карьера, после чего сели в джип и уехали, не стали дожидаться, пока там догорит...

Хоть дело происходило и глубокой ночью, но тогда была полная луна, она освещала окрестности, и если отправиться туда, к карьерам, то, пожалуй, можно найти то место.

От Алымова Николай Саватеев, как уже сказано, не добился ни слова. Ну и черт с ним, пусть остается в Бутырке. Николай не стал щадить его, хотя, по идее, должен был отправить как работника милиции хотя

бы в спецкорпус Матросской Тишины. Ничего, сам еще запросится...

И Грязнов одобрил его действия, попросив при этом срочно передать в их группу показания Барышникова. Не исключено, сказал он Николаю, что они попытаются с его помощью обнаружить трупы.

— Это каким же образом? Этапировать его, что ли, к вам? Под усиленной охраной?

— Зачем? — удивился Вячеслав Иванович. — Ты, Коля, посадишь его напротив себя, дашь ему в руку телефонную трубку, а мы поедem искать. Будем называть ориентиры, а он пусть уточняет. Найдем! Вот, может быть, завтра прямо с утра и займемcя поиском. Если договоримся с властями. Есть у меня одна мыслшка, кого привлечь на свою сторону...

Турецкий не особо верил в это «предприятие». Зачем так усложнять дело? И на кой черт Барышников и его приятель будут отсиживаться в Москве? Судить-то их все равно станут тут. Вот и пусть немедленно этапируют.

Но Грязнов, всерьез переживавший свой промах с Русиевым, не желал его повторения. Ну и что с того, что Киреев уже в камере? Он разве один в городе, кому признательные показания того же Игната, да опять же и Барышникова, стояли острой костью в горле. А кто даст команду убийце — не все ли равно? Убийца-то Игната, между прочим, на свободе. Так что пока лучше перебдеть, как говорится.

Александр Борисович развел руками, как бы приглашаясь с логикой друга, и отправился к губернатору, чтобы своим присутствием там хотя бы отчасти отвлечь на себя главное внимание тех, кто, наблюдая за действиями сыщиков, может неожиданно помешать им какой-нибудь очередной гадостью.

Бульдोजьи щеки Георгия Владимировича совсем обвисли и были, словно красными нитями, простега-

ны кровеносными сосудами. А глубокие залысины на лбу приобрели красновато-фиолетовый, как говорили когда-то, явно апоплексический цвет — тяжело, видно, давалось губернатору его губернаторство.

Но глаза из-под лохматых, нависших бровей смотрели внимательно и зло.

Он первый протянул руку вошедшему Турецкому, но пожатие было, скорее, вынужденным, формальным — вялым.

— Ну? — как-то неохотно начал Шестерев. — Чем там этот ваш заместитель отличился? — Пренебрежительной интонацией он словно бы подчеркнул слово «этот».

— Могу вас порадовать, Георгий Владимирович, — учтивым тоном ответил Турецкий. — Оперативными сотрудниками генерала Грязнова проведена успешная операция по задержанию двух последних участников убийства представителей химкомбината на вилле господина Киреева. И они уже дали признательные показания.

— Да неужто? — неуверенно хмыкнул губернатор. — Ну, насчет, так называемых, признаний, уж мы-то с вами, Александр Борисович, знаем, как они добываются. Поработали небось? Как в свое время говорил Лаврентий Берия, слышали? «Пришлось применить допрос, Коба!»

— Да в том-то и дело, что нет. Ведь явку с повинной не вышибешь, это по собственной воле делается. Да и другие свидетели нашлись — тоже охотно дали показания. Но вас, вероятно, эти посторонние для вашей непосредственной деятельности вещи вряд ли интересуют, поэтому я и не хотел бы занимать ими ваше время. А поговорить нам надо вот по какому вопросу. Это, скорее, как мне кажется, ваше чисто семейное дело. И вам будет наверняка неприятно, если семейные отношения бросят ненароком нехорошую тень на вашу ответственную государственную деятельность, верно?

— Да вы не тяните, — недовольно поморщился губернатор, — говорите прямо, что он натворил?

— Мы имеем в виду, вероятно, одно и то же лицо? — позволил себе улыбнуться Турецкий. — Вашего зятя?

— Ну, прежде всего он — Юрий Петрович Кирев, генеральный директор производственного объединения «Кубаньцемент», контролирующий к тому же довольно весомый пакет акций акционерного предприятия «Химический комбинат». И уж только во-вторых — он мой зять. Но если первое имеет решающее значение для города и края, то второе — исключительно для его, я подчеркиваю, семьи. Я никогда не смешивал понятия «общественное» и «личное».

— Похвально, — искренне посочувствовал Турецкий. — А нашу группу, к слову сказать, личная сторона дела вовсе не интересовала. Разве что в той степени, когда эти понятия тесно переплетались между собой и нельзя было отличить первое от второго. Понимаете?

— Ну, давайте перейдем к делу. Вы ведь за этим явились, а вовсе не для того, чтобы обсуждать мои семейные проблемы?

— Упаси, Боже! Так вот, возвращаясь к свидетельствам... Получается такая картина, что господин Кирев, отстаивая свои собственные интересы либо группы лиц, среди которых он считает себя лидером, значительно превысил, как это трактует Уголовный кодекс, свои должностные полномочия. По этой причине в нечистый и без того бизнес — я имею все основания так говорить — влилась откровенно криминальная струя. Прямым результатом этого явились и кровавые события, взбудоражившие весь город. А затем еще два других дерзких убийства, вызванные, как нам теперь стало ясно, необходимостью сведения счетов. И во всех перечисленных событиях первую содипку играл господин Киреев.

— Вы говорите так уверенно, видимо, потому, что обладаете неопровержимыми уликами? — с заметным сарказмом спросил Шестерев.

— Боюсь, что вы, Георгий Владимирович, несколько легкомысленно отнеслись к моим словам. Либо это я сам не сумел донести до вас всю значительность фактической стороны дела. Ситуация сложилась таким образом, что, если мы с вами, предположим, сейчас снимем все подозрения относительно главенствующей роли Киреева в указанных событиях, тогда — следите за логикой! — эти подозрения непременно падут... на вас, уважаемый Георгий Владимирович. Так уж сходятся все концы. Детали я вам пока не имею права открывать, но вас обязательно поставит о них в известность мое руководство.

— Вы соображаете, что говорите? Что вы позволяете себе?!

— Не стоит повышать на меня голос, господин губернатор, — жестко сказал Турецкий. — Мы не в дружеской компании, а на службе, и я счел своей прямой обязанностью проинформировать вас о сути дела. Ваши эмоции в данном случае значения не имеют. А определять виновность или невиновность того или иного лица в конечном счете обязан только суд. Дело следственной группы — представить суду соответствующие доказательства, не больше. Но и не меньше. А что касается вины, скажем, господина Киреева, то конкретные доказательства ее будут скоро обнаружены.

— Скоро — понятие растяжимое. Может, скажете когда?

— Когда? — Турецкий внимательнее, чем следовало бы, посмотрел на свои наручные часы, прикинул и ответил: — Полагаю... туда-обратно... ну, экспертиза, соответственно... да, уже завтра, к концу дня. Или послезавтра, что вернее.

— Вы так уверенно говорите? — всерьез насторожился наконец губернатор.

— Да, имею все основания. Трупы убитых будут доставлены, произведут судебно-медицинскую экспертизу, затем пулями, извлеченными из тел, займутся эксперты-баллистики... Вот и получается никак не меньше двух дней — это в лучшем случае.

— Так вы уже нашли трупы?

— Да, за ними поехали.

Губернатор помолчал, будто не зная, о чем говорить.

— А почему я об этом не знаю? Почему Шилов мне не докладывал? Он-то хоть в курсе дела?

— Нет, мы решили обойтись на этот раз своими силами. Связались с руководством Северо-Кавказского военного округа, и нам любезно выделили необходимую технику и взвод обеспечения операции. Местные власти мы решили не беспокоить. Вам своих забот хватает.

— Но почему же Шилова-то не поставили в известность? Он так охотно с вашей группой работал... Или вы не доверяете генералу милиции? — Губернатор с нарочитым подозрением уставился на Турецкого, будто от ответа зависела дальнейшая судьба Федора Алексеевича.

— Да понимаете... — Турецкий замаялся. — Подозревать его вроде бы не в чем... Но важный свидетель Игнат Русиев был весьма изобретательно убит, причем, как показала проверка, которой занимались наши сотрудники, из специального оружия, возможно, списанного за негодностью и уничтоженного по акту два года назад. Комиссию тогда возглавлял как раз Шилов. Это, конечно, не обвинение в его адрес.

Александр Борисович не стал рассказывать губернатору, что с момента убийства Русиева Владимир Поремский и Галя Романова фактически неотрывно перелопачивали документацию по спецоружию, а также просматривали дела, связанные с заказными убийствами в крае, похожими по своей дерзости на это, последнее. И нашли еще два «висяка», в которых

могло фигурировать аналогичное спецоружие. Но в одном случае пулю просто не нашли, а возможно, и не искали, а в другом — пуля была экспертом уже идентифицирована, но затем бесследно исчезла из его сейфа. Так что остался акт экспертизы, но без самой улики, а потому принят во внимание в судебном разбирательстве сей факт не был.

Незачем все это было знать губернатору. Турецкий сказал как бы в качестве предположения, но не больше:

— И вообще, понимаете, Георгий Владимирович, какая штука? О том, что Игнат Русиев этапируется из Петербурга сюда, к вам, знали, по сути, всего трое — Грязнов, начальник Питерского ГУВД Гоголев и Шилов, который позвонил Виктору Петровичу, зачем-то представился членом нашей группы и выяснил, каким рейсом и с каким «грузом» возвращается Грязнов. Случайное совпадение — скажете вы? Возможно. Но я не из тех, кто опирается на случайности. Я не хочу подозревать в чем-то Шилова без достаточных на то оснований, однако сам факт меня очень настораживает. Да и вас теперь, не так ли?

— Ну, нет! — даже руками развел в полнейшем недоумении губернатор. — Подозревать Федора?! Да вы что! Очень неприятная, думаю, будет для него новость...

— О том, что я вам сказал, господин губернатор, — снова перешел на жесткий тон Турецкий, — на данный момент знают только двое — вы и я. И если это станет известно Шилову, значит, виновным в распространении слухов, позорящих честь мундира генерала милиции, мы будем считать конкретно вас. Вам это надо? Скажите честно?

— Вы странно ставите вопрос... — смутился Шестерев.

— Есть и другие факты, по поводу которых, я не исключаю, Шилову придется давать объяснения своему непосредственному начальству.

— Вы завели на него дело?

— Нет.

— А в отношении меня? — уже с юмором спросил губернатор.

— И в отношении вас — тоже.

— Ну, слава богу, а то я уже растерялся! — Шестерев засмеялся мелким, дребезжащим смешком.

— Хочу заметить, что иногда растерянность невольно провоцирует человека на совершение неправых ошибок.

— Это что, — Шестерев резко перестал смеяться, — предупреждение?

— Отнюдь, профессиональное наблюдение. Вот вам последний пример. Тот же Киреев растерялся от известия, подброшенного нами специально, что мы вышли наконец на след Игната Русиева, и тут же натворил ошибок. Через посредников нанял киллеров, которые и сами благополучно провалились, поскольку мы их уже ждали на месте предполагаемого преступления, и своих заказчиков сдали. А все исключительно от растерянности. Могу привести еще несколько подобных примеров, но не хочу занимать ваше время. Значит, относительно Киреева мы с вами договорились?

— Простите, не понял? — Губернатор нахмурился.

— Да неужто? Разве я непонятно объяснил, что вам сейчас кидаться на защиту Киреева и тем тормозить дальнейшее расследование категорически не выгодно?

— Ах, вы об этом? — Шестерев сделал вид, что не понял. — А кстати, неужели было необходимо сажать его в тюрьму? Разве подписки о невыезде недостаточно? Зачем вся эта демонстрация? Город ведь наш, по московским меркам, совсем небольшой, а молва всегда впереди бежит. Ну, докажете вы его вину — одно дело, а если не докажете, как человеку дальше жить? С такой-то славой!

— Ну, стыд — не дым, говорят, глаза не выест. Зато мы для себя сразу двух зайцев убили. Сказать каких?

— Хотелось бы услышать.

— Исходя из своей многолетней практики, могу сказать, что в делах подобного рода иногда на одного преступника его подельники — понимаете, о ком речь? — сознательно «вешают» и свои преступления, чтобы в конечном счете убрать его физически и, таким образом, очиститься от собственных грехов. Мысль, надеюсь, понятна? Так вот, на шее Киреева висит уже немало, и сколько еще появится, неизвестно. Поэтому мы не исключаем чьей-нибудь попытки избавиться от него, как он сам хотел избавиться от своего верного телохранителя. Отправив его в камеру, мы тем самым сохраним ему жизнь. Это — первое. А второе? Когда подозреваемому вменяется такая мера пресечения, как подписка о невыезде, ему даются соответствующие разъяснения, что он может делать, а чего не должен категорически. Например, мешать следствию. Он не имел права предпринимать действий, которые могли бы пойти во вред расследованию, но он их предпринял. Один заказ на убийство Русиева чего стоил! А вы говорите — зачем? Сам виноват. Все факты против него. Итак, я возвращаюсь к своему предыдущему вопросу. Вы теперь понимаете, Георгий Владимирович, как невыгодно вам в свете последних событий в Москве, связанных с пересмотром властной вертикали и дальнейшим назначением губернаторов, активизировать свои действия в защиту Киреева? Да и вообще самому влезать во всю эту грязную историю? Если не согласны со мной, проигнорируйте мое предостережение. Каждый совет хорош именно тем, что им можно с легкостью пренебречь.

— Я обещаю подумать над вашими словами.

— Тогда я больше вопросов к вам не имею. — Турецкий простодушно, как он умел, улыбнулся и поднялся, чтобы пожать губернатору руку. — Обещаю по

возможности лично держать вас в курсе дела. Благодарю за аудиенцию.

Губернатор не встал, не проводил его до двери. Он так и остался сидеть в раздумье за огромным пустым столом.

А Турецкий вышел в приемную, где на него немедленно уставилось с десятков пар глаз посетителей, сидящих в ожидании приема у губернатора. Но Александр общим кивком поздоровался со всеми, повернулся к секретарше и, подмигнув ей, движением глаз показал на выход.

Но напрасно ожидал у дверей здания администрации Александр Борисович, стоя на ступеньках парадного подъезда и покуривая от нетерпения. Лидия Ивановна так и не появилась. Жаль. А у него появились в отношении этой милой женщины некоторые личные планы. И вообще, он хотел освободить себе хотя бы один вечерок — чтоб ни о каких убийствах не думать, не вести бесконечные разговоры и споры с коллегами, а расслабиться и, как говорил в свое время великий пролетарский поэт Маяковский, «звон свой спрятать в мягкое, в женское». Ну, нет так нет.

С усмешкой он подумал о Поремском, у которого вообще на этот счет никаких проблем нет. Молодой, конечно, — готов был уже позавидовать Александр Борисович, чувствовавший себя по сравнению с ним патриархом. Но эти молодые, правда, надо отдать должное и Галке Романовой, и Яковлеву, да и Елагину как старшему среди них, — так вот, за прошедшие дни они, помимо просмотра архивных дел, собрали такую гору свидетельских показаний, что впору диву даваться. А самое главное, что из всех этих показаний, которые дали свидетели, начиная от помощника Москаленко и депутатов Законодательного собрания до многочисленных родственников погибших и их сослуживцев, выстроилась довольно-таки четкая картина более чем годовой борьбы противоборствующих сторон на химкомбинате и вокруг него. То есть, дру-

гими словами, удалось правильно расставить акценты и тем самым ответить на сакраментальный вопрос: кому выгодно? Ну а когда прояснилась общая картина, стали понятны и подковерные пружины, которые двигали противостоящими силами.

А, в общем-то, они, эти данные, практически не расходились с теми соображениями и предварительными выводами, к которым пришли Турецкий с Грязновым в своих рассуждениях. Они только подтвердили эти предположения. И теперь имеющиеся факты выстроились в довольно стройную и вполне реальную версию.

Свой же сегодняшний демарш в отношении губернатора Александр Борисович предпринял с целью некоторого смягчения обстановки, или, точнее, атмосферы, вокруг действий своей группы. Никакое руководство не любит, когда что-то в родной его вотчине происходит помимо его воли. И если нельзя это дело прикрыть по-хорошему, делаются попытки навязать свою точку зрения по-плохому. А работать в тесном кругу откровенных недоброжелателей трудно, не говоря о том, что иногда и просто опасно. Зачем рисковать жизнью или здоровьем своих сотрудников?

А так получается, что вы в курсе, и пусть это вам не совсем по вкусу, но логика диктует именно такие действия, а не иные. Так есть ли смысл дальше обострять отношения, если занесенная для удара палка обязательно ударит по тому, кто ею замахивается? Дурак не поймет, а более-менее умному порой хватит и намека. Тем более когда этот «умник» вовсе не собирается расставаться со своей высокой должностью. Ведь не собирается? Пусть и наивный вопрос, но и он способен все расставить по своим местам. Главное — сделать это вовремя, когда формальный перевес на твоей стороне.

Именно таким перевесом Турецкий и назвал в качестве аргумента операцию с поездкой за телами погибших, которая проводилась под эгидой армии, а ей,

как известно, губернаторские капризы до фонаря. Ну как возразит губернатор командующему военным округом, у которого таких «хозяев губерний», включая и республиканских руководителей с их «ближним кругом», проживающим на казенном коште, до едреной фени?

Вот, собственно, и заткнулся господин Шестерев, хотя поначалу имел в заглавнике вроде бы и выигрышную карту — возможность напрямую обратиться с жалобой на своеволие Генеральной прокуратуры прямо к президенту. Но вовремя одумался, даже и темы не поднял. Александр Борисович постарался сам сделать ему такой пас, и он «съел» подачу.

А теперь остается ждать возвращения Вячеслава. Так отчего ж пока не расслабиться? Не хочет, ну, ладно, мы — люди не гордые, можем и подождать.

Так сказал себе Турецкий, вздохнул и отправился в краевую прокуратуру продолжать работу над следственными документами, ибо никто другой, кроме него самого, не сумеет выстроить дело так, как того требует настоящий порядок.

Глава восьмая

ПОСЛЕДНИЕ ШТРИХИ

1

По узкой, извилистой, изрытой глубокими колдобинами и перекрытой каменными осыпями дороге двигалась маленькая колонна. Впереди шел бронетранспортер, ошетилившийся пулеметами и автоматами сидящего на броне десанта. За ним, в некотором отдалении, двигались два милицейских «козлика», микроавтобус с остальными бойцами, и замыкал движение большой, мощный автокран, окрашенный так, будто на него напялили камуфляжную форму.

Вячеслав Иванович Грязнов не смог отказать себе в удовольствии устроиться в бронетранспортере рядом с командиром майором Захарченко.

Эту операцию с привлечением армейских сил Грязнов с Турецким задумали с той целью, чтобы на всякий случай сразу снять возможные вопросы со стороны как милиции, так и ФСБ. Командующий Северо-Кавказским военным округом по просьбе москвичей охотно выделил следователям «боевую единицу» и отделение солдат-разведчиков — для осуществления оперативного прикрытия. Турецкий нарочно говорил о взводе, тогда как им с головой хватило и одного отделения.

Но смысл содеянного был в том, чтобы и у губернатора не возникало ненужных вопросов к следствию. Да, проводится совместно с армией, поскольку не исключена нечаянная встреча с боевиками, которыми была уже обстреляна недавно милицейская группа во главе с оперативником Владимиром Яковлевым, когда пострадал один человек. Легко рассуждать об уголовниках, нападающих на проезжие автомашины, когда сам в глаза их не видишь.

Колонна двигалась довольно долго — дорога скверная, те же каменные осыпи тормозили движение. Но это днем. А как же тогда проезжали здесь ночью те, кто вез трупы для захоронения? Абреки, одно слово, хотя никакого отношения к «благородным горцам» эти бандиты в милицейской форме не имели.

Грязнов поглядывал по сторонам и держал перед собой трубку мобильного.

Остановились на первой развилке дороги. За ней виднелось заросшее по краям кустарником огромное пустое пространство выработанного карьера. Дорога, раздваиваясь, видимо, обходила его справа и слева. А по какой стороне надо было ехать — этого сейчас никто не знал. И Вячеслав Иванович, выбравшись на броню, огляделся еще раз и вызвал Саватеева.

— Перед нами карьер, Коля. И развилка. Куда следовать?

— Сейчас, — ответил Николай и после паузы сказал: — По левой стороне.

— Да, но справа дорога лучше, а слева, по-моему, слишком узкая. Ты уточни у него. У нас же не только «козлики», но и БТР, и автокран.

— Сей момент... Уточняю. — И через минуту: — Пусть по левой пройдут самое узкое место, это примерно двести шагов, и посмотрят. Потому что если ехать по правой стороне, вам и двух дней не хватит, дорога там забирает в горы.

— Ясно, будь на связи, — ответил Грязнов, отклю-

чил трубку, чтоб ненароком батарейки не сели, и передал совет Николая майору Захарченко.

С брони прыгнули на землю несколько разведчиков и шустро двинулись вперед по левой дороге. Вернулись они минут через десять и сказали, что БТР легко пройдет, но вот дальше низкий скальный карниз, и поэтому кран если и пролезет, то с трудом. Надо максимально опустить стрелу.

Команду передали по колонне, и все двинулись дальше.

Через полчаса, пройдя под карнизом и выбравшись снова к очередной развилке, Грязнов вызвал Саватеева.

— Вторая развилка, Коля. Какие будут указания?

— Указания такие. Вам опять двигаться влево, дорожка будет похуже, но недолго. Пройдете метров двести, докладываете.

— Ишь, ты! — помотал головой Грязнов. — Как это он все помнит? А в ловушку мы с его помощью не попадем? Когда ни взад ни вперед, а сверху очередная банда?

— Не должны, Вячеслав Иванович, он тут рисует передо мной схему. Занимательная, должен сказать. Надо было ее сразу вам переслать, было бы легче. Но сейчас уже поздно. Ждем следующего сообщения.

Ровно через двести метров колонна остановилась. Дорога дальше становилась совсем узкой и для тяжелой техники непроходимой.

— Приехали! — с сарказмом заметил майор, вылезая на броню. — Ну, какой нам совет будет дальше? Тут же тупик!

— Прибыли? — спросил Николай. — Очень хорошо. Теперь снова смотрите влево — там должно быть что-то вроде прогала между скал, заросшего кустарником, видите?

— Видим, — подтвердил Грязнов.

— Вот туда и поворачивайте. А кустарник пусть вас не смущает, когда вы пройдете, он после вас сам

выпрямится. Это, он говорит, джига — лесная колючка по-ихнему. Поезжайте прямо, а когда достигнете новой развилки, звоните.

Посоветовались руководители экспедиции, выслушали вернувшихся разведчиков, которые сказали, что в принципе проем этот проходим, но только на технике, пешком пойдешь — изорвешься до костей. Словом, они загрузились и двинулись дальше.

Дорога между двух почти отвесных скальных стен понемногу сужалась. Широкий корпус бронетранспортера едва не царапал бортами противоположные скальные выступы. И вот наконец дорога словно обрывалась. Впереди показался новый глубокий провал, перед которым была созданная явно искусственным путем широкая площадка. На ней колонна могла и остановиться, и развернуться для следования в обратном направлении.

— Мы прибыли, — сказал в телефонную трубку Грязнов, — дальше никакой дороги вообще не видно.

— Значит, на месте, — подтвердил Саватеев. — Он говорит, что весь дальнейший путь можно проделать только пешком. Это чтобы спуститься на самое дно и найти останки. Выработка эта очень старая, там давно никто не работает. Но вдоль правого карниза, вы увидите, проложена нормальная пешеходная тропа, которая идет как бы по окружности карьера. И чтобы спуститься, вам придется протопать пешком не меньше двух километров. Перспектива, конечно, малоприятная, — съехидничал Саватеев, — но другого пути там просто нет. Глубина приличная, за две сотни метров. Если вам троса хватит, сможете поднять даже обломки микроавтобуса.

— Ни хрена себе! — в сердцах воскликнул Грязнов. — Какого ж лешего мы огород городили?

— Ну, так тела поднимете, чтоб не тащить останки в гору на себе, — успокоил Николай. — А сгоревшая машина — кому нужна?

— Да уж, видно... другого пути нет. Ладно, мы

отправляемся, а если из этой пропасти связи не будет, ты подожди, когда снова поднимемся, тогда и завершим разговор.

Грязнов отключил телефон, сунул трубку в карман и махнул рукой остальным:

— Следуйте за мной. А у вашего крана какая длина троса? — спросил он у майора.

— Если на эту глубину? — ответил тот, посмотрев вниз с обрыва. — Думаю, хватит. Фалы, если что, нарастим...

Тропа тянулась как в каком-нибудь приключенческом кино — по кругу, постепенно ниспадая ко дну огромного котлована, созданного здесь людьми. Пришли, пробили сюда дорогу между скал, вырубили, взорвали, выбрали весь известняк и ушли, бросив карьер на произвол судьбы. Ни горных речушек, ни родников рядом с этим местом не было, поэтому вода почти отвесных стен не размывала и растительность на них не приживалась, кроме все тех же колючек, существовавших неизвестно каким образом. Словом, как на Марсе, подумал Вячеслав Иванович, осторожно ступая вслед за шагающими впереди разведчиками, хотя никогда, естественно, на Марсе не был и в глаза его не видел.

Идти было неудобно еще и по той причине, что стопа ноги, как при всяком спуске по круто падающей поверхности, быстро уставала. Майор, шедший следом, подбадривал генерала:

— Ничего, когда обратно пойдем, станет много легче.

— Так ведь наверх же, — морщился Грязнов, боившийся с детства высоты.

— Ногу будет легче ставить, — объяснил майор, но Вячеслав Иванович так ничего и не понял. Вверх, вниз, все равно неудобно и страшно...

Хожение по двум кругам, опоясывающим карьер,

как было сказано, так и уложилось примерно в два с небольшим километра

На дне ветвилась во все стороны все та же проклятая колючка, ловко цеплявшаяся за штанины. Бойцам даже пришлось прорубать себе проход. Молодец, однако, майор Захарченко, взял с собой все необходимое и даже такую возможность предусмотрел.

В общем, не без труда, но проложили дорогу к тому месту, где лежали обгорелые металлические останки микроавтобуса. Тела тоже обуглились, но опознать их все-таки было можно. Так сказал судебный медик, пришедший с группой. Надо было только по возможности аккуратно запаковать их в специально приготовленные для этой цели мешки и поднять каждый наверх, на площадку, — на руках ли, с помощью спущенного троса, как угодно, главное — не нарушить целостности. А тут столько уступов, что груз, поднимаясь, будет обязательно биться об острые края и может просто не доехать доверху. Значит, что? Спускать носилки, укладывать на них черные мешки и нести их своим ходом по тропе до микроавтобуса.

Да, не очень рационально используется техника, но иного варианта все равно не просматривалось. Правда, можно было попробовать краном поднять обломки микроавтобуса, но майор предложил просто вырезать те части корпуса, на которых были выбиты номера для их идентификации, а остальное оставить здесь.

Так и поступили. Тела упаковали. Тяжкий запах от них, после того как их потревожили, стал просто невыносим. Но бойцы терпели, надели только марлевые повязки, а затем попарно, с носилками, потянулись вверх по тропе гуськом. В последние носилки впряглись майор с Грязновым. За делом, думал про себя Вячеслав Иванович, и подъем покажется не таким тяжелым. А судмедэксперта оставили без груза, ведь ему еще предстояло работать с этим «материа-

лом». Еще двое бойцов остались внизу, чтобы подождать, когда им спустят необходимый инструмент для резки металла, а потом они, закончив работу и отправив нужные вещи наверх, догонят остальных и помогут тем, кто устанет.

Обратная дорога всегда кажется короче, даже непонятно бывает, почему туда так долго ехали, если вернулись намного быстрее.

Несколько кусков обгорелого металла с выбитыми на них строчками цифр доставили прямо в экспертно-криминалистический отдел, а запакованные тела — в морг краевой больницы для судебно-медицинской экспертизы.

Вячеслав Иванович искренне поблагодарил майора Захарченко и его ребят за помощь и отпустил с миром, пообещав добиться им благодарности и со стороны командующего округом. Но те и так вздохнули с облегчением. Кому понравится столько времени находиться рядом с человеческими останками, издающими, как ни защищай органы дыхания, тяжелый трупный запах. Удивительно, что за столько дней — фактически чуть ли не за месяц, останки не расклевали птицы и не растащили звери.

Могло показаться странным, но весть о том, что найдены и уже доставлены в краевую больницу тела убитых для опознания, ветром облетела город. И первыми возле морга появились родственники погибших. Тут же организовалось что-то вроде несанкционированного митинга, появились непонятные люди, которые развернули заранее, видно, заготовленные лозунги-растяжки, на которых недвусмысленно звучали «революционные призывы» — «Губернатора и его клику — в отставку!», «Позор убийцам!» и прочие, где в том или ином значении упоминались «зять губернатора», «милицейский позор» и прочее. Представителей власти, естественно, не было. Впрочем, на-

верняка кто-то присутствовал, чтобы подробно донести о происходящем в администрацию, но эти люди себя ничем не выдавали, опасаясь попасть митингующим под горячую руку.

Вячеслава Ивановича Грязнова и Владилена Егоровича Старкова, которые вместе с несколькими оперативниками городского угрозыска находились в служебном помещении-морга на всякий случай, во избежание каких-нибудь неожиданностей со стороны лиц, не желавших, чтобы стали известны результаты вскрытия тел, встретили, когда они вышли на улицу подышать, чуть ли не овацией. Ну да, конечно, это именно им, говорили в толпе, которая постепенно росла, принадлежит заслуга в том, что погибших вообще обнаружили. Значит, кончилось вранье о каких-то похитителях-чеченцах, которые якобы никак не могли определиться с размером выкупа. Кончилось вранье власти! А раз ее наконец разоблачили таким вот, пусть и тяжким для родственников погибших, образом, значит, она должна немедленно уйти в отставку! И уже стали составлять очередную петицию на имя президента.

Грязнов попытался объяснить людям, что предстоит еще долгая и кропотливая работа по извлечению пуль, по опознанию тел, которые годны для этой цели весьма условно. Он стал уговаривать собравшихся разойтись по домам. Он попросил родных погибших подумать, вспомнить, во что были одеты их близкие, что у них могло находиться в карманах, не было ли у них каких-нибудь явных физических недостатков, не делали им какие-либо операции, по следам которых можно опознать обгоревшее тело. Его внимательно слушали и пытались тут же сообщить какие-то сведения. Словом, глухой рассказывал слепому...

Наконец шум стал стихать сам по себе. Видя, что реакции на общественное возмущение никакой не последовало, а, напротив, генерал из Москвы даже выразил всем как бы свое глубокое сочувствие, народ

посторонний стал расходиться, и остались лишь родственники, которым и было важно знать, что делать дальше.

Грязнову позвонил Турецкий и веселым голосом сообщил «новость»:

— Славка, мне сейчас позвонили от губернатора. Знаешь, что он сказал? Он глубоко возмущен тем, что ответственное лицо из МВД организовал митинг протеста и верховодит на нем. Ну, колись, что ты там еще удумал?

По веселому тону Сани Грязнов понял, что это все-таки шутка, но ответил серьезно:

— Позвони этому дураку и скажи, что именно благодаря мне стихийный, но грамотно подготовленный неизвестными мне силами митинг — тут много вертелось подозрительных типов — закончился ничем. Народ разошелся. А ему неплохо бы почитать, что было написано на лозунгах. Умный человек сам подал бы в отставку, но от этого куркуля вряд ли кто дождется такого шага. Разве что мы с тобой поможем. Позвони, позвони!

— Не понял, почему ты его назвал куркулем, мне он сегодня показался очень похожим на бульдога. Есть у нас в подъезде на Фрунзенской один мужик, а у него маленький такой, их называют, кажется, французскими, бульдожка. Вид страшный, а на самом деле сопливый добряк, который даже лаять толком не умеет. Я еще, бывает, встречаясь, говорю тому мужику: «Очень опасная собака? Запросто растерзать может?» А тот усмехается, но, чую, юмора моего не понимает. Серьезный мужик. Но к чему я? Ах, ну да, я ж и говорю, что Шестерев похож на бульдога, но злого и неуправляемого, а не на того, маленького. Ладно, бог с ним. А что у вас?

— У нас, как говорится, начать и кончить. Я здесь сидеть не намерен, но пару оперов мы с Владом все-таки оставим для прикрытия. Больно много любопытных, которые носы без спроса куда не надо суют.

Мало того, что просто мешают, но еще и стирать что-нибудь могут. А что у наших? Надо будет четко обеспечивать порядок опознания, значит, и подготовиться к этому.

— У наших все нормально. Приезжай, есть повод вернуться к вопросу о московских фигурантах. Незачем их там держать. И материалы допросов нужны.

— Ладно, дам команду Николаю, он обеспечит.

2

Помощник министра внутренних дел полковник внутренней службы Виктор Солонин предъявил охраннику пригласительный билет, отпечатанный на плотном картоне золотыми буквами с тиснением, и прошел в фойе Колонного зала. Здесь проходил съезд Российского союза промышленников и предпринимателей России, а следовательно, наверняка были и телица, о которых сообщил Вячеслав Иванович Грязнов, давно знакомый с Виктором. Иначе говоря, друг моего друга и мне друг. Солонин дружил с Турецким, а тот, естественно, с Грязновым.

Вот и получалось, что их интересы невольно становились и его собственными.

Когда Слава попросил Виктора найти подходы к приятелям-олигархам Асташкину и Аксельроду, наиболее удобным вариантом как раз оказался этот съезд, просиживать и терять время на котором Виктор вовсе не собирался. Но он знал — по примеру всех без исключения подобных «деловых» съездов на свете, главное всегда происходит не в зале заседаний, где, говорят, сегодня должен выступить сам президент страны, а в его кулуарах. Там толпится публика, считающая своим неперемennым долгом присутствовать «при» съезде, как бы олицетворяя своим личным появлением «за кулисами» тесную связь бизнеса, власти и всего остального, достойного внимания общества.

И это — не светские тусовки, где абсолютно без-

голосую, но очаровательно обнаженную певичку выдают обычно за очередную мегазвезду, озарившую сиянием своей замечательной попки тусклый небосклон нашего бытия. Нет, когда тусуются крупнейшие промышленники и банкиры, коим принадлежит (по праву или нет — это уже другой, менее значительный вопрос) вся наша жизнь, граждане, тут уж не до очаровательных попочек. Хотя, впрочем, и от них никто не откажется, но — в качестве гарнира, не больше, а никак не в порядке очередного, сменного блюда.

Не обошлось без попок и здесь. Их, видимо, устроители собирались использовать исключительно в плане антуража. Ну, приятно же будет видеть себя в окружении «цвета российского общества» какому-нибудь серьезному дяде, мгновенно повторившему в новых условиях тернистый и полный опасных разборок путь, к примеру, пирата Моргана — от самого его начала и до появления на свет Божий солидных потомков-банкиров! Вот зачем нужен соответствующий антураж! Странно, если кто-то думает иначе. Это ж ведь и есть составная имиджа.

Такая составная должна была сегодня присутствовать и здесь. В антракте заседания, ну, то есть в перерыве, в шикарном буфете на специальных подмостках ожидалось выступление служителей искусства — и для аппетита жующих бизнесменов, и для поднятия их культурного уровня. И среди них парочку своих незамысловатых песенок из фильмов, полюбившихся широкой публике именно тихой незамысловатостью, собиралась Исполнить Оксана Ромова — милая актриса и, к слову говоря, давний агент МВД. С нею не раз работал Виктор. Оксана благодаря своему легкому и поразительно общительному характеру была вхожа буквально во все «великосветские» тусовки. Ее все давно знали и не обращали особого внимания, поскольку она сама не давала повода для подозрений. Очень удобная и весьма, кстати, выигрышная позиция.

Так вот, оказалось, что Оксана хорошо знакома с признанной красавицей Наташкой Смородинской, которая в замужестве прицепила к своей «породистой» дворянской фамилии дополнение со стороны мужа — Аксельрод. И стала Аксельрод-Смородинской — фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! — так охарактеризовала свою подругу Оксана.

Насколько? Именно это и хотел для начала посмотреть Виктор Солонин.

Как актриса Наташа в свое время подавала надежды и едва не стала звездой многочисленных телевизионных сериалов, но что-то не сложилось. Оксана говорила, что она то ли не нашла общего языка с продюсером, то ли не дала режиссеру или дала, но не тому, короче, «биография» развалилась, так и не начавшись. И тут ей неслыханно повезло. Будучи от природы жадной до удовольствий, оставаясь глубоко в душе провинциальной простушкой, она приглянулась быстро идущему в рост физику-теоретику Олегу Аксельроду. В Наташе в ту пору было много замечательных качеств, не замеченных нерадивыми и самовлюбленными вершителями судеб в искусстве кино. Они ничего не увидели в ней, кроме готовой к употреблению фактуры, а вот Олег разглядел сущность характера — упрямого, избалованного, но мягкого и, главное, не стремившегося к разрушению всего сущего, что только может ей не понравиться.

В замужестве Наталья обрела подлинный блеск настоящего бриллианта, а не искусно ограненного фианита. Но, как показала жизнь, повседневное бытие олигарха — вовсе не сахар. Мало того, само понятие «отдых» представляется как нечто мифическое, у него и труд не похож на тот, который Наташа имела в виду. Отработал свое, пришел домой, сел за обед — семья, дети, домашние заботы... Нет, ничего этого не было, зато появились постоянные поездки неизвестно куда, какие-то нелепые компании, чужие люди, громкие заявления и возвращения под утро с

перепачканными чужой помадой губами и так далее. И все это подавалось не как «случайная неверность», не как какой-то непонятный порыв, а как закономерное явление в быстротекущей жизни. Олег видел, что так все живут, и не собирался отбиваться от своих. Потеряешь компанию, можешь ставить крест на деле. Своим долго становятся, но перестают им быть в одночасье.

Короче, надоели Наталье эти финты, о чем она мужу прямо так и заявила. Реакция Олега просто изумила ее. Он серьезно спросил — чего ей не хватает? Денег? Они есть у нее, если мало, то еще будут. Подруги? Это личное дело каждого. Развлечения? Да хоть захлебнись, в каждой тусовке она — желанная гостя. Так в чем же дело? Вопросы есть? Вопросов нет. Семья лично для него — святое, хотя он имеет полное право иной раз, особенно в компании, развлекаться на стороне. Значит, делай так, чтоб тебе было максимально хорошо, но твердо помни, что ни в коем случае мужу не должно быть при этом плохо. Вот и весь сказ.

Наташка приняла условия, говорила Оксана. Иногда тоже отрывалась так, что дух захватывало, но... всегда оставалась предельно осторожной. А если с кем и делилась своими горестями, то разве только с ней, с Оксаной, которую, в отличие от других, считала никаким не простеньким, а просто глубоким и мягким человеком, к сожалению, пока не нашедшим своего счастья. Но, как известно, чаще везет именно тем, кто не рассчитывает на щедрые подарки судьбы.

Эта мысль нередко сквозила — так или иначе — в репликах Оксаны, особенно в те минуты, когда она по утру быстро и ловко одевалась, поглядывая на умиленного ее непрерывными ласками Виктора, чтобы бежать на очередные пробы или съемки. Иметь столь близкие отношения со своими агентами было вне всяких правил, но Виктор, зная Оксану, позволял себе иной раз расслабиться с ней, не обращая при

этом особого внимания на то, как ловко она закидывает удочки в надежде подцепить его на крючок.

Смешная девочка, она даже вздумала ревновать его, когда он попросил познакомить его с Натальей. Он убеждал ее, что встреча необходима по делу, но она не захотела верить и обиделась. Хотя и понимала, что их обоих связывают прежде всего дела, а уж потом все остальное, включая постель в холостяцкой квартире полковника.

И вот он явился в Колонный зал, чтобы «случайно» познакомиться с Натальей Аксельрод-Смородинской, которая обещала подруге Оксане быть на приеме в честь окончания съезда обязательно.

Пока Солонин поднимался по лестнице на второй этаж, в зале несколько раз вспыхивали аплодисменты. Охрана, скупавшая у каждой занавески и возле каждой двери, стояла почтительно и серьезно — президент обращался к элите общества со своими мыслями о будущем России. Как же тут можно зевать!

Поймав на себе несколько строгих взглядов — на лице ж его не было написано, что он помощник министра, который тоже наверняка сейчас сидит в этом зале, слушая президента, Виктор мысленно усмехнулся, но в зал не пошел. Он отправился в противоположную сторону, где увидел толпившихся людей, в основном женщин, как говорится, с безумно знакомыми лицами.

Оксану он увидел сразу, она была в той простенькой, но изысканной — от какого-то дорогого французца — одежде, в которой и ушла сегодня от него утром. Вернулась из ванной, где наводила макияж и прочий блеск, прыгнула к нему на кровать, поцеловала и умчалась.

Она сделала вид, что крайне удивлена, увидев его здесь, а не в зале. Но удивление длилось недолго. Она тут же подхватила под руку высокую эффектную блондинку с оголенными плечами и, развернув ее едва ли не силой, простодушно заявила:

— Хватит тебе, подруга, болтать по пустякам, дай-ка я тебя хоть раз с серьезным человеком познакомлю.

Наталья, как понял Солонин, окинула его мгновенным взглядом — буквально с ног до головы, как это делают профессионалки, — и томно улыбнулась:

— И кто же этот серьезный дяденька?

— Мой бывший любовник, — спокойно отрекомендовала Солонина Оксана. Настолько спокойно, что Виктор даже смутился.

— Смотри-ка, а он, оказывается, способен краснеть! — весело удивилась Наталья. — И как же зовут твоего бывшего... не врешь?.. любовника?

— Его зовут Виктор, но он любил, когда я его называла просто Витей.

— И почему вы расстались? — продолжала допрос Наталья, словно любуясь смущением Солонина. — Неужели этот красивый молодой человек посмел забыть тебя ради своих дел? Это несправедливо — раз, и совсем некрасиво — два! Отвечайте, как на суде!

— Я слышал о вас от... от нее, — кивнул Виктор на Оксану. — И очень рад знакомству. Я не представлял, что вы так красивы, как Ксюха рассказывала. А по поводу... Вам действительно интересно? Ничего мы не расстались, просто у меня было подряд несколько дальних командировок. Профессия такая — командировочный, слышали?

— А как же! Иной раз даже при живом муже, лежащем рядом с тобой в постели, думаешь, что он все еще находится бог знает в какой командировке.

— Вот видите, и вы это чувствуете, — вздохнул, сочувственно покачивая головой, Солонин, ощущая, как между ним и Смородинской начинают потихоньку протягиваться некие интимные нити.

Теперь важно было, чтобы Оксанка не влезла и не помешала. Придуманная ею для себя роль очень подходила Виктору — значит, можно было общаться с Натальей попросту, без затей, как с близкой при-

ятельницай. Раз уж открылись взору некие интимные стороны бытия, зачем подыскивать слова, когда хватает и простого, понятного жеста?

— Эта говорильня сегодня надолго, — с легкой гримасой неприятия происходящего заметил Солонин. — А у вас какая программа, девочки? — Он обратился сразу к обеим — Наталье и Оксане, как бы не разделяя их. — Ксанка, ты что, будешь увеселять жрущую публику?

— Нет, я свободна, к счастью. Продюсер попросил помелькать, может, в будущем пригодится, а так — нет. Это Наташкин тут командует, ее вериги, так, Натка?

Она с понимающей улыбкой посмотрела на подругу. Но в душе Натальи, видимо, вспыхнул долго зревший огонек протеста.

— Скажешь тоже — вериги! Это у него на ногах, а не у меня.

— Позволю напомнить, — с улыбкой вставил Солонин, — что на ногах обычно носили кандалы. Но они совершенно не идут красивым женщинам. А тем более вериги! Если не ошибаюсь, это какие-то чугунные висюлины, которые надевали на голое — представляете? — тело и так таскали на себе всю жизнь. И еще говорили, что так грехи замаливали. Да я б на их месте только и делал, что грешил, чтоб хоть носить было за что. Не понимаю, нет...

Он этот пассаж произнес с таким пылом, что на них стали оглядываться. А незаметный человек в обычном костюме, возникший неизвестно откуда, вежливо попросил:

— Будьте любезны, дамы и господа, говорить немного потише. Имейте уважение.

И отошел.

— Есть, иметь, — боязливо приложив ладонь к виску, словно отдавая честь, тихо и таинственно сказал Виктор и хитрыми глазами взглянул на обеих женщин — поочередно. — А здорово, как в нас, мужиках,

сидит это самое чинопочитание, да? — И спокойным, но решительным тоном добавил: — Короче, если здесь нас ничто важное не держит, есть план, как грамотно и при этом с пользой провести остаток сегодняшнего дня. Могу посвятить, и, если он будет принят, советую быстро смыться, пока официальная часть не закончилось и наша славная элита не повадилась питаться физически и духовно.

— Ишь, как излагает! — с интересом заметила Наталья. — А вам, я вижу, эта самая элита не очень нравится, да? Почему?

— Ха, можно подумать, что вы от нее в полном восторге. Или вот Ксанка. Да никому она не нравится, кроме как самой себе. Несчастные люди! — И он деланно вздохнул, снова обратив на себя внимание посторонних. — Нет, госпожи дамы, — сказал он твердо, — вы как хотите, а я предлагаю, пока не поздно, исчезнуть отсюда. Только, Наташа, вы действительно так независимы, как хотите выглядеть?

— Интересная постановочка вопроса... — недолго протянула она. — А почему вы так считаете?..

— Ни в коем разе. Я просто вижу ваши сомнения. Они написаны на лице. Про душу я не говорю. Про душу — это вот по ее части, Ксанкиной. Она мастер анализировать всякие проблемы, обожаю ее за это редкое качество.

— Ну вот, — хмыкнула Наталья, обернувшись к Оксане, — а ты говорила — бывший! Хотела б я такого бывшего...

Впрочем, последняя фраза, видимо, сорвалась у нее случайно, и Солонин вежливо сделал вид, что не услышал.

— Вперед, — сказал он, — к новым свершениям капитализма!

И две просто замечательные женщины послушно двинулись за ним.

Для начала они хорошо посидели у Ашота, в маленьком, но уютном ресторанчике с кавказской кухней. Ухаживал за гостями сам хозяин — низенький и толстый армянин со смешливыми глазами и уморительным акцентом. Он даже тосты успевал произносить, в которых звучали самые изысканные восточные выражения, касавшиеся женской красоты и вообще всех остальных женских достоинств — в алфавитном порядке. Некоторые буквы, правда, Ашот вежливо пропускал, но смысл тостов все равно оставался острым. Словом, всем было хорошо и вкусно.

Солонин, полулежа, как и обе дамы, на мягком ковровом диванчике с подушками под локтями и за спиной, видел, что Наталье действительно интересно и весело — причем искренне. А Оксана то ли от возложенной на нее ответственной миссии, то ли снова от прилива ревности — уж очень откровенно симпатизировала Солонину Наталья — начала набираться. И к концу обеда, плавно перетекшего в ужин, ей хватило разума, а возможно, и силы воли, чтобы не выказать при посторонних свое «эго», а тихо засопеть от избытка впечатлений.

Вот так, сонную, вынес ее наружу Виктор Солонин и уложил на заднем сиденье своего «мерина».

Наталья, которая заявила, что сегодня ее день, решила отправиться к Солонину в гости и там довершить начатое так неожиданно приятное знакомство.

Она удивилась, как это может холостой мужчина так здорово и просто устроить свою жизнь. Ничего лишнего, а то, что им оказалось, было напоминанием о каком-либо значительном для хозяина событии. Как и фотографии, на которых она стала рассматривать неизвестных ей мужественного вида молодых людей в камуфляже или просто в пляжных одеяниях.

— Кто они? — с неподдельным интересом спросила она, указав на групповой снимок, на котором

были запечатлены двое темнокожих — юная женщина и молодой накачанный мужчина с широченной белозубой улыбкой в пол-лица, а также другие люди, один — явно азиатского происхождения, и среди них — он, Виктор. — Какие прекрасные лица!

— Ну, вот эта красotka — снимок сделан в середине девяностых — сейчас занимает пост заместителя генерального прокурора Соединенных Штатов Америки... Другие — тоже нечто в этом роде. А вот этот человек сейчас распутывает одно из тяжелейших уголовных дел, связанных с убийствами многих людей и в немалой степени является моим учителем — он первый помощник нашего генерального прокурора. Да, любопытная публика.

— А... как вы оказались все вместе?

— Нас учили. Вот он, Саня, и учил. В числе других. — Солонин так обаятельно улыбнулся, что Наталья вконец растаяла.

Она даже вспомнила о своей подруге, которую они вдвоем с Виктором, внеся в квартиру, сразу уложили на широкой тахте, аккуратно раздели и укрыли пледом.

— Как она там? — вроде бы забеспокоилась Наталья, порываясь пойти и посмотреть.

— Нормально, она поспит, и с ней будет все в порядке. Но вот что мы будем делать с вами?

Вид у него при этом был настолько серьезный и озабоченный, что Наталья расхохоталась.

— Не берите в голову. Давайте, Витя, еще посидим. Я бы чего-нибудь выпила — лучше крепкого, чтобы не расслабляться. Коньячку какого-нибудь.

— «Хенесси» подойдет? Или лучше армянский?

— Какие мы!.. — протянула она с шутливым уважением. — Скажите честно, а у вас с ней правда больше ничего нет?

Он понял вопрос.

— Я бы не хотел врать. Иногда случается. Но... как бы сказать? Наверное, это больше детская дружба,

сложившаяся в период полового созревания нас обоих. Как вам такое объяснение?

— Вполне устраивает. А давайте перейдем на «ты»?

— С огромным удовольствием!

Наталья заметила, как у Солонина даже заблестели глаза.

— Но для этого нам следует выпить на брудершafft и поцеловаться, знаете? — добавила она уже со значением.

— Слушаюсь, мой генерал!

Рюмки звякнули, опустели, поцелуй оказался, вопреки обычаю, затяжным, как хороший прыжок с парашютом, а объятия настолько тесными, что, когда пришло время разжать их, они оба совершенно запутались, кто кого крепче держал и за что конкретно.

Ну а после этого оставалось только закрепить еще раз моментальный переход на «ты», но так, чтобы это местоимение в дальнейшем могло только срываться с губ, да и то со стоном, типа «ой, ты!», «ну, ты!», «ах, ты!» и так далее, и уже фундаментально — до тех пор, пока спала сном праведницы «подруга детства и периода полового созревания» Оксана Ромова.

Вышколенный самодисциплиной, Солонин проснулся, естественно, первым. Работа не ждала.

Удовлетворенная Наталья была ласковой кошечкой и, судя по ее поведению, не чувствовала никакого раскаяния либо вины своей по отношению к подруге. Не надо было отключаться раньше времени. Если по правде, размышляла Наталья, то любовь можно было сотворить и втроем. И это было бы еще острее. Но к этому никто не мешает подойти позже. Во всяком случае, она ничуть не жалела, что послушалась и на этот раз своего инстинкта. Ей ведь необходим бывает не просто мужик, а с особинкой, от одного вида которого или только от его прикосновения к твоему телу дух захватывает. Вот такой ей и достался на сегодняшнюю ночь, и уж она постаралась взять все, что

только могла, показать все, что умела, и даже то, о чем грезилось в воспаленных страстью мечтах. «Уф, — могла она теперь с наслаждением сказать себе самой, — кажется, удалось! Но как долго я к этому шла...»

Не знал еще Солонин об этих мыслях, зародившихся у обласканной им женщины. Но если бы даже и знал, то в его ближайших планах ничто бы все равно не изменилось.

Где и когда бывают самые откровенные разговоры? Да на кухне, рядом с утренней рюмочкой, с первой сигаретой и после глотка горячего кофе. В те минуты, когда тело еще переживает безудержные восторги минувшей ночи, а мысли укладываются в стройные и обязательно мудрые фразы, достойные быть запечатленными на вечных скрижалях. Тогда и появляется повод поговорить по душам, так, чтобы у собеседника или собеседницы не возникли опасения, что тебя провоцируют, что-то выпытывают и собираются сделать твои сокровенные знания достоянием толпы, до которой тебе в данный момент решительно никакого дела нет.

Солонин плавно перевел мечтательный разговор-воспоминание о ночных подвигах в плоскость размышлений о тщетности человеческих достижений в области создания материальных ценностей, о ненужности и глупости конфликтов на почве того, кто больше прав в бизнесе или кому больше должно достаться. И особенно противно это бывает, когда в эту бездонную пропасть человеческого тщеславия — и ничего другого! — бросается бездумно все то, что составляет нашу истинную жизнь — жизнь тела и души... Обидно и горько...

Новая рюмочка и ловкая подсказка, которая лобому показалась бы всего лишь как согласие с только что сказанным тобой, еще недавно поистине неутомимой партнершей, заслуживающей немедленной награды, и еще, и еще, привели к тому, что у женщи-

ны сами по себе раскрылись «кингстоны души» И они охотно приняли в себя волны искреннего сочувствия, глубокого и проникновенного понимания, предлагающего излить наконец душу и освободиться от навязчивых и, возможно, болезненных воспоминаний.

Короче говоря, Солонин создал атмосферу той полной свободы и доверительности, при которой Наталья просто уже не смогла бы отказать себе в изысканном и отчасти болезненном наслаждении покорять собственными пальцами хоть и давнюю, но не зажившую рану...

4

История эта произошла еще год назад, когда два дружка-приятеля — они дружили со студенческих времен, хотя учились в разных институтах — один в институте горного дела, иод Москвой, а другой — в нефтехимическом.

Когда пришла пора становиться на ноги, обоюдное желание доказать товарищу свое превосходство превратилось в некую манию. Помогло разобраться, кто есть кто, самое время и обстановка, сложившаяся в стране. Перестройка! Они не стали дожидаться, когда начнется, по известному анекдоту, «перестрелка», а затем и «перекличка», но взялись каждый за свое дело со всей страстью людей, уже увидевших свое желанное будущее. К концу девяностых годов один из друзей превратился во владельца крупнейших в стране угольных разработок и вывозил уголь за границу. Другой занимался тем же самым, но только в области нефтяного бизнеса.

Солонину не стоило объяснять, кого имела в виду Наталья Смородинская-Аксельрод. Ну а известный «угольщик» — это не кто иной, как Николай Асташкин. Да, об этой «сладкой парочке» было давно известно как о друзьях не разлей вода.

Но однажды между ними что-то словно пролетело. Наталья знала что. Как всякая верная жена, озабоченная в определенной степени, чтобы мужнино достояние не расходовалось на случайные связи, она имела как бы свою разведку, точнее, были у нее некоторые способы вовремя проследить за мужем, которого в случае необходимости можно было бы и на место поставить — возникает в подобных семьях такая нужда.

Словом, донесли ей об одном вроде бы совершенно невинном споре, возникшем между Олегом и Николаем, друзьями, которые даже на отдых старались выбираться вместе. Ну, соответственно, вместе и проказили, и дурака валяли, и какие-то сугубо личные свои вопросы решали.

В прошлом году, где-то еще в начале января, что ли, отправились они в Швейцарию, в Давос, где в это время года обычно проходят Всемирные экономические форумы. Побывать там, потусоваться среди крупнейших финансовых воротил мира — дело важное и почетное. Ну а кроме всего прочего, Давос — это уникальный в своем роде горнолыжный курорт, на который, как правило, слетаются выдающиеся красотки со всего света. Естественно, что своих жен, какими бы они ни были, российские бизнесмены брать туда не решаются. Не потому, что в Тулу, по известной поговорке, со своим самоваром не ездят, а потому, что из самоваров там чай вообще не пьют, нет такой привычки, да и моды тоже.

Ладно, уехали и уехали, две недели абсолютной свободы тоже для оставленной женщины кое-что значат. Оно бы, наверное, все и прошло бесследно, но разведка свое дело хорошо знала.

Оказалось, что среди гостей на этом курорте оказалась известная на Западе красотка певица русского происхождения. Звали ее Патрицией Гросс-Вербиной. Ну, появилась, и черт бы с ней. Мало кто обратил внимание. Но два дружка-приятеля — непонят-

но, что с ними произошло! — в прямом смысле слова заикнулись на ней, словно голодные мухи прилипли к этой заразе.

И дошло чуть ли не до ссоры. А в основе-то, как было сказано, лежало элементарное желание просто переспать с достаточно циничной и успешной девкой, наверняка направо и налево торгующей своим телом. Однако наша российская беда в том и заключается, что мужику мало овладеть шлюхой, ему нужно еще и поковыряться пальцем в ее психике, разобраться, насколько он лучше или хуже своего соперника...

Ну, договорились бы между собой, скинулись, как говорят, по-русски и трахнули ее в очередь. Кто против? Если вы такие жадные до новизны...

А вышло все куда хуже. Может, она бы и дала обоим, но быстро вычислила, что на их соперничество можно сделать себе очень хорошие деньги. Чем же иным можно оправдать ее обещание отдаться тому из двоих, кто купит ей принадлежавшую когда-то ее предкам усадьбу где-то под Ялтой, в Крыму. И эти двое взрослых и умных мужиков, словно сосунки какие, затеяли между собой свару.

Ну, лишних денег на выброс, понятно, ни у одного, ни у другого не было. Но имелся неожиданно возникший на Форуме вариант. Фактически без хозяина постепенно опускался на дно весьма перспективный когда-то на Кубани химический комбинат. Он подошел бы и для «угольщика», и уж тем более для «нефтехимика».

Так и родилось пари, скрепленное какой-то компанией, в которой они тусовались. А суть в том, что каждый из друзей должен постараться выкупить акции комбината и начать на нем свое дело. Ну а первая же прибыль от производства, так и быть, пойдет на покупку того имения.

И последнее условие: рассчитывать на безмерную — правильное было бы, наверное, сказать на «безразмерную» — взаимность мадемуазель Гросс-

Вербиной мог ее благодетель и обязательно в интерьерах семейного дома каких-то там графов либо баронов Вербиных. Не хило, блин?! И после этого он еще хочет?

Усталая от своего рассказа, больше похожего на исповедь, Наталья махнула уже не рюмку, а половину бокала «хенесси», после чего голова ее основательно отяжелела. А попытка привлечь к себе такого послушного и такого внимательного, такого обаятельного и сильного, да-да, очень сильного Витюшу едва не закончилась падением дамочки на пол.

Но Солонин действительно был сильным, когда приходилось действовать в условиях постоянно меняющейся обстановки. Ему даже не понадобилась помощь зевающей в дверях Оксаны, увидевшей свою подругу в несколько, надо заметить, непотребном виде. Она, видите ли, не спешила одеваться, возможно, рассчитывая на обязательное продолжение.

Справедливый вопрос последовал лишь после того, когда решился вопрос, куда Наталью уложить. Солонин, не испытывая никаких угрызений совести, устроил свою собеседницу под тем же пледом, под которым провела ночь Оксана, и повернулся к давней подруге и лучшему своему агенту в полной боевой готовности.

— И что ты мне на все это скажешь? — сварливым тоном уязвленной собственницы начала «заводить пластинку» Ксюха.

Оно бы, вероятно, продолжалось до бесконечности, но у Солонина не было теперь ни малейшего желания анализировать услышанное повествование, а тем более делиться с явно обиженной, мучимой подозрениями девушкой мыслями относительно экономической политики Российского государства, зависящей порой черт знает от каких «серьезных международных обстоятельств».

Поэтому он просто сгрел Ксанку в охапку и заткнул поток ее красноречия крепким поцелуем. А

она, падая в его руках на диван в кабинете, где сбоку валялось еще не остывшее белье ее подруги, и не собиралась думать ни о чем, кроме тех ощущений, которые раз за разом делали ее самой счастливой женщиной в данные часы и на данных квадратных метрах шикарного заграничного пледа, много чего повидавшего в своей недолгой жизни.

В середине дня, привезя слегка оглушенных обилием впечатлений подруг к Оксане домой, где те могли объясниться и обсудить, как жить дальше, Виктор Солонин заявил, что ему необходимо на день-другой смотаться в командировку, после чего он вернется и они обязательно продолжат... более тщательное и вдумчивое знакомство.

А вечером того же дня элегантный, высокий блондин с небольшим кейсом в руках вежливо постучал в дверь номера Александра Борисовича Турецкого.

Удивлению Грязнова не было границ, когда он узнал, что Виктор свою роль сыграл и сведения добыл. Как и у кого — это секрет фирмы. Впрочем, при необходимости он готов даже слегка приоткрыть свои карты.

5

Итоги судебно-медицинской, криминалистической и баллистической экспертиз были представлены Турецкому только через три дня.

Пока удалось опознать только труп Москаленко, причем благодаря стараниям врача-стоматолога, который совсем недавно ставил Михаилу Михайловичу коронки на верхние зубы. Свою работу доктор сразу узнал.

Из тела были извлечены три пули. Две — из груди и одна — из головы. Можно было подумать, что пос-

ледняя являлась как бы контрольным выстрелом, тогда как две предыдущие смертельными ранениями не были.

Баллистическая экспертиза показала, что все три пули были выпущены из одного оружия — пистолета, принадлежащего Юрию Петровичу Кирееву. Следы пальцевых отпечатков на металле принадлежали только самому хозяину.

А вот пули, извлеченные из остальных шести тел, буквально наспигованных ими, — эти были выпущены из пяти автоматов, изъятых при задержании охранников.

Казалось бы, какие еще вопросы? Но ведь каждый, за исключением, пожалуй, Барышникова, утверждал, что стрелял не он, а за него кто-то другой, на кого он показать не мог. Нет, Старостенко с Лютиковым валили вину на Барышникова с Алымовым. Орехов вообще отрицал свое участие, утверждая, что из его автомата мог стрелять только Игнат Русиев. Но Игнатовых отпечатков пальцев на автомате не оказалось, в то время как ореховских было предостаточно.

Словом, следователи пришли к выводу, что отрицать преступники могут все что угодно, но факты свидетельствуют против них. А долго врать и запутывать следствие, перекладывая вину с одних плеч на другие, они не смогут. Улики налицо.

В принципе можно было садиться и писать обвинительное заключение.

Ну, с охранниками вопрос предельно ясен.

С Киреевым — тоже. Против него было собрано большое количество свидетельств того, как решались в крае «экономические проблемы». И был Юрий Петрович теснейшим образом связан не только с уголовниками в милицейской форме, на что особо упирал Борис Барышников, никаким боком не причислявший себя к этим преступникам, — это так он реагировал на мысль о снисхождении к нему, но и с про-

фессиональными бандитами. А уж эту сторону деятельности Кири с отменным вкусом расписал сам Глухой, который точно был уверен, что отделается сущей мелочью. Взял, передал, ну, под определенной угрозой же! А кто угрожал? Да Киря с Шиловым — одна компашка.

Вот и на Шилова стал набираться материал. Серьезный компромат. Но решать вопрос с генералом можно было лишь на высоком уровне, в Москве, в министерстве, где его утверждали на этот пост...

Сгоревший «рафик» принадлежал, как быстро выяснили, хозяйственному управлению химкомбината, и факт его пропажи был немедленно доведен до сведения милиции. Но там даже дела не завели по этому поводу. Тоже повод для размышлений.

Лидочка, оказывается, вовсе не отвергла внимания Турецкого. Просто Саша не то время выбрал и не то место. Она с радостью приняла его предложение увидаться, в чем он смог удостовериться в один из тихих вечеров, которые вообще практически не выпадали на его долю. Но один все-таки выбрать удалось. А она потом поклялась, что от своих показаний ни за что не откажется. И рассказала еще много необычайно интересного о том, что происходило в кабинете губернатора, когда там собирался «ближний круг».

Но с выдвижением обвинений против Георгия Владимировича Шестерева Турецкий теперь не спешил, полагая, что всему свое время.

К великому сожалению, никак не вписывался в дело дядя Киреева — Семен Васильевич. Свидетельства указывали на то, что жулик он прожженный, уголовник до мозга костей, но... не пойман — не вор! И ведь уйдет, мерзавец, от ответственности. А вся эта битва за акции химического комбината — оказывается, не что иное, как обыкновенная конкурентная борьба, ну, возможно, более острая, чем того требо-

вала сама ситуация. И уж к делишкам племянника благородный дядя, недавний постпред края при президенте России, никакого отношения не имеет. Зачем ему, если он и без того владеет энергетическим гигантом Кубани? Стоит ли размениваться по мелочам?

А то, что оба они, и дядя, и племянник, оказались в разных лагерях — ну что ж, бывает. Не для себя, кстати, старались. Просто один использовал уголовные методы, а другой отдал предпочтение предельно открытым и прозрачным. Не жмись, заплати больше твоего конкурента, и ты первый придешь к финишу. Вот, собственно, и все.

Нет, далеко не все... Конечно, у стаи могучих адвокатов, коих, едва только возникнет подозрение, немедленно призовут себе на помощь и Асташкин, и Аксельрод, немедленно найдутся аргументы, доказать которые будет очень трудно. Если вообще возможно. Они будут утверждать, что их подопечные, затеяв конкурентную борьбу за овладение важным для каждого из них производством, ни о каком пари даже речи не заводили, что все это просто смешно и несерьезно! Да, возможно, они выбрали себе не самых удачных помощников в этом деле. Нужны были помощники, которые отлично знакомы с местными условиями, а главное, сами кровно заинтересованы в коренном улучшении экономики края. Но никому же и в голову не могло прийти, что видные в городе люди, крупные бизнесмены начнут кровавые игры с привлечением уголовников! Абсурд! Их судят? И правильно делают! Но собственность-то перешла уже в заботливые руки господина Асташкина, известного в стране и за рубежом угольного магната, а господин президент не устает повторять о том, что бизнес и власть вместе ответственны за развитие экономики. Так какие же вопросы могут быть у следствия к тем, кто настойчиво, изо дня в день, осуществляют наделе этот важнейший тезис? Неважно, так будет или не

совсем так, но адвокаты обязательно найдут убедительные слова.

Конечно, история, рассказанная Виктором Солониным, немного выбила Александра Борисовича из седла. Не приходило ему как-то в голову, что подлинные человеческие трагедии могут оказаться всего лишь как бы нечаянным следствием шутивого спора. И это обстоятельство казалось очень обидным.

Посмотрел Турецкий на объем документов, улегшихся уже в несколько томов уголовного дела, почесал кончик носа и сказал задумчиво:

— Даже не знаю, что и предпринять... С Костей, что ли, посоветоваться?

— Посоветоваться — это неплохо. Но Костя обязательно спросит, сам-то к какому выводу пришел? Что ответишь?

— А я отвечу, что из этого дела нам придется выделить в отдельное производство эпизоды с убийствами, чтобы и общественное мнение наконец увидело, что мы тут делом занимались, а не гаданием на кофейной гуще. И убийц надо непременно наказать. И у нас есть для этого все необходимые материалы. Ну а все, что касается, скажем так, олигархического спора, приведшего к весьма печальным последствиям, — тут придется еще пахать и пахать. Очень неблагодарная работа, но и не такая бесконечная, как сейчас кажется. Твое мнение, Славка?

— Полностью с тобой согласен. Даже готов закрепить это мудрое решение доброй рюмкой.

— А ты, Витя?

Солонин подумал, поиграл хитрой своей улыбкой, но сказал серьезно:

— Меня в данной ситуации больше всего беспокоит собственное неожиданное открытие, друзья мои. Я наконец увидел, в какой дыре исчезают народные денежки. И мне стало грустно. Я готов присоединиться к Вячеславу по поводу «мудрого реше-

ния». И еще скажу, если моя помощь понадобится, то я немедленно приду к вам. И не один, а с замечательными помощниками.

— Значит, так тому и быть, — поставил точку Турецкий. — Я звоню Косте, а ты, Славка, наливай. Ничего нам, вижу, на сегодня больше не остается...

— Не горюй! — засмеялся Солонин. — Мы им еще такие точки поставим!

— Какие точки? — нахмурился Грязнов.

— Над буквой «и».

— Ну, поставить — это мы можем, — глубоко-мысленно откомментировал Вячеслав Иванович. — Тем и живы...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог. Кровавая развязка</i>	5
<i>Глава первая. Собственное расследование</i>	10
<i>Глава вторая. Неприятное задание</i>	48
<i>Глава третья. Группа действует</i>	87
<i>Глава четвертая. Промежуточные итоги</i>	136
<i>Глава пятая. Гонка за истиной</i>	180
<i>Глава шестая. По следам исполнителей</i>	227
<i>Глава седьмая. Веские доказательства</i>	270
<i>Глава восьмая. Последние штрихи</i>	318